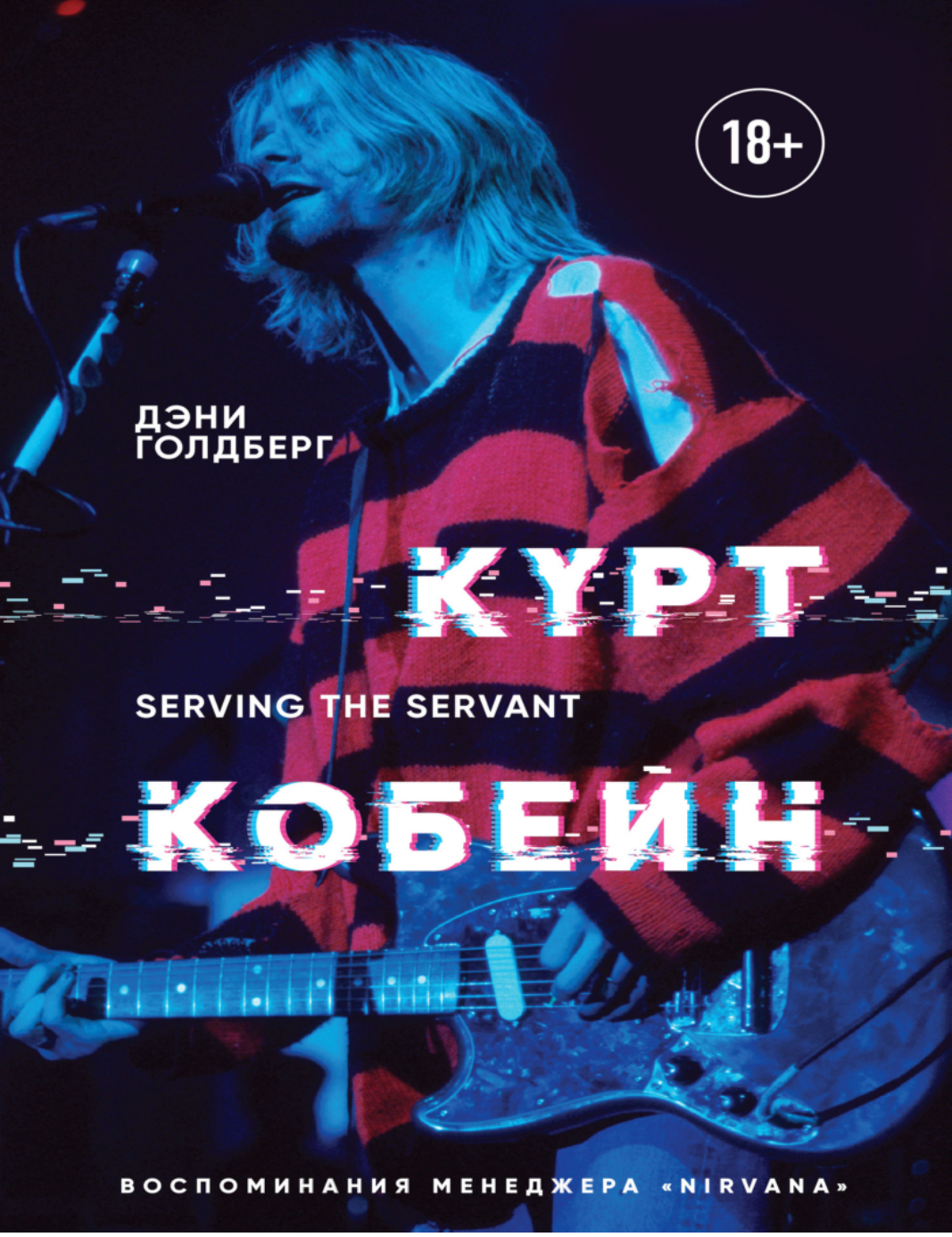
18+
ДЭНИ ГОЛДБЕРГ
КУРТ
SERVING THE SERVANT
КОБЕЙН
ВОСПОМИНАНИЯ МЕНЕДЖЕРА «NIRVANA»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К 25-летию со дня смерти Курта Кобейна. Уникальная история жизни иконы гранжа Курта Кобейна, рассказанная менеджером группы «Nirvana» Дэнни Голдбергом. Автор книги работал с группой на пике ее популярности, а кроме того, был одним из немногих близких друзей Курта. Откровенные воспоминания, реальный жизненный опыт позволили Голдбергу воссоздать наиболее достоверный портрет легендарного музыканта, раскрывающий его с ранее неизвестных сторон.

- Дэнни Голдберг
  -
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Примечание об источниках
  - Благодарности
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Дэнни Голдберг
Курт Кобейн. Serving the Servant. Воспоминания менеджера «Nirvana»

Посвящается

Моему брату Питеру, сестре Рейчел

и нашим родителям Виктору и Мими Голдберг,

которые любили книги, пластинки и своих детей.

Предисловие

Одним осенним днем 2011 года, во время краткого расцвета движения «Захвати Уолл-стрит», я побывал в самом его эпицентре, Зукотти-Парке. Когда я уже уходил, невысокий татуированный подросток с пирсингом в брови робко спросил, можно ли со мной сфотографироваться. Тогда лагерь часто посещали знаменитости, и я ответил, что он, должно быть, с кем-то меня перепутал, но парень покачал головой и ответил:

– Я знаю, кто вы. Вы работали с Куртом Кобейном.

Я невольно задумался: был ли он на свете, когда Курт покончил с собой семнадцать лет назад? Да и что такого долговечного в музыке Курта, что она зацепила его? У всех нас, кто работал с ним, были похожие встречи с фанатами. Кажется даже, будто, общаясь с кем-то, кто знал Курта, они чувствовали себя не такими одинокими.

Впрочем, не все его наследие настолько нежное. Его смерть, как и жизнь, полна противоречий. Начиная писать эту книгу, я ввел Kurt Cobain в поиск Amazon. Кроме плакатов, медиаторов, книг, пластинок, видео и футболок, обнаружились «темные очки Nirvana с овальными линзами, вдохновленные Куртом Кобейном», флисовые покрывала, зажигалка и стальная таблетница с Куртом Кобейном, факсимиле водительских прав Курта из штата Вашингтон и даже игровая кукла Funko «Курт Кобейн с акустической гитарой». Впрочем, больше всего мне понравилась наклейка на бампер с надписью: «Я не разговариваю с собой, я говорю с Куртом Кобейном». Если бы на наклейке говорилось, что это он говорит со мной, я бы точно такую купил.

Начиная этот проект, я помнил, что Курт очень внимательно следил за прессой. Он жаловался на рок-репортеров, которые хотели составить его психоаналитический портрет, и обижался, когда его песни описывали просто как переработанные рассказы о его личной жизни, но, тем не менее, он дал сотни интервью, чтобы придать как можно больше нюансов имиджу, который хотел воплотить.

Его артистическое наследие и трагическое самоубийство создали персонажа, который работает подобно тесту Роршаха. Многие из тех, кто знал Курта, подчеркивают те аспекты его жизни, которые подтверждают их представление о том, кто он такой. Я не исключение. Я работал его менеджером и обязан ему большей частью карьеры, но также я был его другом. Сидя в кабинете, я часто смотрю на нашу фотографию в рамке, где его глаза блестят, – это самая суть того, что я помню о нем.

Память – это в самом деле та еще проблема. Я забыл много подробностей. Как раз когда я собирался связаться с Кортни Лав, чтобы она помогла мне кое-что вспомнить, она сама обратилась ко мне с точно такой же просьбой – о помощи для своих мемуаров. Двадцать пять лет – это много. Никто из нас не молодеет. Для меня лично одна из самых больших сложностей – то, что иногда очень трудно сказать, где заканчивается публичная история и начинаются личные воспоминания. Хорошо, что множество фактов из жизни Курта задокументированы в книгах, фильмах, клипах на YouTube, бокс-сетах, статьях, а в Интернете, которого при жизни Курта практически не существовало, есть сайты с сет-листами практически всех концертов, когда-либо сыгранных Nirvana, во многих случаях – даже с расшифровками разговоров группы между песнями.

Также я смог восстановить некоторые события по своим записям, и огромную помощь мне оказали люди, с которыми я общался, когда работал с Куртом. Обнаружилось, что у многих старых знакомых тоже большие пробелы в памяти, но при этом есть и несколько очень живых, накрепко засевших воспоминаний, которые они хранят годами как отражение жизни Курта и своей собственной. Отдельные периоды моей памяти тоже напоминают расплывчатую импрессионистскую кашу, но некоторые моменты я помню практически с кинематографической четкостью. Впрочем, даже эти истории стали полумифическими после многих лет пересказов, и я обнаружил немало случаев, когда тщательно лелеемый рассказ одного человека противоречил тому, что помнил я или кто-то другой.

Кроме воздействия, оказанного на миллионы фанатов, Курт за отпущенный ему короткий срок глубоко затронул жизни сотен людей, с которыми общался лично. Даже спустя четверть века еще не прошли горькие чувства, которые испытывают его знакомые, знавшие его на ранней части карьеры, к людям вроде меня, которые работали с ним позже; не меньше враждуют и те, кто не любят Кортни, с людьми, которые к ней относятся хорошо (к коим я также себя отношу). Большинство знакомых времен моей работы с Куртом и Nirvana согласились поделиться своими воспоминаниями, но некоторые отказались, потому что даже несмотря на пройденные годы, чувства, связанные с его жизнью и смертью, до сих пор остаются очень острыми.

Я понимаю тех, кто решил промолчать. В первые двадцать лет после самоубийства Курта я избегал книг и фильмов о нем. Но недавно прочитал и просмотрел запоем все, что нашел. Некоторые рассказы сосредоточены на разводе его родителей и последовавшем за этим несчастном детстве, а также на его

упорной борьбе за признание как музыканта на американском Северо-Западе в конце восьмидесятых. Курт действительно временами рассказывал мне о своих чувствах по поводу того, что родители его бросили, и об одиночестве в детстве, но мне нечего добавить к этим общеизвестным данным о его ранней жизни, да я и не обращался к людям, с которыми не был знаком по работе с Куртом. Мы вошли в жизни друг друга лишь незадолго до того, как Nirvana начала работу над *Nevermind*, альбомом, который после выхода в 1991 году превратил их в международный феномен. Эта книга – субъективное описание времени, когда я был рядом с ним, последних трех с половиной лет его жизни, когда Курт Кобейн сделал большинство из того, за что его до сих пор помнят. Я считаю его артистическое наследие не просто коллекцией величайших хитов Nirvana, но чем-то много большим и совершенно уверен, что его место – на самом верху рок-н-ролльной иерархии. А еще он был щедр к другим музыкантам и внимательно относился к своей роли публичного человека. На личном уровне он был добр ко мне – и в осязаемом смысле, и в том, который невозможно описать.

Многие близкие Курта до сих пор не могут простить ему самоубийства. Я уважаю их чувства, но сам смотрю на это иначе. Я скучаю по нему и всегда буду думать, мог ли я сделать что-то, чтобы предотвратить его безвременную смерть. Тем не менее, насколько я понимаю, ни медицина, ни духовные традиции, ни великие философы до сих не могут дать ясного ответа на вопрос, почему одни люди убивают себя, а другие – нет. Вспоминая, сквозь печаль и радость, о его жизни и творчестве, я пришел к мысли, что самоубийство Курта – это не моральный проступок, а результат душевной болезни, которую ни он, ни все, кто его окружал, не смогли излечить. (Я говорю здесь о «болезни» не в том смысле, в котором говорил бы о ней врач, а как о силе, которая, по моему мнению, не могла контролироваться никем.)

Я не играл вместе с Куртом, не разделял его глубокого интереса и связи с панк-роковой культурой и не принимал с ним наркотики. Однако я работал на него в главном творческом проекте его жизни – собрании произведений, которое нашло новое место рок-н-роллу в глобальной популярной культуре, а для многих его фанатов еще и дало новое определение мужественности.

Несмотря на некоторые «темные места» в его карьере и ужасные реалии смерти, мой взгляд на Курта – в основном романтический, – сосредоточен на творческой стороне его личности. Однажды это стремление думать только о позитивном наследии сильно задело его горевавших друзей. Я произнес

прощальную речь на приватных похоронах, которые устроила Кортни после того, как нашли его тело. В книге *Nirvana: A Biography* британский рок-журналист Эверетт Тру так описал свою реакцию на это: «Дэнни Голдберг на похоронах Курта произнес речь, благодаря которой я понял, почему же певец в конце концов сдался. Эта речь никак не опиралась на реальность, не описывала никого из известных мне людей. В ней Курта назвали «ангелом, который спустился на землю в человеческом обличье, слишком хорошим для этой жизни, и именно поэтому он пробыл здесь так недолго». Какая же херня! Курт был таким же вспыльчивым, капризным, агрессивным, беспокойным, веселым и унылым, как и все мы».

Вскоре после того, как его книга увидела свет, мы с Эвереттом встретились на музыкальной конференции в Австралии, пообщались и обнаружили, что у нас больше общего в чувствах, которые мы испытывали к Курту, чем следовало ожидать. Тем не менее я знаю, что у нескольких человек была такая же негативная реакция на мою надгробную речь, как и у него.

Как мне кажется, все эти точки зрения содержат лишь часть правды. Личность Курта была расщеплена. Он страдал от депрессий, был наркоманом*, но при этом* этом был творческим гением. Он мог быть едко-саркастичным или отчаявшимся, и вместе с тем был глубоко романтичным и уверенным в качестве своих произведений. Курт был разгильдяем, у него сохранилось дурацкое чувство юмора, он ел тот же фастфуд, что и в детстве, и любил днем ходить в пижаме – тем не менее за его имиджем бездельника скрывался весьма утонченный интеллект.

Марк Кейтс, один из руководителей Geffen Records, компании, которая поддерживала наиболее близкие отношения с Куртом, выразил мнение многих, когда сказал мне, задыхаясь от эмоций:

– Вот две вещи, которые очень многие не помнят о Курте. Во-первых, он был очень веселым. Во-вторых, он был невероятно умен.

Курт презирал тех, кто не уважал его, и бывал весьма ворчлив и неприятен, когда страдал от боли, но по большей части он излучал вежливость, редкую для гениев или звезд. Он был, если можно так сказать, хорошим парнем почти всегда.

Наша с Куртом фотография, которую я все рассматриваю, была сделана 6 марта 1992 года в лос-анджелесском «Пэлэсе», на концерте двух его любимых групп, Mudhoney и Eugenius. Незадолго до этого, в сентябре, вышел прорывной альбом Nirvana *Nevermind*, и в следующие пять с половиной месяцев группа

пережила один из самых стремительных взрывов популярности за всю историю музыки. Она дала миру уникальное сочетание панк-роковой энергии и идеалов антиистеблишмента Sex Pistols с поп-мелодиями – и именно в тот момент, когда рок-аудитория наждалась в этом. Курт часто прибегал к самоуничижению в интервью, сравнивая «попсовую» сторону своих песен с Bay City Rollers, The Knack или Cheap Trick, но я считаю, что он всегда подражал The Beatles.

В первые недели после того, как первый сингл с альбома, Smells Like Teen Spirit, попал в радиоэфиры, произошел внезапный сюрреалистический переход от скромных панк-роковых корней группы к новой реальности. Они путешествовали в самолетах, а не в микроавтобусах, спали в гостиницах, а не на диванах у друзей. Незнакомые люди теперь видели в них знаменитостей, а не бродяг.

Двадцать лет тому назад Брюс Спрингстин очень быстро стал знаменит, когда благодаря *Born to Run* попал на обложки *Time* и *Newsweek*, но даже Боссу (прозвище Спрингстина. – *Прим. ред.*) пришлось подождать еще несколько лет до появления большого поп-хита и первого места в хит-параде (с альбомом *The River*). Nirvana же одновременно добилась и признания у критиков, и поп-успеха – этот феномен был удивителен еще и потому, что группа появилась из замкнутого на себе мира панк-рока, к которому до этого момента американские поклонники рок-музыки относились с безразличием.

У музыкантов больше личной культурной власти, чем у любых других артистов. Актеры, за очень редким исключением, зависимы от чужих сценариев. Даже самые крутые кинозвезды, романисты и художники не могут ежевечерне встречаться с тысячами восхищенных фанатов или точно так же каждый день «влезать» им в голову, как хитовая песня. Вот почему термин «рок-звезда» так силен. Поскольку Курт оказался той редкой рок-звездой, которую интересовал не только секс или развлечения, многие журналисты и фанаты называли его «савантом». Та еще хрень, конечно, но и компенсация определенная была. Курт гордился тем, что группе удалось достичь таких высот, и испытывал немалое облегчение от того, что впервые в жизни наконец заработал столько денег, чтобы жить комфортно.

Тем вечером, когда была сделана эта фотография, Курт наслаждался возможностью снова стать обычным фанатом. Mudhoney была одной из его любимых сиэтлских групп, и он дружил с ее вокалистом Марком Армом. Хорошо знаком он был и с Юджином Келли из Eugenius (первоначально группа называлась Captain America, но Marvel заставили их отказаться от этого

имени). Келли написал песню Molly's Lips для своей предыдущей группы, The Vaselines; Nirvana выпустила кавер на нее на одном из своих первых синглов. Еще год назад Курт смотрел на Арма и Келли снизу вверх, а теперь он словно превратился в их более успешного младшего брата, который великодушно их подбадривал.

Несмотря на то что по MTV клипы Nirvana крутили по нескольку раз в день, зрители не лезли к Курту. Может быть, потому, что благодаря своему росту (метр семьдесят три) и сколиозу, из-за которого он слегка сутулился, Курт легко сливался с толпой, а может, потому, что одевался точно так же, как и во времена, когда денег у него вообще не было – в рваные джинсы и кроссовки Converse, или потому, что его не сопровождала никакая свита или охранники. Хотя я лично подозреваю, что многие фанаты тем вечером узнали Курта, но понимали, что его лучше оставить в покое, не мешая наслаждаться музыкой.

Курт недавно прошел курс реабилитации и, насколько я мог судить, был чист. Его глаза были ясными – исчез тот печальный мутный героиновый взгляд, который я впервые увидел, когда Nirvana за несколько месяцев до этого выступала на *Saturday Night Live*. На реабилитацию записались и Курт, и Кортни, и она, кажется, им помогла. Я готов поклясться, что в тот момент он был по-настоящему счастлив.

Во время перерыва мы стояли в пустом углу балкона, куда пускали только по пропускам. Курт увидел фотографа, положил руку мне на плечо и с теплой улыбкой сказал: «Давай сфотографируемся», – словно знал, что я захочу позже вспомнить этот момент.

Кортни была беременна, и они недавно переехали в новую квартиру на Альта-Лома-Террейс в Голливуд-Хиллс. В последнюю минуту Курт решил устроить на новом месте вечеринку после концерта. Он тогда раздумывал, не стать ли взрослым, и на тот момент идея ему, похоже, нравилась. Квартиру оказалось найти довольно трудно. Ее едва было видно с дороги, она располагалась в каком-то странном строении, до которого можно было добраться только по канатной дороге. GPS в те времена почти ни у кого не было, а Курт толком не объяснил, как доехать, так что народу собралось очень мало, но атмосфера все равно была отличная. Я испытал большое облегчение, видя, как Курт и Кортни наконец-то радуются жизни. Этот оазис спокойствия, впрочем, продлился недолго. На следующей неделе Кортни начала давать серию интервью Линн Хиршберг для статьи в *Vanity Fair*; эта статья, вышедшая через несколько месяцев, принесла

паре немало мучений, а «волны» от нее потом шли еще не один год.

Когда я познакомился с Куртом Кобейном, мне было сорок, а ему двадцать три. Останься он в живых, мы бы сейчас оба считались мужчинами среднего возраста, но тогда я был стар, а он молод. Курт все еще был на той стадии рокерской карьеры, когда большинство песен – о том, что ты чувствовал в подростковом периоде. Я же был уставшим от жизни ветераном, двадцать лет отработавшим в рок-н-ролльном бизнесе. У меня были ребенок, ипотека и работа в корпорации. За год до этого моя карьера пережила пик, когда меня на церемонии «Грэмми» поблагодарила Бонни Рэйтт, получившая приз «Альбом года». Характер Курта был выкован в антиистеблишментном мире панк-рока американского Северо-Запада, культуре, которая презирала общепринятые ритуалы шоу-бизнеса вроде вручения наград.

А еще у Курта было отличное понимание того, как синтезировать все аспекты рок-н-ролла. Он писал в Nirvana *и* тексты, *и* музыку. Он был *и* вокалистом, *и* ведущим гитаристом. (В большинстве рок-групп эти должности делят два человека или даже больше – например, Джаггер и Ричардс в Rolling Stones или Плант и Пейдж в Led Zeppelin. Кроме него, единственным музыкантом, который совмещал и то и другое в группе суперзвездного статуса, был Джими Хендрикс.) Курт контролировал все детали продакшена записей Nirvana. Он лично занимался дизайном обложек альбомов и даже многих футболок и придумывал идеи для клипов.

Nevermind разошелся тиражом более пятнадцати миллионов, но таинственный ореол вокруг Курта был создан не одним только коммерческим успехом и не списком его музыкальных навыков. Отличный гитарист, но до Хендрикса далеко. Его голос не испорчен искусственностью или комплексами, передает и уязвимость, и силу, но в роке и без него много замечательных певцов. Притягательный живой исполнитель, но другие были театральнее. Один из немногих композиторов-песенников, кому удавалось совместить структуру поп-песни с хард-роком, но Rolling Stones тоже такое периодически удавалось. Намного более хороший поэт, чем сам он считал, но не уровня Боба Дилана или Леонарда Коэна. Моралист, но не воинствующий.

Курт восхищался The Beatles, в том числе и теми холистическими отношениями, которые группа, особенно Джон Леннон, поддерживала с массовой аудиторией. Как мне казалось, Курт считал всю свою публичную жизнь искусством – каждый концерт, каждое интервью, каждую фотографию. Несмотря на все свои опасения по поводу славы, он очень эффективно ею

пользовался. Он был одним из очень немногих артистов в истории рок-н-ролла, кто мог общаться сразу на нескольких культурных языках – энергии хард-рока, искренности панк-рока, заразительной привязчивости хитовых песен и вдохновляющей привлекательности социального сознания. Кроме того, в начале девяностых Курт нес, по выражению Аллена Гинсберга – который сказал так много лет назад о Бобе Дилане, – «богемный факел просвещения и самоутверждения».

Но туманный взор, который я вижу во многих глазах – например, в глазах того парня на «Захвати Уоллстрит», – основан на чем-то другом, на уникальной эмпатии, которую Курт испытывал к другим людям, особенно к изгоям. Он помог многим своим фанатам почувствовать, словно во вселенной существует сила, которая примет их. Им казалось, будто они на самом деле знают его, а он каким-то образом знает их.

Как мне думается, прототип тесной связи Курта с подростковой тоской нужно искать не в рок-н-ролльном каноне, а в произведениях Джерома Д. Сэлинджера, особенно в его «Над пропастью во ржи». Как и этот классический роман пятидесятых, произведения Курта подарили аутсайдерам чувство собственного достоинства, сломав при этом барьеры массовой культуры, так что доступ к ним получили миллионы. Эпоха Рейгана, породившая его поколение панк-рока, давно ушла и застыла в янтаре, но и через двадцать пять лет после его смерти поэтическое, неотфильтрованное понимание подростковой боли, которое проявлял Курт, по-прежнему заставляет молодежь носить футболки с Nirvana и верить, что они тем самым делают некое заявление.

Курт – это намного больше, чем сумма его демонов. Рисунок в одном из его дневников изображает «множество настроений Курдта Кобейна: Малыш, Спорщик, Задира, Нахал». (В те времена он еще пробовал писать свое имя по-разному.) В статье из журнала *Spin* на десятилетие смерти Курта музыкальный журналист Джон Норис назвал его «панком, героической поп-звездой, жертвой, наркоманом, феминистом, мстителем за гиков, всезнайкой».

Товарищ по группе и близкий друг Курта, Крист Новоселич, недавно напомнил мне: «Курт бывал милым и прекрасным, и он совершил ради меня немало добрых поступков, но в то же время Курт бывал и очень злобным и жестоким».

Мне Курт иногда виделся эдаким ошеломленным мудрецом из далекого космоса, но в то же время он бывал и невероятно сфокусированным маньяком контроля, и уязвимой жертвой физической боли или общественного отвержения, и двуличным

наркоманом, и любящим мужем и отцом, и добрым другом. В одну минуту он мог быть параноиком, в другую – стать необычайно самоуверенным, быть чувствительным аутсайдером, или обычным стеснительным парнем, или тихим, но сильным центром внимания, или хватким мастером саморекламы, или отчаявшимся «взрослым ребенком», которому жизнь казалась бессмысленной. Курт передавал многие свои чувства, не говоря ни слова. Я очень хорошо помню разные выражения его лица: вот он – страдающий, веселый, скучающий, взбешенный, заботливый. И все они лишь усиливались пронзительным взглядом его голубых глаз.

С годами я стал уделять все больше внимания роли Курта как художника. В детстве родные считали, что когда он вырастет, то станет художником-графиком; он никогда не прекращал рисовать и делать скульптуры. Впрочем, Курт отлично понимал уровень своих визуальных талантов.

– Я был лучшим художником в Абердине, – однажды рассказал он мне с горькой улыбкой, – но никогда не думал, что смогу выделиться как художник в большом городе.

Вместо этого свои творческие усилия он направил на музыку. В этом мире он *знал*, что он исключительный. К тому времени, как я познакомился с Куртом, он излучал тихую уверенность в качестве своей работы, которую поддерживали все вокруг – в том числе и другие артисты.

Я предполагаю, что, если вы читаете эту книгу, вы – фанат Nirvana, но я периодически встречаю людей, которые не понимают, с чего вообще весь этот шум. Такова природа музыки. Ничего не может нравиться абсолютно всем, и все мы более или менее предвзяты в пользу того, что было нам по душе в старших классах школы.

Самое близкое к количественному выражению влияния Курта, что я могу представить, – это статистика на стриминг-сервисе Spotify, который открыли в 2008 году, через четырнадцать лет после смерти Курта. Вот список самых прослушиваемых за всю историю Spotify песен, записанных исполнителями, такими же известными, как Курт, а также некоторыми другими артистами, которые стали известными примерно в одно время с Nirvana. (Цифры приведены на май 2018 года.)

Мадонна, «Material Girl»	56 миллионов
Принс, «Kiss»	80 миллионов
NWA, «Straight Outta Compton»	113 миллионов
Pearl Jam, «Alive»	116 миллионов
Брюс Спрингстин, «Dancin' in the Dark»	126 миллионов
Soundgarden, «Black Hole Sun»	139 миллионов
2Pac, «Ambitionz az a Ridah»	144 миллиона
U2, «With or Without You»	210 миллионов
Foo Fighters, «Everlong»	210 миллионов
REM, «Losing My Religion»	229 миллионов
Radiohead, «Creep»	257 миллионов
Dr. Dre, «Still D.R.E.»	275 миллионов
Green Day, «Basket Case»	282 миллиона
Майкл Джексон, «Billie Jean»	353 миллиона
Guns N' Roses, «Sweet Child O'Mine»	358 миллионов
Nirvana, «Smells Like Teen Spirit»	387 миллионов

Вроде бы достаточно наглядно.

Название «Служа слуге» – это дань уважения песне, которую Курт написал для альбома *In Utero* после внезапного коммерческого триумфа Nirvana. Ее часто вспоминают по первой строчке: «Подростковая тоска хорошо продалась» – самоуничижительное размышление об огромном успехе предыдущего альбома. Еще Курт дал понять, что некоторые строчки были попыткой прояснить отношения с его отцом Доном, который бросил семью (я в первый и единственный раз встретился с ним на похоронах Курта). Как по мне, название отображает реалии работы с Куртом – он был слугой музы, которую только он мог слышать и видеть, и переводил ее энергию на язык, с которым могли отождествить себя миллионы. А те из нас, кто работал с ним, должны были всячески помогать его трудам – насколько могли.

Глава первая
Gold Mountain Entertainment

Я впервые познакомился с Куртом в ноябре 1990 года в Лос-Анджелесе. Он и остальные музыканты Nirvana, Крист Новоселич и Дейв Грол, встретились со мной и моим младшим партнером Джоном Силвой в офисе нашей менеджерской компании Gold Mountain Entertainment на бульваре Кауэнга Уэст, недалеко от Юниверсал-Сити.

Первые слова, которые мне сказал Курт, – безапелляционное: «Нет, ни в коем случае» в ответ на вопрос, хочет ли группа остаться на Sub Pop, плохо финансируемом, но уважаемом сиэтлском инди-лейбле, который выпустил их первые записи, в том числе и дебютный альбом *Bleach*, который стал настолько успешным в панковской субкультуре, что на группу обратили внимание мейджор-лейблы.

Он молчал первые пятнадцать минут этой встречи, говорил в основном Крист. Твердый ответ Курта по поводу Sub Pop стал для меня первым намеком на то, как строились отношения в группе. Дейв был виртуозным рок-барабанщиком, который вывел Nirvana на гораздо более высокий музыкальный уровень, чем предшественники. Крист был основателем группы, наравне с Куртом, и разделял его политические и культурные идеи. Трое музыкантов великолепно вместе играли, и у них были общие взгляды на то, как группа вписывается в миры рока и панка, но последнее слово всегда оставалось за Куртом.

В ранние годы рок-н-ролла роль менеджера часто ассоциировалась с продажностью и некомпетентностью. Менеджера Элвиса Пресли, полковника Тома Паркера, многие считали манипулятором, который использовал своего знаменитого клиента, инфантилизируя Элвиса и кладя себе в карман намного больше денег, чем заслуживал. Первого менеджера The Beatles, Брайана Эпштейна, группа очень любила – он стал первым бизнесменом, который понял, насколько они особенные, но, оглядываясь назад, можно сказать, что он был не слишком умелым в плане обеспечения максимального дохода и влияния.

В последующие годы слово «менеджер» в музыкальном бизнесе имело различные определения в зависимости от конкретных личностей как специалистов, так и исполнителей. Агенты актеров часто помогают им с карьерой точно так же, как менеджеры – музыкантам и певцам. Но в музыкальном бизнесе

«букинг-агенты» отвечают только за важную, но очень узконаправленную область деятельности – организацию живых выступлений – и редко имеют дело с фирмами грамзаписи, издателями музыки (компаниями, которые владеют или управляют авторскими правами музыкантов) или стратегией общения с прессой – этим всем занимаются менеджеры. Кроме того, менеджеры музыкантов служат связующим звеном между артистами и их юристами и бухгалтерами, а также букинг-агентами, особенно когда приходится организовывать гастроли в разных частях света. Марк Спектор, несколько десятилетий проработавший менеджером Джоан Баэз, так описывал свою работу: «Эстафета заканчивается на мне».

В некоторых случаях менеджеры также играют роль личных советников и оценщиков идей. Я впервые познакомился с этой работой, когда смотрел документальный фильм о Бобе Дилане *Dont Look Back*, в котором на пленку сняли веселые переговоры менеджера Дилана, Альберта Гроссмана, о более высоких суммах контрактов. Помимо прочего – что так очаровывало зрителя-подростка – Гроссман понимал шуточки, которые Дилан отпускал в адрес некрутых обывателей. (*Dont Look Back* был одним из любимых фильмов Курта.)

Мне довелось немного поработать с Гроссманом в начале семидесятых, а ближе к концу того десятилетия я работал в отделе по связям с общественностью его лейбла Bearsville. Он выглядел как человек, хранивший множество крутых секретов. Считается, что песня Дилана Dear Landlord посвящена Гроссману, в частности, строчка «Если ты не будешь недооценивать меня, я не буду недооценивать тебя». Служа своим клиентам (в числе которых были, например, The Band и Дженис Джоплин), Гроссман изменил баланс сил в пользу артистов в их отношениях с лейблами, агентствами талантов, концертными промоутерами и прессой. Например, именно Гроссман сказал Columbia Records, что шестиминутную песню Дилана Like a Rolling Stone нельзя сокращать до «удобоваримой» длины, на которой обычно настаивали радиостанции, и она все равно стала хитовым синглом.

Другим моим примером для подражания был Эндрю Луг Олдхэм, имя которого я узнал из примечаний на обложках первых альбомов Rolling Stones, в частности *December's Children (And Everybody's)*. В те времена Олдхэм не только был менеджером «роллингов», но и продюсировал их альбомы.

Моим наставником в музыкальном бизнесе был менеджер Led Zeppelin Питер Грант, с которым я работал, когда мне было чуть за двадцать. Грант вывел гроссмановскую борьбу за выгоду

артистов на новый уровень. Внушительный 300-фунтовый здоровяк с акцентом кокни, бывший рестлер, сумел выбить для Led Zeppelin неслыханно крупный кусок экономического пирога. Раньше промоутеры обычно платили музыкантам 50 процентов от прибыли с концерта. Грант настоял на 90 процентах, и музыкальный бизнес изменился навсегда. Вскоре я и сам накрепко усвоил установку Гранта: «*Насрать на всех остальных. Главное – чего хочет группа*».

Слово «менеджер» в какой-то степени обманчиво. Звучит все так, словно мы каким-то образом руководим нашими клиентами, хотя на самом деле верно обратное. Это обслуживающая профессия, а главный начальник – артист. Через несколько лет после смерти Курта я подружился с Олдхэмом (который сказал, что Гроссман и для него был примером для подражания), и мы решили выяснить, в чем сходство и в чем различие менеджерской работы в Rolling Stones середины шестидесятых и в Nirvana девяностых. Олдхэм выразился подобно дельфийскому оракулу:

– Настоящим можно назвать только такого менеджера, которого группа пытается обдурить в неменьшей степени, чем он пытается обдурить ее.

Один из менеджеров, которыми я восхищаюсь, – Кенни Лагуна, который великолепно управлял карьерой Джоан Джетт более четверти века. Кенни однажды рассказал мне о взлетах и падениях в его менеджерской работе. «Это забавная профессия. Однажды я разговаривал с сенатором Шумером по поводу того, чтобы Джоан сделала что-нибудь для Госдепартамента, а на следующий день мне пришлось придумывать, как бы убрать пятно кошачьей мочи с ее персидского ковра».

Поскольку даже самые лучшие артисты склонны к неуверенности, менеджеры практически считают своей обязанностью выставлять любые события в лучшем свете для своих клиентов. Иногда это приводит к так называемому «подслащению пилюли», весьма контрпродуктивному. В документальном фильме о Dixie Chicks под названием *Shut Up and Sing* есть сцена, где группа спрашивает менеджера Саймона Реншоу, не скажется ли зрительское возмущение Натали Мэйн, раскритиковавшей президента Джорджа Буша-старшего незадолго до иракской войны, на их карьере. Он спокойно уверяет их, что кризис очень скоро пройдет. (На самом деле не прошел. Эхо-камера, состоявшая из людей правых политических взглядов, окружала их еще целый год.) Впрочем, на его месте я бы сказал то же самое. В конце концов, они же вот-вот должны были выйти на сцену.

Конечно, есть и исключения. Если клиент делает что-то

неэтичное или саморазрушительное, менеджер может попытаться переубедить его, но по умолчанию он должен защищать и отстаивать его интересы. У менеджеров, которым я хотел подражать, в голове были идеализированные версии их клиентов, которые они проецировали и на самого артиста, и на остальной мир. Как-то после концерта моего клиента один друг сказал мне:

– Полагаю, ты не скажешь ему, что шоу слишком затянуто?

Я на это ответил:

– Такого я не скажу даже *себе*.

В середине восьмидесятых, когда мне было немного за тридцать, я основал собственную менеджерскую компанию Gold Mountain (перевод на английский моей фамилии «Голдберг»). Первыми нашими клиентами стали Белинда Карлайл и Бонни Рэйтт. К 1990 году дела у нас шли настолько хорошо, что я решил расширить клиентский состав и найти артистов, которые привлекали бы более молодую аудиторию. Я знал, что панк-культура набирает популярность и выходит за узкие рамки владений рок-критиков и университетского радио. Поскольку я еще с семидесятых уделял панку не слишком много внимания, то нанял Джона Силву, которому тогда было немного за двадцать, но он уже работал менеджером успешных у критиков групп – House of Freaks и Redd Kross. Силва был настоящим музыкальным нердом, одержимым фанзинами и виниловыми семидюймовыми пластинками. Он знал немало музыкантов, формирующих вкус, появившихся в панк-субкультуре в последнее десятилетие, и даже некоторое время жил в одной комнате с легендарным панк-певцом Джелло Биафрой. Кроме того, Силва отличался поразительным трудолюбием, а его амбиции отлично совпадали с моими.

Через несколько месяцев партнерства мы стали менеджерами Sonic Youth, которые подписались на новое подразделение Geffen Records под названием DGC Records. До этого группа работала только с инди-лейблами и выбрала нашу команду, чтобы мы помогли сориентироваться в коммерческом музыкальном бизнесе. В то время они готовили свой первый альбом, изданный на мейджор-лейбле – *Goo*.

Sonic Youth выпускали миньоны и альбомы восемь лет и за это время стали одними из самых уважаемых и влиятельных артистов в мире инди-музыки. Ведущий гитарист Терстон Мур, который выглядел как худой мальчишка двухметрового роста и обладал при этом весьма проницательным умом, интересовался уникальными гитарными строями авангардного композитора Гленна Бранки не меньше, чем панк-роком. В 1981 году Мур женился на певице-басистке Ким Гордон, которая до этого

училась в художественной школе и смотрела на мир панка через похожую интеллектуальную призму. Гитарист-певец Ли Ранальдо и барабанщик Стив Шелли, как и коллеги, любили множество разных музыкальных жанров. Группа объединяла подрывные идеи панковского восстания с достоинством и интеллектом, благодаря которым их любили практически во всех уголках раздробленного инди-мира.

Вскоре я понял, что Ким и Терстон держат руку на музыкальном пульсе, о котором я вообще ничего не знал, так что я старался при любой возможности общаться с ними. Они считали, что исполняют в сообществе роли не только артистов, но и своеобразных кураторов. Nirvana стала последней из большого списка групп, которым удалось набрать аудиторию после того, как Sonic Youth взяли их с собой на гастроли. Курт считал гитариста Sonic Youth одним из своих наставников. В его дневниках есть несколько записей, где он напоминает себе «Позвонить Терстону». Когда Силва впервые упомянул Nirvana, я долго раздумывал, стоит ли за них браться, потому что всегда беспокоился из-за того, что в новых и малоизвестных музыкантов придется вложить довольно много времени, прежде чем они начнут приносить нам деньги. По просьбе Силвы мне позвонил Терстон и посоветовал сделать исключение из правил – и слава богу, что я его послушал.

Лишь в июне 1991 года, за три месяца до выхода *Nevermind*, я впервые увидел Nirvana вживую, когда они выступили на разогреве у Dinosaur Jr. в «Голливуд-Палладиуме». За годы я увидел уже сотни концертов и обычно относился к ним довольно прохладно, но тут меня словно загипнотизировали. Несмотря на то что большинство зрителей пришли на хедлайнера, Курт устанавливал очень глубокую связь с аудиторией. Он не обращался к общепринятым театральным жестам, но мне казалось, словно ему удается так передать свой внутренний дух, что это сразу вызывает чувство близости. Я и по сей день не могу описать, что же именно он делал – только как это ощущалось. Это была особая форма рок-н-ролльной магии, которой я никогда до этого не видел. Я еще не представлял, какое коммерческое цунами нас скоро накроет, но уже тогда понял, что мне очень сильно повезло работать с Nirvana.

В то время Gold Mountain была средних размеров менеджерской компанией с примерно двадцатью пятью сотрудниками и несколькими десятками клиентов. Для многих из них я выполнял в основном административные обязанности, но с некоторыми меня связывала личная дружба. Уже тогда я понимал, что Курт станет для меня кем-то намного более

важным, чем я изначально предполагал. Уезжая домой после концерта, я сравнил мое растущее восхищение Куртом с целеустремленной преданностью, которая была у Питера Гранта по отношению к Джимми Пейджу. Я очень волновался.

После его смерти меня не раз спрашивали – что-то вроде: «Каким Курт был на самом деле?» Иногда лучшее, что я мог сделать, – смотреть на него через закопченное стекло, видя лишь несколько его граней и отгораживаясь от других. Бывали моменты, когда общаться с ним было очень легко, а бывали и такие, когда вокруг него нужно было ходить на цыпочках. Кроме калейдоскопа самых разных качеств, упомянутых выше, у Курта были и те стороны, которые всегда оставались скрытыми, – артистический гений, который он в буквальном смысле не мог объяснить, и отчаяние, растущее из боли, слишком невыносимой, чтобы рассказать о ней.

Тем не менее повседневные рабочие вопросы в основном отталкивались от того факта, что с самого начала нашей работы с Nirvana я, Силва и группа практически мгновенно поняли, к какому балансу нужно стремиться в отношениях с существующими поклонниками и привлечением новых. Мы даже не представляли, что во вторую категорию войдут миллионы, но недавние успехи Jane's Addiction и Faith No More показали нам, что существуют сотни тысяч фанатов рока, которые, мало что зная о панк-роке, тем не менее, хотят чего-то музыкально и культурно не похожего на «хайр-рок» и хеви-метал, популярные тогда. То была новая, молодая аудитория, которую привлекали одновременно эмоционально доступная музыка и контркультурные ценности. В течение следующего года мы принимали десятки небольших решений, чтобы добиться этого баланса, при этом мы с Куртом очень редко вели долгие разговоры. У нас практически сразу что-то «щелкнуло», и мы стали думать на одной волне. И хотя Курт позже высказывал немало своих развернутых мыслей в интервью, в приватной обстановке он многое выражал полузаконченными фразами, закатыванием глаз и гримасами.

В своем дневнике Курт писал: «Панк-рок говорит, что нет ничего священного. Я говорю, что искусство священно». Тем не менее он ясно дал мне понять, что по-прежнему сохраняет глубокую эмоциональную связь со многими аспектами панка, и ему не все равно, что о нем думают в этой субкультуре.

Я работал в музыкальном бизнесе Нью-Йорка в семидесятых, когда The Ramones и другие музыканты запустили первую волну панк-рока. Начинал я рок-критиком, но вскоре понял, что с моими талантами из меня скорее получится пиарщик. Мои

друзья-журналисты были одержимы панк-сценой в CBGB, мне нравилась энергия и некоторая музыка, но я хотел найти себе место в музыкальном мейнстриме, так что, получив работу на Swan Song, лейбле Led Zeppelin, я перестал внимательно следить за панком.

Теперь же мне предстояло наверстывать упущенное. Я знал, что понимание произведений Курта не может быть полным без знания контекста культуры, вдохновившей его в подростковом возрасте, принявшей в свои ряды в возрасте чуть за двадцать и подарившей ему набор ценностей, которые он в предсмертной записке назвал «Основами панк-рока».

Глава вторая
Основы панк-рока

В 1993 году Курт сказал журналисту Роберту Хилберну: «В детстве я страдал от серьезных депрессий. Каждую ночь я ложился спать, рыдая. Помню, я пытался сделать так, чтобы у меня взорвалась голова, задерживая дыхание, думал, если меня найдут с взорвавшейся головой, они пожалеют. Было время, когда я считал, что не доживу до двадцати одного года». В книге *Come as You Are: The Story of Nirvana* Майкл Азеррад цитировал воспоминания Курта о детстве: «Я думал, что меня усыновили, что меня нашли на космическом корабле. Я знал, что на планету высадили тысячи других детей-инопланетян, даже был знаком с несколькими. И однажды мы поймем, что должны сделать».

В подростковом возрасте чувство отчужденности Курта еще усилилось из-за того, что ему пришлось расти в консервативном лесозаготовительном городке Абердине, штат Вашингтон, где из-за артистических склонностей он стал изгоем. Единственной группой из Абердина, попавшей в национальный панк-пантеон, были The Melvins, и они оказали невероятное влияние на раннюю карьеру Nirvana как творчески, так и лично. В те дни панк-группы редко собирали больше ста зрителей, и фанаты могли довольно свободно потусоваться с группой после выступления. Вокалист The Melvins Базз Осборн (он же Король Баззо) подсадил Криста Новоселича на инди-группу Flipper, и, когда я общался с Кристом в 2018 году, он по-прежнему сиял, вспоминая, каким откровением в подростковом возрасте для него стал их альбом *Generic*.

Курт впервые побывал на концерте The Melvins в 1984 году, в шестнадцать лет. Вскоре после этого Базз записал для Курта компиляционную кассету с панк-роком, на которой были песни Black Flag и Flipper. Курт был поражен и потом месяцами каждый день слушал песни и открывал рот, представляя, что поет. Он рассказал британскому писателю Джону Сэведжу, что, хотя ему нравились некоторые мелодии мейнстримовых рок-групп вроде Led Zeppelin и Aerosmith, большинство текстов казались ему примитивными. «Многие из них были чистым сексизмом – они писали про свои члены и про то, как занимаются сексом. Мне это было скучно». Слушая панк-рок, Курт нашел свое призвание. Эти песни выражали его социальные и политические чувства. Для него стало большим облегчением, что хотя бы в каких-то отношениях он не одинок. На *этой* планете нашелся другой мир, и он очень хотел стать его частью. Вскоре Базз познакомил Курта

с Кристом. На следующий год барабанщик Melvins Дейл Кровер сыграл на первых демозаписях Nirvana. (А через несколько лет Базз познакомил с Nirvana Дейва Грола.)

Фанаты панка очень страстно относятся к любимой музыке, и среди любителей возникают буквально талмудического уровня споры о достоинствах различных исполнителей и о том, что есть панк. У меня нет квалификации, чтобы включаться в эти дебаты, поэтому ниже следует весьма весьма упрощенная версия того, что я, незваный гость из другого поколения, сумел усвоить из материала, который вдохновлял Курта в его ранние годы.

Панк-роковая культура Нью-Йорка семидесятых и та, что вращалась вокруг Sex Pistols в Лондоне, интересовали Курта лишь постольку-поскольку. Их с Кристом интерес в старших классах привлекла следующая итерация панка и прочего инди-рока, которая расцветет в Америке в восьмидесятых. Коммерческий успех движения был ограничен, но оно превратилось в светскую религию для своих фанатов, а в его центре располагалась группа артистов, которых по большей части игнорировал музыкальный мейнстрим.

В 1980–1981 годах, за несколько лет до того, как Базз записал для Курта «ту самую» кассету, Flipper и Hüsker Dü выдали свои первые синглы; Mission of Burma и Minor Threat выпустили первые миньоны; The Minutemen, Dead Kennedys и The Replacements записали первые альбомы; Генри Роллинс присоединился к Black Flag; наконец собрались Sonic Youth и The Butthole Surfers. Все эти группы выпустили альбомы, которые попали в многочисленные списки «Топ-50», раз за разом составлявшиеся Куртом в дневниках в попытке обозначить источники вдохновения Nirvana. Я много раз слышал, как он произносит названия этих групп с таким восхищением в голосе, словно молится. В отличие от олдскульных рок-групп, собравшихся в шестидесятых или семидесятых, панк-группы не считали коммерческий успех обязательным средством самоутверждения и смотрели на популярную музыку довольно желчным взглядом. С этой точки зрения они больше напоминали поэтов или авангардных классических музыкантов, чем мейнстримовых рокеров, которые подражали часто повторяемому обещанию Джона Леннона своим товарищам по группе – что они попадут «на самую макушку верхушки попсы».

Black Flag стала одной из первых таких групп, которую Курт увидел вживую, и, в отличие от большинства современников, они играли быстро и громко. Грег Джинн из Black Flag основал SST Records, чтобы выпускать музыку своей группы, но в течение восьмидесятых лейбл SST стал домом для десятков исполнителей,

которых Курт обожал. Рэй Фаррелл несколько лет проработал в SST, и его наняли в Geffen Records за год до подписания контракта с Nirvana. При первой встрече Курт задумчиво сказал Фарреллу: «Я готов был убить, чтобы попасть на SST».

Группы с SST не могли давать концерты в клубах, которые ориентировались на мейнстримовую рок-н-ролльную аудиторию, потому что о них ничего не писали в популярных рок-журналах, влиявших на мнение организаторов. Соответственно, SST и другим инди-лейблам, вроде Alternative Tentacles, основанного Dead Kennedys, пришлось искать другие помещения – в том числе даже залы ветеранов, где раньше живые концерты не проводились. Вскоре появились новые молодые промоутеры, создавшие альтернативную гастрольную среду, на которой выросла субкультура, позже принявшая в себя и Nirvana.

Крист вспоминает первые гастроли группы по этим маршрутам с большой любовью.

– У нас больше ничего не происходило. Мы садились в фургон и просто ехали по шоссе. Ездили во Флориду, в Канаду. Были счастливы, как устрицы. Нам платили по несколько сотен баксов за вечер, и это было немало.

Кроме музыки, Курта вдохновляла и панк-культура в целом. Поскольку большинство исполнителей, которых он обожал, практически никогда не ставили на коммерческих радиостанциях, а их пластинки не продавались в сетевых магазинах, обычно приходилось добывать эти записи в маленьких независимых музыкальных магазинчиках, которые для многих поклонников панка стали вторым домом. В этих магазинчиках также продавались недорогие панк-фанзины с характерной эстетикой, продвигавшие ценности антиистеблишмента. Самыми влиятельными из них были *Flipside*, издававшийся с 1977 года, и *Maximum Rocknroll*, основанный в 1982-м. (Массовые издания в то время игнорировали или маргинализировали панк восьмидесятых, равно как и *Rolling Stone*. Это создало определенный вакуум, который сначала заполнил журнал *Creem*, который Курт выписывал в подростковом возрасте, а потом, в 1985 году, *Spin*.)

Не считая фанзинов, основным средством массовой информации, которое связывало панк-группы и их немногочисленную, но страстную аудиторию, стало университетское радио. Эфиры университетских радио компилировались в издании под названием *CMJ (College Media Journal)*. В 1982 году редакция *CMJ* стала выпускать *New Music Report*, издание, которое стало играть роль важного куратора для новых артистов в инди-панковском андеграунде.

В восьмидесятых музыка на этой сцене постепенно становилась все более разнообразной. «Если ты делал что-то по-своему, значит, это был панк», – говорит Фаррелл. Кого-то привлекал поэтический минимализм The Ramones, но многие панк-рокеры стали также включать в свои произведения элементы других музыкальных жанров, и их тексты становились все более остросоциальными и политическими. На развитие политических взглядов Курта немало повлияли Ян Маккэй из Fugazi и Джелло Биафра из Dead Kennedys.

Восьмидесятые постепенно подходили к концу, и главной связующей силой сообщества был уже не музыкальный жанр, а солидарность, которую инди-артисты чувствовали друг к другу как к изгоям. Именно в это время Sonic Youth, чья эстетика была вдохновлена скорее нью-йоркской художественной сценой, чем Sex Pistols, превратились в наставников сообщества. Было у всей этой разнообразной компании панк-рокеров и кое-что общее: ценности, которыми Курт позже украсил свой уголок мейнстримовой рок-культуры. Сочинение музыки, работающей на личном уровне, поддержка других артистов в сообществе и общение на равных с аудиторией.

Одним из парадоксов моей дружбы с Куртом было то, что я был связан с двумя культурными силами, ненавистными многим панкам: хиппи и мейджор-лейблами.

Слово «хиппи» имело разные значения в разные времена и для разных людей. К восьмидесятым мужские длинные волосы, которые в шестидесятых были бунтарством, превратились в общепринятую униформу мачистской рок-культуры. Отсюда уничижительный эпитет «хайр-метал» – «волосатый металл». На некоторых панк-концертах на ребят с длинными волосами даже накидывались пьяные фанаты, пользуясь «хиппи» как ругательством.

Некоторые герои Курта мыслили шире. Они понимали, что, хотя внешние символы могут довольно быстро поблекнуть или уйти в широкие массы, через выдающееся искусство всех поколений красной нитью проходит искренний богемный идеализм – в том числе и через культуру ранних хиппи. Грег Джинн из Black Flag побывал более чем на семидесяти пяти концертах Grateful Dead. Ян Маккэй из Fugazi шестнадцать раз смотрел фильм «Вудсток». Марк Арм выпустил сингл с кавер-версией Masters of War Боба Дилана в знак протеста против первой войны в Персидском заливе. Майк Уотт из Minutemen называл Creedence Clearwater Revival политической группой (отчасти из-за антивоенной песни Fortunate Son) и сказал, что рубашки, которые носили Creedence, стали предтечей

популярности фланели как одежды для «обычных ребят» среди панков восьмидесятых. До того как собрать Nirvana, Курт и Крист играли в группе, исполнявшей песни Creedence. Группа, в которой Марк Арм пел до Mudhoney (в ней также играли будущие музыканты Pearl Jam Стоун Госсард и Джефф Амент), называлась Green River – в честь одноименного альбома Creedence.

В разное время Курт отождествлял себя и с хиппи, и с ненавистниками хиппи. Незадолго до выхода *Nevermind* Джон Розенфельдер, молодой рекламщик, которого мы все называли Роузи, восторженно рассказывал ему, что Smells Like Teen Spirit нравится ребятам-стоунерам с университетских радиостанций, накушавшимся психоделиков. Курт презрительно ответил: «Я хочу хипповскую «вареную» футболку, раскрашенную кровью Джерри Гарсии». Бывало, впрочем, что он с ностальгией вспоминал, как пил пиво на могиле Джими Хендрикса в Сиэтле.

Песня Territorial Pissings с альбома *Nevermind* начинается с фразы, позаимствованной из песни шестидесятых Get Together, самую успешную версию которой исполнили Youngbloods. Свирепым, искаженным голосом, словно насмехаясь над хипповским гимном, Крист поет: «Давайте, ребята, улыбнитесь своим братьям, соберитесь все, попробуйте полюбить друг друга прямо сейчас». Многие рок-критики назвали это вступление насмешкой Nirvana над эпохой «мира и любви».

Однако Крист рассказал мне, что они вовсе не ставили под сомнения идеалы этой песни: это был горький комментарий по поводу того, что большинство бэби-бумеров, став старше и влиятельнее, *отказались* от этих идеалов. Самый полный публичный ответ, который дал Курт по поводу Get Together, прозвучал в интервью бразильской *O Globo*: «Эта песня говорит о людях, которые собираются вместе, чтобы быть прикольными и попробовать что-нибудь новое, идеальная противоположность тем мачо, которых я изображаю в Territorial Pissings. Мы не хотели оскорбить парня, который ее написал. Идею «будьте позитивными и вызывайте изменения в обществе и мире» украла пресса, которая превратила ее в смехотворную карикатуру».

А вот в ритуальном разбивании гитары Курта, которое было элементом шоу на многих ранних концертах Nirvana, никакой двусмысленности не было. Он открыто подражал Питу Тауншенду из The Who, который изобрел этот сценический жест в 1964 году и демонстрировал его, после того как группа исполняла свой гимн шестидесятых, My Generation. Барабанщик Кит Мун часто следовал его примеру, переворачивая барабанную установку, и Дейв Грол с радостью копировал это действие в конце многих концертов Nirvana.

Разбивание инструментов идеально подходило для анархических направлений панк-рока, но увлечение Курта The Beatles было куда более необычным явлением для артистов из той субкультуры, из которой вышла Nirvana. Как напомнил мне Терстон Мур, музыканты группы часто говорили о «слове на букву «Б», словно прослушивание «Великолепной четверки» было чем-то типа запретного удовольствия. Если говорить о восприятии массовой аудитории, то в этом большинство панк-рокеров больше напоминали поэтов или музыкантов-авангардистов, чем мейнстримовых рокеров.

Неоднозначное отношение группы к контркультуре шестидесятых, один из многих изобретательных культурных ходов Курта, даже заставило британского писателя Джона Сэведжа предположить, что само слово «Nirvana» было «саркастическим комментарием на взгляды хиппи», хотя, когда Курт объяснял происхождение этого названия, он всегда относился с уважением к его духовной составляющей.

На Редингском фестивале, где Nirvana была хедлайнером, многие носили футболки «Fuck Woodstock». Однако и Курт и Крист говорили мне, что обожают радикалов из шестидесятых вроде Эбби Хоффмана и Тимоти Лири, и сокрушались, что у их поколения нет похожих контркультурных лидеров мысли. Более того: многие панк-музыканты брились налысо или делали ирокезы, а вот ребята из Nirvana носили длинные волосы, с которыми были бы своими в Вудстоке.

На Рождество 1991 года я подарил Курту и Кортни подшивку всей восемнадцатимесячной истории *San Francisco Oracle*, настоящей сан-францисской хипповской газеты. Вскоре после этого Курт дал интервью, в котором указал, что коммуна Хейт-Эшбери поняла, что хипповский символизм лишился смысла еще в 1967 году, имея в виду шествие «Смерть хиппи», широко освещавшееся *Oracle*.

С моей бэби-бумерской точки зрения панковский бунт иногда казался просто очередным воплощением подростковой тоски, популяризированной фильмом пятидесятых «Дикарь». Главного героя Джонни Стрэблера, которого играл Марлон Брандо, спрашивают, против чего он бунтует, а затянутый в кожу мотоциклист мрачно отвечает: «Ну а что у тебя есть?» Точно такой же была и целая когорта фанатов панка, которым ничего не было нужно, кроме расфокусированного гнева, племенной солидарности с другими панками и общего вкуса в музыке. Однако многие течения панк-рока, вдохновлявшие Курта, имели и конкретный политический подтекст. В 1980 году, за много десятилетий до того, как Дональд Трамп стал рупором

разгневанных немолодых белых мужчин, Black Flag предвосхитили их опасения в песне White Minority («Мы будем белым меньшинством… мы будем чувствовать себя неполноценными»).

Подростковые годы Курта совпали с президентством Рейгана, который возглавлял страну с 1981 по 1989 год; оно стало катализатором немалой части ярости американской панк-культуры той эпохи – примерно так же, как антивоенное движение влияло на контркультуру шестидесятых, а противостояние консерватизму Маргарет Тэтчер мотивировало The Clash и других представителей британского панка.

Для молодых людей, которых привлекал панк-рок, «домотканый» стиль Рейгана олицетворял фальшь старого Голливуда. Первая леди Нэнси Рейган сделала примитивную кампанию «Просто скажи нет» центральной частью своей национальной идентичности, что лишь усложнило войну с наркотиками. Пока ее муж занимался отменой множества программ помощи бедным, миссис Рейган потратила 200 000 долларов на новую фарфоровую посуду для Белого дома. Рейгана избрали огромным большинством голосов. Загнанные в угол панки восьмидесятых, не имевшие никакой массовой культуры «сопротивления» властям, к которой можно было примкнуть, создали ее сами. DOA выпустили песню под названием Fucked Up Ronnie. The Minutemen сочинили If Reagan Played Disco, кроме того, существовала хардкорная группа под названием Reagan Youth. В 1983 году Dead Kennedys, группа Джелло Биафры, поехала в тур под названием «Рок против Рейгана». Через два года Терстон описал альбом Sonic Youth *Bad Moon Rising* как «отвержение улыбчивого рейгановского «фасада» во время кампании «Утро в Америке», посвященной его переизбранию». В 1991 году, после выхода *Nevermind*, Курт сказал: «Рейгановские годы определенно отбросили нас туда, где средний подросток чувствует себя каким-то потерянным, и у него нет особой надежды».

Вице-президент и преемник Рейгана, Джордж Буш-старший, устроил войну в Персидском заливе, которую многие в панк-культуре считали конфликтом, предназначенным в первую очередь для защиты интересов нефтяных компаний. Курт и Крист чувствовали себя отрезанными от мира, когда войну одобрили более 90 процентов американцев, и повсюду стали носить желтые ленты; они якобы символизировали поддержку войскам, но «ястребы» частенько называли их символом поддержки самой войны.

Еще одно обстоятельство, которое сплотило большинство

представителей музыкального мира, включая и меня, – противостояние с супругой бывшего тогда сенатором Эла Гора, Типпер, и другими «вашингтонскими женами», которые боролись за запрет продавать альбомы с непристойными текстами несовершеннолетним. Под удар попали многие артисты, которыми восхищалась Nirvana. Альбом Dead Kennedys *Frankenchrist* вышел с постером-репродукцией картины швейцарского сюрреалиста Х.Р. Гигера «Пейзаж с пенисами». («Эта картина очень напоминает рейгановскую Америку на параде», – с гордостью говорил Биафра.) Постер и альбом, содержащий его, стали темой судебного разбирательства в окружной прокуратуре Лос-Анджелеса, но защитники из южнокалифорнийского отделения ACLU (Американского союза защиты гражданских свобод), где я был председателем совета директоров, смогли успешно его отстоять.

Некоторые члены панк-сообщества ставили знак равенства между самим существованием корпоративных фирм грамзаписи и консервативной политики. Я спросил Майкла Азеррада о том, насколько важен был Рейган для панк-движения восьмидесятых, и тот в шутку ответил: «Он был президентом с мейджор-лейбла». Под конец жизни Курта *я* сам уже стал таким руководителем, и, как и большинство моих ровесников, презирал политику Рейгана, но также понимал, что Азеррад говорил голосом типичного панка того времени, и его формулировка лишний раз напомнила мне, по какому тонкому канату приходилось идти Курту.

В интервью французскому журналу *Best* через год после выхода *Nevermind* Курт сказал: «У меня была склонность рассуждать в терминах «мы» против «них». С тех пор как мы стали частью большого бизнеса, я понял, что, к сожалению, не все так просто. Мы познакомились с людьми из больших компаний, которые искренне любят музыку и пытаются способствовать ее развитию. Впрочем, я отлично понимаю и андеграундных ребят, которые считают, что мы продались. Я когда-то рассуждал так же, как они».

Несмотря на то что Курт, которого встретил я, недвусмысленно сказал, что хочет подписать контракт Nirvana с мейджор-лейблом, таинственная аура инди-музыки была важной частью его артистического взросления, и он никогда не терял уважения к этой культуре.

Без таких лейблов, как SST (основан в 1978 году), Alternative Tentacles (1979), Dischord (1980), Epitaph (1980), Touch and Go (1981), K (1982), Homestead (1983), C/Z (1985), Sub Pop (1988) и Matador (1989), многие альбомы, которые вдохновили Курта, не нашли бы своей аудитории. А когда Nirvana пыталась подписать

контракт на запись, именно в такие инди-лейблы Курт отправлял кассеты и письма. Дело было не только в том, что он восхищался музыкой, выпускаемой на этих лейблах: в те времена они были едва ли не единственным возможным вариантом для панк-роковой группы.

Что неудивительно, многие в инди-мире следовали философии непокорного трибализма. Поскольку это были малобюджетные фирмы, которые практически не платили музыкантам аванса, им очень редко удавалось заключить долгосрочные контракты. Таким образом, мейджор-лейблы, вдобавок к своей культурной ортодоксии, еще и представляли собой экзистенциальную угрозу инди-лейблам, подписывая самых многообещающих артистов, после того как те заявляли о себе с помощью мелких фирм. (Hüsker Dü, например, издали три первых альбома на SST, а в 1986 году подписали контракт с Warner Bros.)

Я понимал, что единственный способ для многих молодых независимых артистов добиться чего-либо в музыкальном бизнесе заключался в лишении легитимности предыдущего поколения. Музыкальные тренды создаются подростками. «Поколение» в музыке обычно длится примерно четыре года – именно столько времени нужно, чтобы отучиться в старших классах. У умных, амбициозных ребят чуть за двадцать всегда есть возможность достаточно правдоподобно заявить, что взрослые просто «ничего не понимают». Я сам пользовался похожей формулой, когда пробирался в музыкальный бизнес в конце шестидесятых, будучи длинноволосым хиппи, который противопоставлял себя «скучным» старшим ребятам.

Тем не менее у каждого музыканта – свои цели, и инди-фундаментализм подходил не для всех. К тому времени, как я познакомился с Куртом, он уже пришел к выводу, что отдельные аспекты «инди-гордости», конечно, хороши, но вот некоторые другие установки – просто перевернутый с ног на голову снобизм, и это глупо. Когда это было ему выгодно, Курт припоминал, что к 1990 году альбомы REM, The Stooges, The Ramones, Патти Смит и Sex Pistols вышли в Соединенных Штатах на мейджор-лейблах, и это никак не сказалось ни на музыке, ни на репутации этих исполнителей.

Важным ориентиром для Nirvana были Sonic Youth. Терстон Мур рассказал мне в 2018 году, как группа обосновала для себя подписание контракта с Geffen.

– Мы заметили, что музыка Hüsker Dü никак не изменилась, когда они подписали контракт с Warner. На независимых лейблах, с которыми мы работали – SST Reords, Blast Fist Records, Neutral Records, – если какая-то бухгалтерия и велась, то обычно

довольно подозрительная. А Geffen предлагали аванс, который помог бы нам расплатиться за съемное жилье, застраховать здоровье, вести чуть более хороший образ жизни и, может быть – ну, может быть, – даже бросить ежедневную работу. Мы считали, что сможем обговорить достаточно неплохой контракт.

Sonic Youth занимали весьма прочное место в субкультуре и не могли игнорировать ворчание инди-фундаменталистов. Терстон до сих пор бесится, вспоминая, как панк-музыкант и поборник инди-лейблов Стив Альбини написал статью, «описывающую различные сценарии того, как музыканта систематически обдирают мейджор-лейблы».

– Его описание было таким грубым, – говорил Терстон. – Статья заканчивалась так: «Если ты собрался е*ать свинью, не удивляйся, если твой член перепачкается в говне». Я в ответ Стиву написал письмо, в котором сказал: «Это очень интересный сценарий. Ты только одну штуку не учел, приводя пример группы, которую е*ут в жопу корпоративные лейблы. Эта группа должна быть очень *тупой*».

«Мы ходили на все собрания, – продолжает Терстон. – Мы знали, во что ввязываемся. Знали, откуда получаем деньги и кто что тратит. Мне не казалось, что мы подписываем «контракт блюзмена», как выразился Альбини. Мы общались с банком. Нам не казалось, что мы продаемся. Мы скорее делали выгодное вложение».

Впрочем, даже Терстон иногда разрывался между приверженностью инди-идеологии и тем, как приходилось себя вести в реальном мире. В документальном фильме *1991: The Year Punk Broke*, снятом уже *после* того, как Sonic Youth подписали контракт с Geffen, он говорит молодым немецким фанатам: «Мне кажется, мы должны уничтожить лживые капиталистические процессы, которые убивают молодежную культуру. Первым шагом будет уничтожение фирм грамзаписи».

Крист Новоселич был на два года старше Курта; это единственный человек в мире, который проделал вместе с ним все путешествие – от Абердина до всемирного признания. Крист знал, как талантлив и чувствителен Курт. Он был на целый фут выше Курта и казался мне старшим братом, которого у Курта никогда не было, за вычетом «братского соперничества».

Когда я связался с ним для работы над книгой, Крист снова и снова задумчиво повторял: «Говорить о Курте всегда хорошо». Сейчас Кристу уже за пятьдесят, он седой и постепенно лысеет, но сохранил почти детскую невинность и идеализм в отношении музыки и политики и до сих пор готов искренне защищать товарища по группе.

– Кто-то считал, что Курт ленивый, потому что не хочет устроиться на работу уборщиком и чистить туалеты, но когда речь заходила об искусстве и музыке, он не был ленивым. Он работал очень прилежно.

Курт был одним из очень немногих ведущих гитаристов, который играл на гитаре для левшей с нормальным строем, так что у него было мало примеров для подражания среди музыкантов. (Курт был почти полностью самоучкой и так и не научился читать ноты.) Некоторые гитаристы-левши (в том числе Дуэйн Оллмен и Дэвид Боуи) играли на гитаре правой рукой. Курт, подобно Джими Хендриксу, писал правой рукой, а на гитаре играл левой.

Крист вспоминал, что с самого момента их знакомства Курт постоянно писал и переписывал тексты и сочинял музыку. Не менее плодотворной была и работа в визуальных жанрах. Крист вспоминает:

– Однажды я пришел к нему домой в Абердине, а он рисовал порнографические комиксы с участием Скуби-Ду. Они были очень крутыми! Курт постоянно что-то лепил или рисовал. Он мог бы поступить в школу искусств. Он уехал в Олимпию, потому что в Абердине ничего не происходило.

Это же подтверждает и Кортни:

– Ему пришлось поехать в Олимпию, чтобы общаться с людьми, которых он уважал и которые слушали не только The Melvins и Black Sabbath.

Олимпия находится в пятистах милях к востоку от родного города Курта; ее население составляет около пятидесяти тысяч, и в ней есть колледж «Эвергрин», прогрессивная школа, в которой не ставят оценки. Андеграундная комиксистка Линда Барри и создатель «Симпсонов» Мэтт Грейнинг учились в «Эвергрине». Там же получили образование Тоби Вейл и Кэтлин Ханна из группы Bikini Kill, Кэрри Браунштейн из Sleater-Kinney, основатель Sub Pop Брюс Пэвитт и Келвин Джонсон, основатель K Records, который также пел и играл на гитаре во влиятельной местной группе Beat Happening.

Центральная роль Олимпии в панк-сцене восьмидесятых обеспечивалась радиостанцией «Эвергрина», KAOS, которая установила квоту – 80 процентов звучащей на ней музыки должно быть с инди-лейблов. Станция стала настоящим магнитом для многих людей, позже сыгравших важную роль в панк-культуре восьмидесятых и девяностых, включая Джонсона и Брюса Пэвитта, которые до основания своих лейблов работали на KAOS ведущими. Второе публичное выступление Nirvana состоялось в 1987 году именно в эфире этой станции.

Чтобы рекламировать свои релизы, K Records выпускал газету, в которой изображалась антропоморфная версия логотипа лейбла, нарисованная в мультяшном стиле и с подписью «Герой с чистым сердцем борется с многоруким корпоративным людоедом, разрушая проклятие музыкальных репрессий». Кроме того, Джонсон помогал раздвинуть рамки музыкальной инди-роковой культуры. Азеррад пишет, что K Records стал «важной силой, которая расширила представление о панк-рокере – им мог быть не только парень с ирокезом и в мотоциклетной куртке, но и девушка-нерд в кардигане». Как писала Стелла Марс в предисловии к *Love Rock Revolution*, истории лейбла K Records, «гордого бога членорока, доминирующей музыкальной культуры, сменило новое лицо мужественности, которое не боялось плакать». Этот аспект культуры Олимпии был очень по душе Курту. С самого начала карьеры он занялся подрыванием имиджа мачо-фронтмена.

Эрик Эрландсон, который позже стал гитаристом в Hole и близким другом Курта, рассказывает об Олимпии:

– Это была настоящая андеграунд-сцена, связанная еще и с Вашингтоном, который в округе Колумбия. (В «том» Вашингтоне базировались Fugazi, а также первая группа Дейва Грола, Scream.) Она напоминала прикольный маленький кровосмесительный клуб, но большинство народу там было добрым и приветливым. Курт в музыкальном обществе Олимпии явно пришелся ко двору.

Крист напомнил мне:

– Курт много лет писал песни. У него был задел в три-четыре года в развитии этого навыка по сравнению с другими группами. Nirvana начала выступать в Олимпии и Сиэтле, мы зажигали вместе с ровесниками, но как автор песен Курт опережал их на годы.

Слим Мун окончил школу в Сиэтле в 1986 году и входил в тусовку оголтелых фанатов The Melvins, которые ходили на все концерты, куда реально было доехать на машине. Мун вспоминает:

– The Melvins обычно приезжали в фургоне, раскрашенном под тигра, владельцем которого был их техник, Крист.

На одном из этих концертов Мун впервые встретился с Куртом.

Мун переехал в Олимпию, чтобы поступить в «Эвергрин». В колледже он долго не продержался, но остался в городе, потому что ему очень понравилась музыкальная сцена. Однажды вечером Мун и его школьный приятель Дилан Карлсон были на вечеринке в Ист-Олимпии, в клубе под названием «Дюд-Рэнч», и именно там они в первый раз поговорили с Куртом, быстро сдружившись на

почве общей любви к панк-группе Big Black. Уникальное эстетическое чувство Курта было заметно даже тогда. «Курт был одет в очень заметный кожаный плащ», – вспоминает Мун.

Через пару месяцев Мун поехал на вечеринку, где играла новая группа Курта и Криста. Дейл Кровер из The Melvins замещал барабанщика. В тот вечер они назвали себя Skid Row. («Они тогда каждый концерт играли под новым названием», – говорит Мун.)

– Курт был одет в фальшивый глэмовый костюм, включая ботинки на платформах, – вспоминает Мун. – Это была явная пародия. Мне больше всего запомнилось, что он не играл гитарных соло. У него была педаль с цифровым дисплеем, и он словно играл *полу*соло – что было вполне в духе пародии. Очень интересно.

Мун стал сам организовывать небольшие концерты в Олимпии, в том числе одно из первых выступлений группы Курта. Он признает, что его друг Дилан Карсон «решил, что Курт гений, раньше, чем я». (Курт дружил с Диланом до конца жизни, и, скорее всего, именно он был последним, кто видел его живым.) Курту тогда было двадцать лет, и Мун не осознавал всей широты его одаренности, пока тот однажды не сыграл ему песню, «которая была просто суперцепляющей, она цепляла сильнее, чем практически все, что в конце концов попало на альбом *Bleach*».

– Это просто поразило меня. Он экспериментировал со всеми этими различными формами. Он носил джинсовую куртку, исписанную названиями его любимых групп с Touch and Go и других инди-лейблов, но при этом мог написать убийственную поп-песню.

Уже на этом этапе жизни Курта иногда привлекали наркотики, не слишком-то для него полезные. Мун вспоминает:

– Я переезжал и попросил Курта помочь. Он сказал, что чувствует себя не очень хорошо, но, когда я сказал, что он единственный мой знакомый, у которого есть машина, он помог мне собрать вещи, открыл дверь и его вырвало, а потом он помог мне все перенести. Он был очень добр ко мне, хоть и чувствовал себя отвратительно. Я и не думал, что он дурью балуется.

Олимпия, по словам Муна, «была довольно-таки трудным местом, чтобы прослыть крутым. У нее была репутация элитной школы. Говорили о всяких-разных кликах. Курт понимал, чем именно крута Олимпия, и хотел, чтобы его приняли крутые люди, и, конечно же, его приняли. Группа была слишком хорошей, чтобы ее не принять».

– А еще он был очень забавным на вечеринках, – добавил Мун. – Мог долго молчать, а потом вдруг взять и захватить

внимание всей комнаты.

Еще Олимпия была центром движения Riot Grrrl, которое расцвело как раз в ту пору, когда там жил Курт. Музыкальный критик NPR Энн Пауэрс, которая в свое время ежедневно писала о музыке Сиэтла в *The Rocket* и издала несколько книг о феминизме и роке, объясняла: «Riot Grrrl – это панк-рок с повышенной ответственностью». Одной из самых влиятельных групп в движении Riot Grrrl была Bikini Kill, выпустившая альбом на лейбле Kill Rock Stars, который основал Мун; дистрибуцией заведовал K Records.

– У Курта был страстный роман с барабанщицей Bikini Kill Тоби Вейл, когда он жил в Олимпии, – вспоминает Кортни. – Тоби – первая женщина, в которую Курт был по-настоящему влюблен.

Пауэрс отмечает:

– Этот опыт сделал его не таким, как Mudhoney или Pearl Jam. Он пережил все лично. У него был роман с женщиной, которая записывала феминистскую музыку, он читал классические книги на эту тему, смотрел на мир через эту линзу.

Курт тоже оказал влияние на Вейл. Она рассказала Эверетту Тру, что немало узнала от Курта о пении – в том числе об использовании крика, словно голос – просто еще один музыкальный инструмент.

Во всех версиях биографии Курта фигурирует случай, когда однажды ночью вокалистка Bikini Kill Кэтлин Ханна нарисовала над его кроватью граффити: «Kurt smells like teen spirit». Это была отсылка к бренду дезодоранта, которым пользовалась Вейл, но Курт, воспользовавшись артистической алхимией, применил эту фразу в совершенно другом смысле, когда писал свою самую знаменитую песню. Кортни, чья взаимная неприязнь с девушками из Bikini Kill хорошо известна, в 2018 году рассказывала мне о них задумчивым тоном:

– Я никогда не была поклонницей их музыки, но любила их культуру.

Riot Grrrl и Кортни Лав олицетворяют собой два направления панк-роковой мысли, которые Эверетт Тру описывал следующим образом: «Были группы вроде Sex Pistols или The Clash, которые считали, что нужно тайком проникнуть в общество и разрушить его изнутри, делать гадости системе и всячески веселиться, а были люди вроде Яна Маккэя и Fugazi, с точки зрения которых любое взаимодействие с системой разрушительно, и нужно создавать совершенно альтернативные структуры вне ее. Курт, очевидно, выбрал путь действий внутри системы. Он женился на Кортни Лав, а не на Тоби Вейл. Это все объясняет, верно ведь?»

Различия между двумя философскими школами инди-мира, о

которых говорит Эверетт, подмечал и Курт в своих дневниках после записи *Nevermind*; там он явно выступает на стороне тех, кто подрывает систему изнутри: «С тех пор как я недавно завязал отношения с сотрудниками корпоративного людоеда, я узнал, что существует горстка очень достойных и искренних любителей музыки, которые притворяются врагом, чтобы проникнуть в систему империи и помочь нам уничтожить то, что мы знаем как дерьмо».

Некоторые биографы связывают желание Курта уехать из Олимпии с трудностями в личной жизни, но Крист дает другую причину:

– Он был намного талантливее, чем большинство местных. Вот почему. Многие люди в мире искусства – позеры. Но они на самом деле ничего не делают. А он *был* артистом.

Курт часто говорил мне, что его уже тошнит от снобизма инди-сцены и от того, что это подрывает его амбиции. Эрландсон вспоминает: «Я видел, что Курту нравилось в Олимпии, а что – нет: определенная часть ее была очень консервативной, пристрастной и замешанной на кликах». Курт жаловался Азерраду: «Мне просто хочется, чтобы люди не относились к этому настолько, блин, серьезно. На андеграунд-сцене все словно сражаются за какую-то утопию. Там столько разных фракций. Если ты не можешь заставить андеграундное движение объединиться, и люди в нем просто спорят из-за каких-то необязательных мелочей, по поводу которых не могут согласиться, как, блин, они надеются получить какой-то эффект на массовом уровне?» Конечно, панк-сцену Олимпии не интересовал эффект на массовом уровне. Они любили талант и чувствительность Курта, но отрицали его амбиции.

Кортни Лав некоторое время жила в Олимпии еще до знакомства с Куртом, и ее взгляд на культуру, возникшую вокруг K Records, еще более желчный; она отчасти выразила его в песне Rock Star с альбома Hole *Live Through This*, безжалостно насмехаясь над сценой: «Когда я училась в школе в Олимпии – все были одинаковыми вокруг. Мы выглядели одинаково и говорили одинаково». В акустической версии песни, записанной для передачи Джона Пила на BBC, она вставила строчку: «Я ходила в школу с Келвином», спев ее с нескрываемым сарказмом.

«Келвин» – это Келвин Джонсон из K Records, который познакомил Курта с такими исполнителями, как The Vaselines и Jad Fair, в чьей музыке было больше нюансов, чем у интенсивных, громких панк-групп, аудитория которых в основном состояла из мужчин. Nirvana никогда не записывалась для K Records, но в сентябре 1990 года Курт сыграл несколько акустических песен в

передаче Джонсона на радио KAOS и спел с ним дуэтом песню Wipers под названием D-7. (А еще в этом эфире Курт объявил, что к группе присоединился Дейв Грол.) В 1991 году, после отъезда из Олимпии и незадолго до того, как Nirvana подписала контракт с Geffen Records, Курт сделал на предплечье татуировку с логотипом K Records, которая, по его словам, «должна была напоминать ему, чтобы он оставался ребенком». Курт переписывался с Джонсоном и после феноменального успеха *Nevermind*.

Через неделю после первого радиоэфира Smells Like Teen Spirit в Олимпии состоялась Международная конвенция поп-андеграунда (IPUC), устроенная K Records. Часть манифеста собрания звучала так: «Корпоративный людоед распространяет свое ползучее влияние на умы индустриализированной молодежи, и пришло время Международному союзу рокеров мира собраться и отпраздновать нашу независимость. Потому что корпоративный людоед заразил творческое сообщество черной чумой контрактного рабства. Потому что мы – могильщики, которые закопали серый призрак мифа о рок-звезде. Мы никуда не уйдем. Революция – это конец. Революция – это начало. Мы не пустим сюда никаких прислужников корпоративного людоеда». Однако в другом месте штата Вашингтон уже появились другие независимые силы.

Глава третья
Sub Pop

В Сиэтле, до которого от Олимпии час на машине, лейбл Sub Pop Records поначалу подражал K Records, но оказался более гибким, когда пришлось иметь дело с музыкальным бизнесом. Выпускник «Эвергрина» Брюс Пэвитт сперва называл свою передачу на радио KAOS и связанный с ней фанзин *Subterranean Pop*, но потом сократил имя. Переехав в Сиэтл, Пэвитт и его партнер Джонатан Поунмен стали предпринимателями, у которых было не меньше общего с Ben and Jerry's (марка мороженого. – *Прим. ред.*), чем с K Records.

Лейбл Sub Pop открылся в 1988 году, и его слоганом стало «Доминирование в мире». На визитной карточке Поунмена было написано «Корпоративный лакей», а у Пэвитта – «Корпоративный магнат». Они выставляли себя одновременно бизнесменами и бунтарями, которые смеялись над собой, и этот имидж работал.

Курт беспрестанно преследовал Sub Pop. Кортни рассказывала мне: «Он рвался туда, потому что поначалу хотел быть как Soundgarden, а они уже попали на Sub Pop». Вскоре Курт дожал Поунмена и Пэвитта, и они разрешили Nirvana записать для лейбла несколько синглов. Группа тут же выделилась на фоне прочих – отчасти благодаря голосу Курта и его бесстрашию на сцене: он обожал спрыгивать с любой сколько-нибудь высокой точки на сцену или прямо в зрительный зал.

Курт очаровал всех на лейбле. Дженни Бодди, пиар-агент Sub Pop, жила в одной квартире со Сьюзи Теннант, отвечавшей за промоушен Geffen Records на местном радио. (Рок-сообщество Сиэтла той поры было уникально тем, что люди там были верны в первую очередь друг другу, а не тому или иному учреждению, в котором работали.) В период *Bleach*, когда ребята из Nirvana столько гастролировали, что у них вообще не было постоянного места жительства, они часто спали на полу в комнате Бодди после выступлений в Сиэтле. Как и многие из тех, с кем я общался, Бодди взрывалась от радости, вспоминая Курта в те дни:

– Он приходил и ставил альбом Abba *Greatest Hits*, а потом альбом Partridge Family, а после этого – The Vaselines и Beat Happening, и для нас это было вечеринкой!

Курт выделялся среди более шумных гранж-рокеров.

– Он всегда был милым. Всегда очень чувствительным, – рассказывала Сьюзи Теннант. – Курт был очень милым, добрым и на самом деле веселым. Его юмор был безумной смесью

дурачества и сарказма, он был крайне остроумен.

Вспоминая Курта двадцать пять лет спустя, Теннант серьезным тоном добавляет:

– Он был невероятно сострадательным и верным другом. Он был начитанным, а еще – настоящим артистом, и в музыкальном, и в художественном смысле. Я буду по нему скучать до конца жизни.

Первым релизом Nirvana на Sub Pop стала кавер-версия Love Buzz голландской группы Shocking Blue. Песня стала первым синглом в «Сингл-клубе Sub Pop», устроенном по замечательной схеме, которая весьма помогла лейблу с наличными деньгами. Члены клуба платили 35 долларов в год и по почте получали один сингл в месяц. В 1990 году цену подняли до 40 долларов в год; к тому моменту у «Сингл-клуба» было две тысячи подписчиков. Синглы Nirvana привлекли немало внимания, и вскоре был запланирован релиз альбома.

Терстон Мур познакомился с Брюсом Пэвиттом незадолго до того, как Sub Pop начал выпускать записи, и ему очень понравился один из первых синглов компании, Touch Me I'm Sick группы Mudhoney, так что он был готов доверять исполнителям, подписанным на Sub Pop. Сюзанна Сашич, дизайнер обложки Love Buzz, ранее торговала атрибутикой Sonic Youth на гастролях. В 1989 году она работала на Pier Platter Records в Хобокене и посоветовала Ким и Терстону сходить на дебютный концерт Nirvana в «Максвеллс».

– Она сказала мне, что Nirvana, конечно, не так круты, как Mudhoney, – вспоминает Терстон, – но довольно интересны. В общем, на концерт пошли я, Сюзанна, Ким и Джей Маскис (из Dinosaur Jr.). Это был вечер вторника, и кроме нас собралось, наверное, человек двадцать.

С первых же нот, сыгранных Nirvana, Терстон тут же понял, что «они очень круты», и пошел к сцене.

– Они закончили сет. Чад пинком свалил барабанную установку (Грол стал барабанщиком группы лишь через год), а Крист Новоселич швырнул бас-гитару через сцену. Курт просто начал долбать свою гитару об пол, в общем, полный хаос. Мы с Джеем переглянулись: «Ух ты, надеюсь, у этих ребят нет концерта завтра, это ж идиотизм». Они разнесли все, но выступили отлично.

После шоу Терстон, Ким и Джей пообщались с Nirvana.

– Джей сказал, что собирается переехать в Сиэтл и собрать там группу с Донной Дреш и несколькими ребятами из Screaming Trees. Курт ответил: «Не делай этого.

Переходи лучше к нам». По-моему, это было очень

самонадеянно.

(К тому времени Dinosaur Jr. уже выпустили три альбома, и Маскис был куда более известен в инди-мире, чем Курт.)

Sub Pop редко тратили больше 1000 долларов на запись альбома; *Bleach* Nirvana обошелся всего в 600. Синглы и альбом, вышедшие на Sub Pop, продюсировал Джек Эндино на студии Reciprocal Recording в Сиэтле. Большинство песен с *Bleach* отличаются хард-роковой интенсивностью, напоминающей The Melvins или Mudhoney, но на альбоме нашлось место и About a Girl, первой «нирвановской» песне Курта с поп-мелодией и припевом.

Терстон обычно говорит размеренным, спокойным тоном, но, вспоминая, как впервые услышал *Bleach*, не мог сдержать эмоций.

– Мне показалось, что это просто фантастический альбом. В нем были некоторые вещи, которые я хотел слышать, и очень немногие группы делали их именно так. Нечасто бывало, чтобы пластинка оправдывала сразу все мои ожидания. Было в ней что-то первобытное. Песни очень мелодичные, но при этом оставались панком. Это просто красота. Обожаю этот альбом.

Когда Sonic Youth занимались мастерингом своего дебютного альбома на Geffen, *Goo*, Терстон поставил *Bleach* инженеру Masterdisk Хауи Вайнбергу и сказал: «Если наша запись будет звучать так же, я буду очень счастлив». Инженер недоверчиво посмотрел на него: он серьезно хочет подражать настолько примитивной записи?

– Все дело в атмосфере, – понял тогда Терстон. – Неважно, какая именно технология используется. То было волшебство именно той группы, звучавшей именно на том альбоме; в основном волшебство обеспечивал голос Курта. Если бы эти же песни с этой же группой пел кто угодно другой, у них не было бы такого же полета. Его голос превосходит все.

Sonic Youth взяли Nirvana на разогрев для нескольких концертов на Западном побережье. Терстон вспоминает:

– Они выступили в Лас-Вегасе, Портленде и Сиэтле. На барабанах тогда играл Дейл Кровер из The Melvins. Они были хороши, и зрители знали, что они хороши, но «нирваномании» пока еще не было.

Одной из самых эффективных идей Sub Pop стало приглашение в начале 1989 года лондонского журналиста Эверетта Тру в Сиэтл, чтобы он сделал материал о панк-сцене Северо-Запада. К тому времени Nirvana выпустила лишь пару синглов, но Эверетт уже тогда понял, что они уникальны, и довольно много написал о них в статье для влиятельного британского еженедельного журнала *New Musical Express (NME)*,

которая впервые вывела инди-рок американского Северо-Запада на международную арену.

Вскоре после выхода *Bleach* Поунмен понял, что Nirvana пригодится помощь со звуком на гастролях, и познакомил группу с сиэтлским звукоинженером Крейгом Монтгомери, который работал с еще несколькими группами лейбла. Монтгомери вспоминает:

– Первое, что я заметил, – насколько у них цепляющая музыка. У них были хорошие песни и парень, который реально умел петь, а у многих так называемых гранж-групп не было ни того ни другого. Еще до того, как я услышал группу, народ в Сиэтле рассказывал мне, что этот парень может петь как Джон Фогерти (из Creedence). Я считал, что моя работа – соединить голос Курта с аудиторией.

Курту практически сразу очень понравилась идея возить на гастроли звукорежиссера, и в следующие несколько лет Монтгомери работал на всех концертах Nirvana. «Поначалу мы просто вчетвером загружались в микроавтобус Dodge, принадлежавший Кристу, и ездили по панк-роковым клубам страны», – вспоминает он. Уже в ранние дни карьеры Nirvana, когда их единственные фанаты были полностью погружены в субкультуру панка, а ранние синглы звучали громко и агрессивно, было заметно стремление Курта к гибридному саунду, объединявшему в себе панк и поп. Крист рассказывал, что, кроме альбомов панк-рокеров, они «слушали кассеты Роя Орбисона, The Smithereens и The Beatles». Монтгомери подтверждает: «Довольно много времени они уделяли прослушиванию сладенькой попсы».

Монтгомери вскоре понял, что кроме музыки ребят из Nirvana объединяет еще и юмор.

– На концертах они очень часто откровенно пародировали рок-н-ролл. Разрушали ро́ковые клише. Иногда для этого им было достаточно просто переглянуться или двигаться по сцене определенным образом. Они словно объясняли шутку и зрителям.

Разбивание инструментов – одновременно дань уважения и критика – вполне вписывалось в эту модель поведения. Звукоинженер вспоминает Курта с приятными чувствами:

– Он был веселым, умным, острым на язык, саркастичным парнем, обычно с ним было весело. Иногда он замолкал, и ему требовалось побыть одному, но он жил ради выступления на концертах.

В то время дистрибуцией дисков Sub Pop занималась компания Caroline Records, базировавшаяся в Нью-Йорке. Джанет Биллиг (ныне Джанет Биллиг Рич) была большой поклонницей

панка; она пришла на работу в Caroline публицистом и сотрудницей отдела поиска артистов и репертуара (A&R), еще будучи студенткой Нью-Йоркского университета. Поскольку у Sub Pop сотрудников на Восточном побережье не было, она еще и представляла этот лейбл, когда его группы выступали в Нью-Йорке. У групп никогда не было денег на гостиницу, так что многие из них останавливались на квартире у Джанет в Нижнем Истсайде, на углу Седьмой улицы и авеню С. «Квартирка была всего 42 квадратных метра, но в ней была двухъярусная кровать, так что, накидав на пол матрацы, можно было впихнуть до восьми человек». В общем, проблем с размещением трех музыкантов Nirvana и Монтгомери на первых гастролях в Нью-Йорке, начиная с 1988 года, не было.

Джанет сразу поняла, что Курт – первый среди равных. Группам приходилось переносить всю аппаратуру в ее квартиру, потому что в том районе машину легко могли ограбить. Когда Nirvana ночевала у нее первый раз, Джанет потребовалась помощь в переноске матрацев. Курт удивленно посмотрел на нее и сказал, что этим могут заняться Крист и Чад Ченнинг, тогдашний барабанщик Nirvana.

– Курт разлегся на моей кровати и съел целую коробку печенья. Крист и Чад знали, что им делать. Курт не собирался пачкать руки.

(Когда я пересказал эту историю Кристу, тот тут же бросился на защиту Курта. «Когда надо было, он носил свое оборудование. Мы называли это похоронной процессией».)

Точно так же, как и я пару лет спустя, Джанет осознала, насколько Курт волшебен, увидев Nirvana на сцене. Ее поразило, как группа себя подстегивает.

– Я побывала на их концертах в Филадельфии и Амхерстском колледже. После концертов они всегда говорили, что вышло все отстойно. Они ругали выступление и говорили, насколько дерьмово сыграли, даже когда в гримерку заходил народ и говорил, как все было круто. Для меня каждый их концерт был таким эмоциональным, таким свежим, но они всегда хотели, чтобы было еще лучше.

Она понимала, почему Курта так обожали в панк-сообществе: «Он появился из ниоткуда, у него не было ничего. Вот отсюда и его связь с панковским духом». Но с первой же встречи она поняла, что «Курт еще и амбициозен. Он колебался между двумя мирами». Университетские радиостанции ставили Nirvana с самого начала, а кружок критиков, специализирующихся на панк-роке, писал о группе настолько хорошо, что она вскоре получила культовый статус и за пределами Тихоокеанского Северо-Запада.

Поскольку инди-лейблы вроде SST и Sub Pop рисковали куда меньшими деньгами и редко могли позволить себе услуги юристов, они обычно не заключали долгосрочных контрактов. Однако в начале 1989 года, в процессе записи *Bleach*, Курт и Крист решили, что им нужен контракт с лейблом. Судя по всему, для Курта, тогда знавшего о бизнесе не очень много, это означало некую легитимность. У Поунмена даже не было шаблонного контракта, потому что ни одна группа раньше их о таком не просила, так что ему пришлось составлять договор на коленке. Тогда Курт считал, что контракт обеспечит бóльшую заинтересованность в их успехе со стороны лейбла, но оказалось, что главную выгоду от него получил именно лейбл. Без этого контракта Sub Pop не смог бы заработать на Nirvana миллионы долларов, когда группа ушла к Geffen.

Я сожалею, что та роль, которую я сыграл в карьере группы, помешала мне лучше узнать Поунмена и Пэвитта.

Курт никогда не обижался на них за деньги, которые они заработали на Nirvana после смены лейблов. (*Bleach* не только продался тиражом в сотни тысяч экземпляров после коммерческого прорыва Nirvana; Sub Pop получил еще и «приоритетные» отчисления с *Nevermind*, измерявшиеся в миллионах долларов, и благодаря прибыли, полученной с записей Nirvana, им удалось в 1995 году продать половину компании Warner Music примерно за 20 миллионов долларов.) Sub Pop выпустил первые синглы и альбом Nirvana. Лейбл покупал Курту новые гитары, когда он разбивал свои на сцене. Лейбл познакомил его с Крейгом Монтгомери, Джанет Биллиг и Эвереттом Тру, среди прочих, и многие рассказывают о том, как Поунмен говорил журналистам и музыкантам, что Nirvana будет их самой крутой группой.

Однако владельцы Sub Pop одновременно были и сторонниками «инди-исключительности». В первом выпуске своего фанзина Пэвитт писал: «Когда люди покупают пластинку, они подключаются не только к музыке, но и к ценностям и образу жизни, которые доносит этот исполнитель. Поддерживая крупные голливудские музыкальные корпорации, вы (да, вы) не только позволяете пожилым капиталистам диктовать содержимое наших радиоволн: вы еще и помогаете им продвигать свино*бские мачо-группы, весь образ жизни которых вращается вокруг кокаина, сексизма, денег и снова денег. Восьмидесятым нужен новый звук, и в той же степени они нуждаются и в новых героях». Подобная риторика в конечном итоге не повлияла на карьеру Курта, но она была близка многим музыкантам. В мемуарах *Hunger Makes Me a Modern Girl* Кэрри Браунштейн (ее группа Sleater-Kinney

записывалась на лейбле Kill Rock Stars) отмечала, что «в фанзинах вроде *Punk Planet* и *Maximum Rocknroll* была целая куча таких вот трактатов о продажности».

По возвращении в Америку после первых европейских гастролей Nirvana записала демо Lithium, In Bloom и Polly – трех едва ли не самых запоминающихся песен с *Nevermind*. Позже, когда альбом стал очень успешным, некоторые журналисты отмечали, что и более ранние инди-группы – The Pixies, The Replacements, Hüsker Dü – тоже соединяли некоторые элементы панк-мировоззрения с более традиционными припевами и мелодиями, но мне всегда казалось, что подобные сравнения неуместны. Эти группы, в отличие от Курта, не написали ни одной песни, ставшей большим радиохитом, песни, которая вписывалась бы и в формат «Топ-40», и на рок-радиостанцию. При этом у самых больших хитов Курта были сложные тексты и голые эмоции, которые редко найдешь на поп-радио. Как и когда он понял, как это сделать?

Не считая музыкальной мифологии, в тексте классической блюзовой песни Роберта Джонсона Crossroads нет ничего, указывающего на то, что он продал душу дьяволу в обмен на свой талант. Стойкость этого мифа и отсылки к нему для описания преображения более поздних легендарных музыкантов, например, Джими Хендрикса или Боба Дилана, связаны, на мой взгляд, скорее с тайнами гениальности, чем с какими-либо зловещими оккультными договорами.

В рок-н-ролле не так много аккордов. Все поэты пользуются одним и тем же словарем. Все могут слушать один и тот же музыкальный канон. Некоторым тонкостям сочинения поп-песен можно научиться, но не искусству заставить слушателей обратиться к своим глубочайшим чувствам, да так, чтобы это еще и мгновенно запоминалось.

Некоторые настаивают, что массовый успех в рок-н-ролле зависит в первую очередь от удачи, выбора времени, маркетинга и степени амбициозности. Однако, когда речь заходит о Курте, я считаю, что его успех скорее можно описать фразой, которой пользовался Сонни Роллинс, говоря о музыке Джона Колтрейна в документальном фильме *Chasing Trane*: «Чтобы играть на таком уровне, нужно, чтобы тебя тронуло… что-то». Для моего поколения великим рок-савантом был Боб Дилан. Боб Джонстон, продюсер альбомов *Highway 61 Revisited* и *Blonde on Blonde*, говорил о Дилане: «Бог не тронул его за плечо, а пнул под жопу. Он ничего с этим не мог поделать. Он несет на себе святой дух. Смотришь на него, и сразу видно».

Я верю, что Курта тоже в детстве тронуло «что-то», а потом

пнул под жопу святой дух, и он это знал. Подозреваю, что и Крист тоже знал это с самого момента их знакомства. Конечно, чувствовать, что успех таится в тебе, и видеть, как этот успех приходит к тебе буквально за одну ночь, – вещи совершенно разные.

Продюсером демозаписей новых песен был Бутч Виг, который жил в Мэдисоне, штат Висконсин. Он был известен тем, что записывал недорогие, но отлично звучавшие альбомы панк-групп в своей студии Smart Studios. Виг тогда недавно спродюсировал дебютный альбом Smashing Pumpkins *Gish*, продажи которого составили пару сотен тысяч экземпляров и обеспечили его имени добрую славу.

Продюсеры играют разную роль для разных артистов. Для многих исполнителей в жанре поп, кантри, R&B, а также в более коммерциализированных рок-жанрах продюсеры подбирают материал и аранжировки; часто их творческий вклад практически равен вкладу самого исполнителя. Однако на записях рокеров, которые сами сочиняют свой материал, например, REM, U2 или Nirvana, продюсеры играют более ограниченную роль, оставаясь при этом важнейшими действующими лицами второго плана при работе над альбомом. Они отвечают за звучание, а лучшие продюсеры также помогают артистам делать творческий выбор. Некоторые, например, Бутч Виг, еще одновременно являются звукоинженерами и сами сидят за пультом во время записи.

Альбом *Bleach* показался Вигу «одномерным», но его поразила эволюция композиторских навыков Курта.

– У него было это врожденное чувство поп-мелодий и фразировки. Иногда он чувствовал себя ограниченным форматом панк-роковой группы, но у него был настоящий талант к мелодиям и «хукам».

На этих сеансах записи Виг впервые увидел и перепады настроения Курта.

– В первый день Курт был веселым, увлеченным и общительным, в хорошем настроении. Потом, когда мы записали несколько барабанных партий, Курт просто сел в углу и опустил голову. Я спросил, нужно ли ему что-нибудь, и он даже не ответил. Крист отвел меня в сторонку и сказал: «У него такое бывает. Ему надо отдохнуть, а потом он сам отойдет». Примерно через двадцать минут Курт встал, взял гитару и сказал: «Поехали дальше».

Поначалу группа хотела, чтобы эти песни пошли на второй альбом для Sub Pop, но, вернувшись на гастроли, они переоценили ситуацию и решили пока повременить. Позже Курт рассказал мне, что гастроли дали им более широкий взгляд на

будущие возможности. Монтгомери вспоминал, что «они много говорили в машине о том, что делать дальше. Они были очень недовольны тем, что, несмотря на весь интерес, который привлекал *Bleach*, Sub Pop не продавал их альбомы в музыкальных магазинах». Слим Мун вспоминает, как Курт «жаловался, что Mudhoney заграбастали всю любовь и рекламу от Sub Pop». Еще Курт остался весьма недоволен статьей в *Los Angeles Times*, где Поунмен назвал все группы, подписанные на Sub Pop, «дровосеками». В интервью *Rocket* Курт сказал: «У меня такое чувство, словно нас назвали безграмотными реднеками, которые трахают своих кузин и вообще не понимают, что происходит. Это совершеннейшая неправда». Кроме того, Крист рассказал, что по Сиэтлу тогда ходили слухи, что Sub Pop собирается аффилироваться с каким-то из мейджор-лейблов, и группа решила: «Раз уж мы все равно будем частью этой системы, лучше уж поддерживать с ней контакт напрямую».

На самом деле, как мне кажется, ни одна из этих причин не стала определяющей для Nirvana, когда они принимали решение покинуть Sub Pop. Я считаю, что Курт давно уже интересовался возможностями для рекламы и продвижения, имевшимися у мейджор-лейблов, и окончательно утвердился в этой идее после гастролей с Sonic Youth, чья репутация нисколько не пострадала после контракта с Geffen. Сиэтлская сцена в целом и *Bleach* в частности набирали популярность, и мейджор-лейблы, которые еще год назад проигнорировали бы Nirvana, теперь приглашали их на ужины, так что Курт был заинтригован.

Некоторые люди из панк/инди-мира очень обиделись на Nirvana, когда группа сбежала на мейджор-лейбл. Это напомнило мне, как десятилетиями ранее южные христиане почувствовали себя преданными, когда Сэм Кук и Рэй Чарльз отказались от госпел-музыки в пользу ритм-энд-блюза, или как в шестидесятые некоторые фанаты фолка пришли в ужас, когда Боб Дилан «ушел в электричество».

Однако Курта ничто уже не могло остановить в его стремлении к судьбе, которую он давным-давно для себя замыслил, и к обвинениям инди-пуристов он относился весьма нетерпимо. Позже он объяснял Азерраду: «Группа оказалась в ситуации, когда от нее ждали, что она начнет сражаться, подобно революционерам, с машиной крупных корпораций, а я подумал – как вы вообще смеете так на меня давить? Это глупости какие-то». У него была другая миссия.

Глава четвертая
Nevermind

Несмотря на то, что побочные эффекты славы дезориентировали и иногда мучили Курта, сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что успех на собственных условиях он тщательно планировал годами. Направление и интенсивность его карьеры не были случайностью. Он осознанно делал все именно так.

Летом 1990 года, за несколько месяцев до того, как мы стали работать с группой, Nirvana обратилась к лос-анджелесскому юристу Аллену Минцу, чтобы он помог им рассмотреть варианты с другими лейблами. В сентябре Sub Pop выпустил сингл с новой песней Sliver, которая стала последним релизом Nirvana на этом инди-лейбле. Как и в About a Girl с *Bleach*, у Sliver был весьма цепляющий припев – еще один показатель того, что Курт хотел расширить звучание Nirvana за пределы рамок гранжа.

Вскоре после этого группа резко «переключила передачу». В творческом плане они сменили барабанщика Чада Ченнинга на Дейва Грола. В профессиональном – решили найти себе менеджеров, и именно так они оказались у нас в офисе в начале ноября 1990 года, меньше чем через месяц после первого концерта Грола с Nirvana.

Я не видел ничего плохого в твердом желании Курта покинуть Sub Pop. Идея верности тем, кто поддерживал тебя с самого начала, конечно, достойна уважения, но как долго и какой ценой нужно сохранять эту верность? Если избавиться от инди-идеологии, то конфликт был точно таким же, как у олдскульных музыкальных бизнесменов с артистами. Мои опытные глаза видели в этом сходство со спорами Питера Гранта с концертными промоутерами, которые организовывали ранние концерты Led Zeppelin и тщеславно заявляли, что из-за этого у них есть моральное право предлагать группе меньшие гонорары, чем конкурентам. Курт продолжал дружить с Поунменом и другими людьми из Sub Pop до конца жизнии, ни разу не пожалев о своем решении уйти.

Конечно, на мейджор-лейблах тоже хватало уродов. У Nirvana было несколько встреч с представителями крупных компаний до того, как они обратились к нам. Курт был в ужасе от одного мачо из Capitol Records, который пошутил, что в песне Polly ему ближе насильник, а не жертва. Этого типа, похоже, больше интересовала возможность купить билеты в первый ряд на предстоящий матч

«Лейкерс», чем музыка. Впрочем, к 1990 году на нескольких мейджор-лейблах работали молодые руководители, жившие на той же культурной планете, что и Nirvana, и у группы было несколько хороших вариантов.

В некоторых книгах о Nirvana все подается так, словно мы отняли у группы право решать, с каким лейблом заключить контракт. Руководители Charisma, дивизиона Virgin Records, считали, что группа уже выбрала их, еще до того, как они встретились с нами. Некоторые сотрудники отделов A&R с других лейблов тоже считали, что общение с группой у них прошло успешно, и были весьма разочарованы, когда второй встречи не последовало.

Однако Nirvana могла бы запросто сначала заключить контракт с любым лейблом, а уже потом искать менеджера. Мне кажется, учитывая как хорошо там шли дела у Sonic Youth, Курт уже некоторое время хотел попасть на DGC, в дивизион Geffen Records, и наши хорошие отношения с компанией, скорее всего, стали поводом для Nirvana обратиться к нам. Мы с Силвой с радостью приняли бы любой их выбор, но буквально через несколько дней после нашей первой встречи группа попросила нас подписать контракт с DGC.

Дэвид Геффен основал Geffen Records в 1980 году; к тому времени он уже был легендарной фигурой в музыкальном бизнесе. Он работал менеджером Лоры Ниро, Crosby, Stills and Nash и Джони Митчелл, а потом создал и продал Asylum Records, после того как на этом лейбле вышли популярнейшие альбомы Джексона Брауна, The Eagles и Линды Ронстадт.

Курт не забывал и о том, что Geffen Records выпустили последний альбом Джона Леннона и Йоко Оно, *Double Fantasy*. Позже, в восьмидесятых, Дэвид Геффен попробовал свои силы в театральных постановках на Бродвее («Девушки мечты», «Кошки») и кино («Рискованный бизнес»). Кроме того, он все более пристальное внимание уделял точке зрения Уолл-стрит на то, как добиться максимальной прибыли в индустрии развлечений.

Частью имиджа Дэвида Геффена была его аура доступности. Он обычно ходил в офисе в джинсах и имел репутацию человека, который очень быстро перезванивает даже людям, которые находятся в мире бизнеса намного ниже его, – например, мне. Офис компании стоял в самой середине Сансет-Стрип. Посетители заходили через дверь, выходившую на улицу. Несмотря на все увлечения немузыкальной деятельностью, Геффен делал все, чтобы его фирма грамзаписи достигала финансовых целей, и близко общался с несколькими избранными руководителями лейбла, которые были невероятно верны ему и

всегда называли его просто «Дэвид».

К концу 1990 года Дэвиду удалось создать в компании структуру, которая не требовала его участия в каждом решении, и было легко понять, чем же он так занят. Именно в том году он сменил дистрибьютора для Geffen: вместо Warner Bros этим стала заниматься MCA, и в рамках сделки он обменял право собственности на компанию на акции MCA. В 1991 году, как раз когда мы вели переговоры с компанией по поводу Nirvana, MCA была выкуплена японским промышленным гигантом Matsushita, и эта транзакция сделала Дэвида первым в истории миллиардером, вышедшим из музыкального бизнеса. Соответственно, хотя я иногда общался с ним в прошлом и еще не раз – в будущем, в подписании контракта с Nirvana Дэвид участия не принимал. Он пришел в жизнь Курта позже.

Вскоре после основания Geffen Records Дэвид переманил на пост президента Эдди Розенблатта из Warner Bros. Розенблатт быстро набрал рекламную и маркетинговую команды, не уступавшие тем, какие были у его прежних работодателей. (Кроме как у Розенблатта, в Geffen вообще не существовало никаких официальных названий должностей.) Ранее Розенблатт занимался в основном розничной торговлей музыкой, которую больше интересует эффективное передвижение пластинок, чем искусство, но у него была душа поэта, и он мог легко сдружиться с творческими людьми. Однажды он сказал одному из молодых рекламщиков: «Лучшие фильмы превосходят жизнь. Лучшая музыка – это сама жизнь». Дэвид как-то сказал мне: «Когда люди выходят из кабинета Эдди, им кажется, словно они полежали в теплой ванне», а потом добавил со свирепым блеском в глазах: «А вот я – *не* теплая ванна».

Когда Geffen Records только открылся, Дэвид лично пригласил на лейбл Леннона, Донну Саммер и Элтона Джона.

Но вскоре он пришел к выводу, что его старой сети друзей и музыкантов, которую он собрал в семидесятых, недостаточно, чтобы найти и подписать новое поколение коммерчески успешных талантов, так что он вложил деньги в лучших и самых талантливых молодых специалистов по A&R (поиску новых артистов. – *Прим. ред.*) в роке.

Sonic Youth подписал на DGC Гари Герша, которому было тридцать пять и который, как и я, стал «музыкальным оборотнем», намереваясь заново создать себя в новую эру. Герш был раздосадован тем, что на тот момент оказался в тени других «кадровиков» с Geffen, Тома Зутаута, который подписал контракт с Guns N' Roses (на тот момент – самую продаваемую группу лейбла), и Джона Калоднера, который устроил потрясающее

коммерческое возрождение Aerosmith. До Sonic Youth единственной артисткой Герша, дела которой я вел, была Рикки Ли Джонс, но тогда у нее был определенный коммерческий застой. Самым известным артистом, с которым Герш работал на Geffen до успеха Nirvana, был Робби Робертсон, у которого было отличное резюме бывшего участника The Band, но вот его сольный альбом продавался куда хуже, чем релизы Guns N' Roses и Aerosmith.

В 1990 году Розенблатт взял на работу Роберта Смита, моего старого друга из нью-йоркских кругов рок-критики и пиара, и Роберт оказался главой отдела маркетинга Geffen, пожалуй, самым грамотным из всех, кто когда-либо занимал сравнимые должности в музыкальной индустрии. Но, несмотря на ум и вкусы этих ребят, исполнители из инди-рокового мира все равно испытывали определенные опасения по поводу перехода на мейджор-лейбл.

Поскольку у инди-лейблов были намного меньшие накладные расходы, чем у больших корпораций, они могли вполне обоснованно прикладывать усилия, чтобы продать всего несколько тысяч альбомов, а вот мейджор-лейблы обычно интересовались только большими хитами. Я как менеджер всегда опасался за любого нового исполнителя на мейджор-лейбле вот по какой причине: ребята из отдела A&R с большим азартом борются с конкурентами, чтобы подписать контракт с «нашумевшей группой» (то есть группой, которая нравится журналистам), но успех или неудача альбома почти полностью зависит от их коллег из маркетинга, большинство из которых совершенно не интересуется мнением рок-критиков о том, что сейчас круто.

Боссов отдела рекламы на мейджор-лейблах больше интересуют четко очерченные границы коммерческих радиостанций, аудитория которых намного шире и сильнее влияет на продажи, чем читательский круг журналистов. Программные директора радиостанций зарабатывали на жизнь рейтингами и очень не любили ставить авангардную музыку, которая так нравилась молодежи из A&R. Музыканты, которые попадали под корпоративную перестрелку между теми, кто их подписал, и их несколько апатичными коллегами из отдела маркетинга, чувствовали, словно их «поматросили и бросили», – и это была одна из главных причин ненависти многих артистов к мейджор-лейблам.

Самым успешным мейджор-лейблом в деле перевода инди-роковых групп на большие коммерческие рельсы был Warner Bros., главный конкурент Geffen на Западном побережье. В конце

восьмидесятых Warner наняли несколько маркетологов, ранее работавших в инди-среде, и к 1991 году компания получила немалое преимущество: их состав включал, среди прочих, REM, Depeche Mode, Faith No More и Jane's Addiction, которые начинали на инди-лейблах.

Чтобы эффективно конкурировать с ними, Geffen в 1990 году открыл подразделение DGC с небольшой командой по маркетингу и продажам, главным предназначением которой было помочь новым исполнителям «взлететь». Первым среди равных был Марк Кейтс, знаток альтернативного радио, который ранее помог австралийскому инди-лейблу Big Time Records и британскому Beggars Banquet попасть на американские радиостанции. Кейтс знал о Sonic Youth еще до того, как с ними подписал контракт Герш, и через пару лет, после того как Герш покинул лейбл, Кейтс стал A&R-менеджером для них, а также Nirvana и Hole.

Кейтс вспоминает:

– Из всех A&R-щиков музыкальные вкусы у меня больше всего совпадали с Гершем, который подписал Джона Доу. Мы знали, что контракт с Sonic Youth станет важным шагом для расширения имиджа нашей компании, и они посоветовали нам подписать Рэя Фаррелла, потому что он работал с панк-группами вроде Mission of Burma и Flipper в SST Records.

Главная роль Фаррелла заключалась в том, что он пользовался своим авторитетом среди закупщиков инди-магазинов, уговаривая их заказывать и выставлять на полки альбомы лейбла DGC.

Герш без проблем прописал в контракте Sonic Youth творческий контроль – в культуре Geffen это была вполне допустимая уступка. (Робби Робертсон был таким же «маньяком контроля», как и любой панк-музыкант.) Однако, для того чтобы контракт окупился и его компания стала привлекательной для музыкантов, которых он хотел заполучить, ему пришлось заставить отдел маркетинга довольно долго продвигать альбом Sonic Youth, несмотря на то что у них даже не было радиохитов. И нам, и музыкантам Nirvana понравился Герш, в том числе и потому, что DGC не бросил Sonic Youth, хотя *Goo* разошелся тиражом около 150 000 копий – это, конечно, вдвое больше, чем у их предыдущего альбома, но все равно никак не скажется на рождественской премии в индустрии, где знак успеха – золотой диск – требовал продаж более чем втрое больше. Герш знал, что Sonic Youth важны для него в другом плане: они, словно ювелиры, умели оценивать новые инди-таланты. Группа, казалось, знала музыку практически всех альтернативных исполнителей, даже тех, о которых сотрудники A&R и не слыхивали. Кейтс

вспоминает:

– Вскоре после того как Sonic Youth записали *Goo*, Ким Гордон сказала мне: «Следующая группа, с которой вам надо подписать контракт, – Nirvana».

Позже Гордон призналась мне: «Мы все обожали Курта».

Аллен Минц был молодым и талантливым партнером в одной из крупных лос-анджелесских фирм, и он точно знал, как добиться для нового артиста наилучшего возможного контракта с мейджор-лейблом. Общий бюджет альбома, который стал *Nevermind*, составлял 280 000 долларов. После оплаты юридических расходов и менеджерских комиссий от этой суммы осталась где-то четверть миллиона. Запись альбома обошлась в 160 000 долларов (немалая доля денег ушла на три месяца проживания в Лос-Анджелесе и оплату репетиций), так что каждый из музыкантов получил по 30 000 долларов на ближайшие шесть месяцев – достаточно, чтобы расплатиться по некоторым прежним счетам и прокормиться, но вот больше ни на что особо не оставалось.

Чтобы заработать еще немного денег, мы составили контракт на издание музыки группы. В музыкальном бизнесе «издание» означает авторские права на песни, а не на записи этих песен. Следуя тем же культурным сигналам, которые привлекли к Сиэтлу A&R-щиков крупных компаний, несколько молодых представителей издателей музыки побывали там после появления Sub Pop. Одной из них была Сьюзен Коллинз, которая работала на Virgin Music. Она просто влюбилась в Nirvana и позже поставила *Bleach* президенту компании, Казу Уцуномия, сыну японского дипломата, который провел немалую часть детства в Англии и именно там заинтересовался музыкальным бизнесом.

В конце восьмидесятых Каз, которому было уже под сорок, поселился в Лос-Анджелесе. Он знал о многих сиэтлских группах, но манера сочинения большинства гранжевых песен ему не нравилась. Издатели музыки получают большинство доходов от радиоэфиров, лицензирования песен для кино, телевидения и рекламы, а также от кавер-версий, записанных другими исполнителями. Тогда появилось много модных новых групп, которые собирали аншлаги в клубах и даже небольших театрах, но они его не интересовали, потому что их песни не имели перспектив за пределами их изначальной аудитории. Однако когда Каз услышал About a Girl с *Bleach*, он согласился встретиться с Nirvana, а после того, как Курт сыграл ему акустические версии нескольких песен, которые планировались на *Nevermind*, Каз был просто покорен. «Курт был одним из самых великолепных композиторов-песенников, которых я знал».

Курту очень нравилось, что Казу довелось работать с двумя из его любимых групп, The Clash и Queen. Еще ему нравилась искренняя, мягкая манера общения Каза, необычная для руководителей компаний, которые могли выписать большой чек; кроме того, он увлекался японской культурой, и ему была симпатична идея привлечь в союзники настоящего японца.

Отношение Курта к рок-н-роллу во многом напоминало Казу Джо Страммера из The Clash.

– Они выглядели как панки, но им нравилась мелодичная музыка. Они оба были гениями и при этом прекрасными людьми. Они бы не смогли написать такие песни, если бы у них не было доброго сердца.

Как и в случае с фирмой грамзаписи, конкуренция за издательский контракт была достаточно большой, и нам удалось обговорить выгодные условия. Группа получила весьма порадовавшие их 200 000 долларов аванса, и, что еще важнее, через семь лет авторские права возвращались обратно им.

Как только вышел *Nevermind*, начались пересуды по поводу преображения композиций Курта, которое впервые подметил Бутч Виг, когда Nirvana записывала у него демоверсии. Когда он успел перестать конкурировать с Soundgarden в гранж-мире Сиэтла и стать автором самых популярных рок-песен эпохи?

Задолго до записи *Nevermind* Курт опасался негативной реакции. Он не хотел, чтобы людям показалось, что он внезапно решил уйти в коммерцию – вместо этого он хотел дать ясно понять, что претворяет в жизнь свои идеи, которые вынашивал довольно долго. Звукорежиссер Nirvana Крейг Монтгомери вспоминал, как Курт постоянно напоминал ему, что About a Girl и Sliver уже продемонстрировали его интерес к мелодичным песням. Курт говорил и Ким с Терстоном: «Наш следующий альбом будет звучать похоже на вас, ребята, и на About a Girl».

Своим близким друзьям он излагал следующую версию: песни на *Nevermind* были написаны не потому, что их хотел услышать кто-то другой, а потому что именно такую музыку он слышит у себя в голове. У Терстона были довольно неоднозначные ощущения, когда Курт сказал ему, что следующий альбом Nirvana будет более «попсовым»:

– Курта очень привлекала маргинальная музыка, экспериментальная музыка. Ему нравились The Butthole Surfers, Sonic Youth, Swans.

Если говорить в общем, Терстону тоже нравилась всякая «странная хрень». Но потом Курт дал Терстону кассеты с демоверсиями песен *Nevermind*. Тогда он все еще намеревался назвать альбом *Sheep*. Когда Терстон услышал новый материал,

ему сразу понравилось направление, в котором движется Курт. Терстон поставил кассету Джею Маскису, и тот согласился, что у Курта есть чувство мелодии, очень редкое для рок-мира.

Кроме сочинения песен, Курт, как и многие рок-звезды до него, стремился создать собственную мифологию. Когда Эверетт Тру впервые взял у группы интервью, незадолго до выхода *Bleach*, по его словам, «они много всего выдумали». Курт и Крист притворялись, что жили в лесу, и придумали дурацкую историю, выставлявшую их невежественными реднеками.

– Было совершенно ясно, что они пытаются сделать, – сказал мне Эверетт, – но это очень забавно.

Эверетт воспользовался этим приемом в первых статьях о Nirvana, которые придали сцене Северо-Запада атмосферу американской примитивной экзотики, и британские читатели *NME* заглотили наживку.

Когда Nirvana на следующий год приехала в Великобританию на гастроли, Курт изобразил негодование из-за карикатурного образа группы и представил себя журналистам слегка долбанутым, но интеллектуальным панк-певцом, возмущенным тем, как неверно его изображает пресса. В приватной обстановке он признавал, что они просто задурили голову Эверетту, которому группа всегда была рада за кулисами и который стал им настоящим другом.

После подписания контракта с DGC Nirvana встретилась с Гершем, чтобы обсудить запись своего первого альбома на мейджор-лейбле. Некоторые люди из A&R лезли в запись, аранжировки и материал и иногда даже бросали громкие фразы вроде «мы лично сделали этот альбом», но вот в работе рок-групп, которые сами сочиняли материал, сотрудники отдела репертуара играли куда более ограниченную роль. Тем не менее у Герша с Куртом сложились хорошие взаимоотношения. В одном из дневников Курта рядом наклеены фотография его отца, Дона Кобейна, с подписью «старый папа», и фотография Герша, которую Курт подписал «новый папа».

Они изучили список возможных продюсеров, которые имели более коммерческий послужной список, чем те, с кем им доводилось работать ранее, но, учитывая качество демозаписей, я не удивился, что Nirvana решила остановиться на Бутче Виге. В следующее десятилетие Виг сделал великолепную карьеру как продюсер и музыкант группы Garbage, но он и сам с готовностью признает, что его карьера делится на «до *Nevermind*» и «после *Nevermind*», альбома, который, по другому его признанию, группа принесла в студию уже полностью подготовленным.

На часть денег, полученных с контракта на запись, мы сняли

Курту, Кристу и Дейву апартаменты в гостиничном комплексе «Оквуд» в Толука-Хиллс, в пяти минутах езды от нашего офиса. В это время там же жили группа Europe и популярный хип-хоповый дуэт Kid ‘n Play, но больше всего Nirvana привлекал бесплатный завтрак. Позавтракав, они отправлялись репетировать в близлежащую студию и не вылезали оттуда часами, и так каждый день, в течение трех месяцев.

Курт описал процесс Энди Боллену, барабанщику Captain America, шотландской группы, которая играла на разогреве у Nirvana на британских гастролях *Nevermind*. «Все просто учат свои партии как можно лучше, а потом мы часами репетируем, разбирая партии. Когда мы только начинали, мы репетировали целыми днями. И точка. Прежде чем пойти записывать *Nevermind*, мы заперлись в студии и репетировали до тех пор, пока мы не смогли сыграть все песни даже во сне. Просто упорная работа, чувак, мы учили партии».

Крист подтверждает:

– Мы просто все время репетировали. Мы были очень этому рады и всегда возвращались к этому чувству позже. Жизнь какое-то время была довольно печальной, но нам всегда так нравилось играть вместе. Мы оставляли все за дверью, отлично проводили время и вспоминали: «О да! *Вот* зачем мы этим занимаемся!»

Хотя Курт и был капитаном этого корабля, Nirvana ни за что бы не стала тем, чем стала, без обоих ее основателей. Крист был не просто другом Курта, но и полностью разделял его эстетические взгляды. Дейв был самым молодым музыкантом Nirvana, *Nevermind* он записал в двадцать два года, но его талант барабанщика переживал расцвет, да и за эти месяцы он крепко сдружился с Куртом, потому что они много месяцев жили в одной квартире. В интервью, записанном DGC для рекламных целей, Курт назвал Дейва «самым воспитанным парнем из всех, что я встречал, а еще он играет лучше, чем любой барабанщик, которого я слышал. Если бы мне предложили вернуть к жизни Джона Бонэма, я бы все равно выбрал Дейва». А еще, в отличие от предыдущих барабанщиков Nirvana, он пел бэк-вокал.

Альбом был записан за шестнадцать дней в «Саунд-Сити» в Ван-Нёйс – легендарной студии, где висели золотые диски таких артистов, как Нил Янг, Том Петти и его группы Heartbreakers и Fleetwood Mac. (Много лет спустя Дейв выкупил пульт Neve Electronics 8028 из студии A, где записывали *Nevermind*, и стал продюсером документального фильма о студии.)

Поначалу ребят из Nirvana дезориентировала работа в Sound City. Они еще никогда не бывали в месте, где записывалась

настолько известная музыка. Им казалось полным сюрреализмом видеть, как в ближайшей столовой обедает Ленни Кравиц. Позже, во время предварительного сведения, они узнали, что в соседней студии работает Оззи Осборн. Black Sabbath был запретным удовольствием для многих ребят-панков, и Курт и Дейв написали на своих пальцах «Оззи», пародируя знаменитые татуировки «love» и «hate» на руках Оззи, но так и не набрались смелости, чтобы подойти и поговорить с легендой металла.

Подобные отвлечения, впрочем, практически не помешали интенсивной работе над альбомом. Конечно, несколько наложений делать все равно пришлось, но почти весь альбом *Nevermind* был записан «вживую» на студии. Виг вскоре понял, что запись вообще останавливать не надо. Во время сеансов записи вокалист обычно поет довольно сдержанно, пока остальная группа записывает ритм, а полностью выкладывается только во время последующих наложений. Однако Курт не щадил себя и на этих «черновых» записях, так что его голос быстро уставал, и первые дубли нередко оказывались самыми лучшими.

Во время записи Курт продолжал периодически уходить в свой мир. Через несколько лет после смерти Курта Дейв рассказал репортеру: «Он мог быть невероятно теплым и веселым, а буквально через мгновение полностью уходил в свои мысли. По-моему, никто из нас по-настоящему не понимал, что же происходит в его голове».

Виг говорит, что во время записи *Nevermind* «невозможно было предсказать, когда на него налетит черная туча. Иногда не налетала вообще, а иногда у него настроение портилось по два-три раза за день. Несколько раз он уходил из студии и гулял где-то полчаса или целый час, ни разу не объяснившись. Мы знали, что он вернется».

Подобные интерлюдии были связаны с волнами депрессии, но мне кажется, что он не только страдал от отчаяния – в это же время шел и творческий процесс. Курт заставлял группу сделать что-то совсем новое, уникальным образом объединив элементы металла, панка и поп-музыки и при этом сохранив близость к слушателю. Он, конечно, очень близко дружил с Кристом и Дейвом, и ему нравилось работать с Вигом, но Курт был единственным, кто точно знал, как должен звучать альбом.

Например, на первых нескольких дублях Lithium Курту показалось, что Дейв играет слишком быстро. Он настолько разозлился, что разбил гитару, и Вигу пришлось искать ему другую – непростая задача, учитывая, что она должна быть под левую руку. Чтобы разрядить напряжение, группа потом сыграла импровизированный джем-сейшн, который превратился в Endless,

Nameless, бонус-трек альбома.

На следующий день, когда группа вернулась к записи Lithium, Виг, с одобрения Курта, настоял на клик-треке – ритме, заданном с помощью метронома. В интервью, посвященном двадцатилетию выхода альбома, Дейв сказал, что «это стало для меня ударом в самое сердце», но признал, что результат того стоил.

Вторя мыслям Терстона о *Bleach*, Виг считает, что пение Курта очень многое добавило к мощи воздействия *Nevermind*.

– Его голос был таким хрупким и уязвимым. Если взять пятьдесят других певцов и попросить спеть эти же песни, на записи не будет таких же эмоций. У его голоса был совершенно уникальный характер – ярость и уязвимость, страх и смятение, и иногда все это в одной строке песни.

К началу 1992 года, когда *Nevermind* стал одним из самых продаваемых альбомов мира, некоторые любители панка заявили, что продакшен альбома получился очень «вылизанным», и это изменило всю сущность группы; даже Курт иногда подтверждал идею, что работа над этим альбомом как-то изменила Nirvana. Однажды в интервью он сравнил его с альбомом хайр-металлической группы Poison – это, пожалуй, худшее оскорбление, которое мог бы дать панк-рокер. Я всегда относился к таким ремаркам с известной долей скептицизма, потому что точно знал, что *Курт* знает, что альбом вышел именно таким, какой он хотел. С другой стороны, после массовой реакции на *Nevermind* он стал относиться к альбому иначе, чем когда группа его только записала.

Виг вспоминает:

– Мне тяжело было читать, что альбом слишком вылизанный. По сравнению со всем, что тогда звучало по радио, он был глотком свежего воздуха! Запись очень простая. Иногда Курт прописывал вторую дорожку гитары, или Дейв пел бэки, но на этом все. Там нет никаких электронных трюков. Я не использовал больше шестнадцати или двадцати четырех треков, которые были нам доступны. Если уж на то пошло, альбом скорее «недопродюсирован».

Впрочем, Виг понимал, почему группе в некоторых ситуациях приходилось притворяться, что она не очень довольна альбомом. «Как можно сохранить репутацию среди панков, когда твой альбом продался тиражом в десять миллионов?»

В следующие несколько лет Курт обычно преуменьшал значение своих текстов. Он говорил, что сохранял разрозненные фрагменты стихов, которые соединял вместе в последнюю минуту, и иногда даже утверждал, что не имеет понятия, что́ они означают. Мне это всегда казалось враньем. Каждый раз, когда я

приходил в гости к Курту, он был окружен блокнотами. Он перерабатывал стихи с таким же усердием, с каким записывал музыку. По-моему, его просто раздражали примитивные, по его мнению, попытки «объяснить» поэтическую форму. Иногда он рассказывал кое-что журналистам, к которым особенно хорошо относился. В книге *Classic Rock Albums: Nevermind* цитируется следующее высказывание Курта: «Мне нравятся стихи, которые отличаются от других – немного странные и рисующие хорошую картинку. Мне просто нравится такое искусство». Он был импрессионистом и знал, что звучание слов в песне не менее важно, чем их буквальный смысл в словаре, и использовал тексты – не только чтобы передать то или иное чувство, но и чтобы изложить какую-то линейную идею.

Для многих фанатов Nirvana песня Smells Like Teen Spirit сыграла ту же роль, что Howl Аллена Гинсберга для поколения битников или Like a Rolling Stone Боба Дилана – для моего поколения. Курту очень нравилась пародия Странного Эла Янковича на свою самую знаменитую песню, но мне казалось, что некоторые олдскульные фанаты рока упустили смысл легкомысленной первой строчки, которую Странный Эл спел откровенно филистерским тоном: «О чем вообще эта песня? Не могу въехать ни в одно слово». Как по мне, Странный Эл пародирует отношение людей, не понимающих Nirvana, а вот настоящие фанаты группы без проблем понимали смысл строчек вроде «Когда не горит свет, не так опасно / Вот и мы, развлекайте нас». Часть радости и освобождения, которые дарит эта песня, заключается в возможности отделить себя от тех, кого слишком контролирует мейнстримная культура, и знать, что вы встали на этот путь не в одиночестве. Людям моего поколения, быть может, и трудно было разобрать слова, но вот молодые фанаты Nirvana быстро выучили их наизусть. Именно благодаря этим словам песня превратилась в гимн.

Герш очень не хотел, чтобы группа чувствовала, что лейбл как-то вмешивается в ее работу, поэтому в течение записи практически не бывал на студии. *Nevermind* был первой работой Вига на мейджор-лейбле, и однажды они с Дейвом спросили Силву: «Если к нам не ходит никто с лейбла, это не повод для беспокойства?» Мой партнер со смехом ответил: «Ребята, вы не представляете, как вам повезло».

После того как все треки записаны, начинается следующая важная фаза – сведение. В нее входит балансировка треков по громкости, и разница между хорошим и плохим сведением может оказать невероятное влияние на звучание. При сведении нужен иной эстетический взгляд, чем при записи. Виг, как он обычно

поступал с другими своими записями, сначала свел все сам.

Во время записи Герш держал порох сухим, но тут попросил группу, Силву и меня встретиться с ним в его кабинете. Вежливым тоном давая понять, что окончательное решение все равно останется за группой, Герш сказал нам, что ему кажется, что миксы звучат слишком грязно и не передают всей мощи, которая есть у группы. Все посмотрели на Курта, который, судя по всему, считал так же, потому что пробормотал, что согласен попробовать кого-нибудь другого, но если новое сведение ему не понравится, он оставит вариант Вига. Герш знал, что Курт ненавидит звучание коммерческих мейнстримовых рок-альбомов, так что предложил кандидатуру Энди Уоллеса, известного своей работой с хеви-металлической группой Slayer. Ремиксы Уоллеса сделали голос четче, а барабаны мощнее; Курт сразу же их одобрил.

Большинство музыкантов мучаются, расставляя песни на альбоме, и затягивают процесс. Крист, напротив, вспоминает, что вскоре после пересведения «Курт потратил на определение порядка песен пять минут, и все». У меня по поводу определения порядка песен на альбоме мнение ровно одно: лучшую песню надо ставить первой, потому что в ту пору люди часто слушали альбомы в магазинах, прежде чем покупать, и оценивали альбом по открывающему треку. За годы работы я не раз встречал музыкантов, которые слишком много раздумывали и забывали это простое правило. Я испытал большое облегчение, узнав, что Курт поставил первой песней Smells Like Teen Spirit, но при этом не удивился. У Курта была склонность к саморазрушению, но не тогда, когда дело касалось его произведений.

Когда работа над альбомом вошла в завершающую стадию, Курт, Крист и Дейв начали общаться и с другими высокопоставленными менеджерами своего нового лейбла. Сотрудники Geffen привыкли работать с темпераментными артистами. Ингер Лорр из The Nymphs в ответ на то ли реальное, то ли на почудившееся ей оскорбление недавно помочилась на стол Тома Зутаута. Ребята из Nirvana, напротив, были куда проще в общении и менее претенциозны. Сами они тоже испытали немалое облегчение: люди из Geffen оказались куда более непринужденными в разговорах и намного сильнее поддерживали их, чем ожидалось.

Спокойнее всего Курту было с бывшим руководителем SST Рэем Фарреллом, потому что тот коллекционировал пластинки, и они могли часами говорить о каких-нибудь малоизвестных альбомах. Однажды, разглядывая стопку пластинок на полу квартиры Курта (у него так и не дошли руки купить шкаф с

полками), Рэй увидел четыре запечатанных альбома 1964 года *The Chipmunks Sing the Beatles Hits*, где ранние песни Beatles записаны ускоренными голосами мультяшных персонажей. Когда Фаррелл признался, что в детстве тоже обожал этот альбом, Курт подарил ему одну из пластинок.

Робин Слоан (ныне Робин Сейберт), которая занималась видеоклипами и оформлением, вспоминает:

– Курт всегда был вежливым, спрашивал, как у меня дела, и говорил «спасибо»; в моем опыте общения с такими талантливыми и успешными людьми это было что-то уникальное.

Однажды, еще во время записи *Nevermind*, Силва сказал мне, что Курт попросил его найти таблицы для проверки зрения, которыми пользуются врачи-окулисты: он думал над тем, чтобы использовать символы с этой таблицы для обложки альбома. Я отнесся к идее без особого энтузиазма, потому что видел репродукции этих таблиц в магазинах плакатов. Она казалась какой-то блеклой и совершенно не ассоциировалась с суперсовременной эстетикой, которой я ожидал от Nirvana.

Похоже, Силва рассказал о моих опасениях Курту, потому что вскоре после этого он перехватил меня в коридоре возле моего кабинета и начал расспрашивать. Я объяснил, почему мне не очень нравится идея. Курт не оскорбился, ему было скорее любопытно. На сцене он был известен громким, кричащим вокалом, но вот вне сцены говорил тихо. Могу я сказать, в каких именно магазинах я недавно видел эти плакаты? (Я не смог.) Он смущенно улыбнулся, словно раздумывая, стоит ли пытаться объяснять свою идею «на пальцах» простому смертному вроде меня, но потом просто сказал мне спасибо. Он был настолько вежлив, что мне даже подумалось, уж не шутит ли он надо мной. Познакомившись с ним получше, я понял, что, хотя Курт действительно настроен на эстетическую волну, которую очень немногие понимали до тех пор, пока не видели, как она проявляется в его работе, ему на самом деле были интересны и другие точки зрения, о которых он еще не думал.

По каким-то своим причинам Курт отказался от идеи с таблицей для проверки зрения и какое-то время собирался назвать альбом *Sheep* и использовать для оформления фотографию поля, заставленного автодомами, но в конце концов остановился на названии *Nevermind* и культовом ныне изображении плывущего младенца, который тянется за долларовой купюрой на крючке, которое пришло ему в голову после того, как они с Дейвом посмотрели документальный фильм о родах в воде.

Роберт Фишер был арт-директором в Geffen, который отвечал

за дизайн *Nevermind* и синглов. «Курт был очень милым. Приходил в кабинет с блокнотом, всегда был мягким и задумчивым», – вспоминает он. Фишер нашел в фотокниге изображение, которое могло бы подойти, но владелец прав на фотографию запросил какую-то невероятную сумму, так что Фишер нанял Кирка Уэддла, и тот сфотографировал другого младенца. Купюру и крючок добавили с помощью магии «Photoshop».

Когда пиар-отдел Geffen попросил группу написать биографию, они решили выдумать фантастическое прошлое – примерно так же, как в первом интервью Эверетту. Крист и Курт притворились, что познакомились в несуществующем Абердинском институте искусств и ремесел. Пиарщики знали, что это шутка, но решили подыграть.

Дерзкий подрыв ортодоксальных стратегий фирмы грамзаписи – это хорошо для панк-группы. Отлично подходит для идеологии «борьбы с истеблишментом», но при этом забавно и совершенно безвредно.

И в культуре, и в бизнесе рок-н-ролла тех времен самым важным способом связи артиста с фанатами был видеоклип. MTV был на пике влиятельности, и Курт опять-таки точно знал, чего хочет. Он изложил свою идею о клипе на Smells Like Teen Spirit на собрании всего художественного отдела Geffen. Робин Слоан вспоминает:

– Он был таким робким и тихим. Было ясно, что у него никогда еще не было таких встреч с большой группой людей, которые многого добились, но он сказал тихим, твердым голосом: «Школьное собрание болельщиков, на котором что-то пошло не так», – и все в комнате сразу были покорены. Хотя я была намного старше, я точно так же ощущала себя в старших классах: я была изгоем и не вписывалась в картинку вокруг футбольной команды, чирлидеров и духовых оркестров.

Через несколько дней Курт нарисовал для нее раскадровку. Слоан раньше работала на нескольких других мейджор-лейблах и не стеснялась спорить с музыкантами, но творческая ясность Курта ее просто поразила. За свои двадцать лет в бизнесе Слоан в основном доводилось общаться с артистами, которые либо вообще никак не представляли, как их лучше подать визуально, либо говорили какие-то общие, расплывчатые вещи. «Курта отличало от всех других музыкантов, с которыми я работала, то, что у него всегда была одна главная идея». Он точно знал, чего хотел.

Поскольку Nirvana была новой группой, бюджет клипа был скромным по стандартам 1991 года – меньше 50 000 долларов.

Слоан предложила сравнительно малоизвестного режиссера, Сэма Байера, который никогда еще сам не снимал клипы, но ее впечатлила его визуальная эстетика, когда тот снимал вспомогательные кадры для одного из известных клиповых режиссеров. К ее облегчению, Курт согласился.

Я побывал в павильоне в середине съемок с нашей годовалой дочерью Кэти; группа была спокойной и в хорошем настроении. Однако подростки, которые согласились сыграть старшеклассников в клипе, провели на съемках уже много часов. Многие из них уже были под кайфом и с каждым дублем были все шумнее. Байер беспокоился, что они могут повредить декорации, но группе нравилось чувство хаоса. Слоан вспоминает: – Детишки на съемках просто с ума сходили. Сэм, отдадим ему должное, просто снимал и снимал. На самом деле никакой четкой координации там не было. Освещение придало клипу красоту, ставшую антитезой гневной музыке, и напряжение между двумя этими силами было потрясающим. Конечно, группа тоже была невероятно энергична.

Потом возникла небольшая проблема – Курту не понравился монтаж Байера. Режиссер попытался построить историю вокруг школьного уборщика, а не ребят, сведя собственно собрание болельщиков к минимуму, а Курт хотел, чтобы именно оно стало центральным мотивом. Слоан вспоминает, что «была в ресторане, и пришлось звонить Курту по платному телефону. Он был так недоволен и расстроен, что не мог даже говорить с Сэмом. В итоге мы нашли монтажера, с которым Курт мог работать. Собственно, Курт в результате смонтировал клип сам».

Вспоминая об этом годы спустя, я поражаюсь тому, насколько абсолютным было доверие Слоан к Курту. Это говорит о том, насколько сильна была его аура даже еще до того, как он добился успеха. «Курт точно знал, что делать, – с визуальной точки зрения, в моем опыте работы это было уникально», – говорит она.

Владельцы Sub Pop очень хорошо рекламировали панк-рок американского Северо-Запада, придумав для прессы специальный термин «гранж», который в конце концов стал обозначать гибрид панка и металла. В июне, за три месяца до выхода *Nevermind*, Sub Pop выпустил компиляцию под названием *The Grunge Years*, альбом, который открывался песней Nirvana под названием Dive; кроме нее в альбом вошли композиции Screaming Trees, L7, TAD, The Afghan Whigs и Mudhoney.

Курт дружил со многими музыкантами из Сиэтла, но ему совсем не нравилась идея, что Nirvana – просто часть тренда. Примерно в то же время к нам обратился Кэмерон Кроу, которому нужна была песня Nirvana для саундтрека к фильму «Одиночки»,

посвященному рок-сцене Сиэтла, который он тогда снимал. Кроу был журналистом-вундеркиндом, прежде чем добиться успеха как сценарист и режиссер. Когда я работал пиарщиком Led Zeppelin, подросток Кроу брал у них интервью для *Los Angeles Times* и *Rolling Stone*. В двадцать с небольшим он написал сценарий «Быстрых перемен в школе Риджмонт-Хай», а позже стал сценаристом и режиссером фильмов «Джерри Магуайер» и «Почти знаменит». Я решил, что если кто и сможет изобразить сиэтлскую сцену как следует, так это Кроу, но Курт тут же отказался, потому что не хотел, чтобы Nirvana кидали в одну кучу с другими группами из Сиэтла – даже теми, которые ему нравились. Никаких больше *Grunge Years*. Это было еще до того, как Smells Like Teen Spirit ураганом пронеслась по миру, но Курт уже точно знал, где именно Nirvana располагается в рок-н-ролльном космосе. В то же время группа после записи *Nevermind* продолжала развиваться. В Sonic Youth все четверо музыкантов были примерно равноправными, но Терстон понимал, что в Nirvana отношения другие.

– Они были в том возрасте, совсем чуть-чуть за двадцать, когда ты еще не очень зрелый, ну, знаете, когда ребята то разговаривают друг с другом, то не разговаривают. Мне кажется, они все ощущали себя наделенными силой.

Однако Терстон также чувствовал, что Крист и Дейв начинают потихоньку отдаляться от Курта.

– «Этот парень занимается всей творческой работой, а мы играем. Мы просто играем».

Впрочем, каким бы ни было разделение труда, Курт получал немалую эмоциональную подпитку от товарищеских отношений в группе на гастролях. Терстон вспоминает:

– Помню, мы ездили в турне с Нилом Янгом и играли в большом зале в Сиэтле, и ребята пришли в гримерку. Курт покрасил волосы в ужасный зеленый цвет, и краска стекала у него по лбу, а Крист был совершенно пьян и устроил полнейший тарарам за кулисами. При этом Курт улыбался, словно Мона Лиза, наблюдая, как его друг творит хаос.

В августе 1991 года, между завершением записи *Nevermind* и его изданием, Nirvana приняла приглашение Sonic Youth сыграть у них на разогреве на десяти концертах в Европе. Еще с ними выступали Dinosaur Jr., Babes in Toyland и Gumball. А еще Nirvana получила место в дневной части легендарного Рединского фестиваля в Великобритании. Позже Курт говорил мне, что эти несколько недель были едва ли не самыми счастливыми в его жизни.

Sonic Youth понимали, что приближается точка культурного

перелома, и обратились к режиссеру Дейву Марки, чтобы тот снял документальный фильм о гастролях, получивший название *1991: The Year Punk Broke*. Терстон вспоминает:

– У нас было впечатление, что количество людей, которые реагируют на музыку вроде той, что делаем мы, заметно увеличилось. А еще мы с хитрецой говорили: «Punk is broke». Это был каламбур[1]. На MTV Europe чаще стали ставить панк. Панк проник в магазины одежды. Mötley Crüe выпустили кавер на Sex Pistols.

Первый концерт турне прошел в ирландском Корке. Терстон, который до этого еще ни разу не видел выступлений группы с Дейвом, вспоминает:

– Первая песня была потрясающей. Грол колотил по барабанам, пел бэк-вокал вместе с Куртом, и это было прекрасно. Их ярость тут же оживила аудиторию. В течение всех гастролей они были просто великолепны. Оглядываясь назад, я понимаю, что в том турне мы увидели Nirvana в самой лучшей форме, на их пике.

В интервью журналу Spin в 2011 году Марки вспоминал: «Мне больше всего запомнилось выступление в Рединге. Nirvana играла два часа и закончила сет полной версией Endless, Nameless. А потом Курт прыгнул в толпу зрителей, вышел Терстон и схватил его. То, что именно Терстон вытащил Курта из-под сцены, было идеально. Они с Ким в какой-то мере заменяли ему родителей. Перед одним фестивалем Nirvana задержали на немецкой границе. Они не успели добраться и пропустили свое время. Но Терстон уговорил все остальные группы сыграть сеты на десять минут меньше, чтобы Nirvana выступила».

Терстон рассказывал мне:

– Курт бывал каким-то мрачноватым и тихим, но в то же время у него было типичное для всех нас извращенное чувство юмора. Мы ходили в музыкальный магазин или в благотворительный, и он смеялся над тем же, что и мы. За кулисами Курт просто сидел на стуле или слонялся туда-сюда. Но он определенно был счастлив. Он радовался всему, что происходило, и мы веселились. Нас еще и кормили хорошо! Есть у нас такая штука, что когда группа достигает определенного статуса, то, если ей везет, в гримерке ее ждет еда. И тебе не надо задумываться, кто за нее заплатил. Ты просто играешь свою музыку, люди реагируют, потому что она новая и волнующая. Это славные годы, они просто фантастические. Nirvana, похоже, совершенно не тревожилась. Они выходили так, словно играют в подвале, хотя на самом деле они стояли на сцене перед пятью тысячами человек.

Через несколько месяцев, когда монтаж клипа Smells Like Teen Spirit был почти закончен, Силва рассказал мне, что Байер, которого к тому времени уже отстранили от работы, тщетно пытался добиться, чтобы из клипа убрали кадр, где Курт смотрит прямо в камеру, разрушая «четвертую стену» между рок-певцом – персонажем клипа и зрителем. Режиссер, судя по всему, считал, что напрямую обращаться к аудитории – не круто. Курт уже принял решение использовать этот кадр полностью ближе к концу видео. Нам с Силвой очень нравилось взятое им направление.

Глава пятая
Отойди с дороги и пригнись

Кое-кто в музыкальном мире Сиэтла уже понимал, к чему все идет. Дженни Бодди вспоминала, как они впервые услышали в исполнении Nirvana песни, которые вышли на Nevermind, в сиэтлском клубе «ОК-отель».

– Они сыграли Teen Spirit и Lithium, и у нас челюсти отвисли. Сьюзи часто-часто дышала от изумления – вот насколько круты они были. Даже ребята, которые слэмились перед сценой, и то поняли, как они хороши.

Через несколько месяцев она снова пошла на них в «Офф-Рэмп».

– Грол недавно стал их барабанщиком, и слышать новые песни в его исполнении было еще круче. Группа отыграла полный сет. Потом в два часа ночи клуб закрыли, сделали там уборку, а потом мы все пошли обратно, и группа играла еще пару часов. Курт был так счастлив.

В январе, когда Nevermind вышел на первое место в хит-параде альбомов Billboard, журналист из New York Times попросил президента Geffen Эдди Розенблатта описать маркетинговую стратегию лейбла, и тот скромно ответил: «Отойди с дороги и пригнись». Несомненно, Smells Like Teen Spirit была настолько волшебной песней, что намного облегчила всем работу и стала бы большим хитом вообще вне зависимости от того, кто бы с ней работал. Тем не менее группа и DGC потратили немало времени и сил, чтобы запустить карьеру Nirvana на мейджор-лейбле строго определенным образом.

С точки зрения маркетинга группа хотела сохранить доверие прежних фанатов и при этом привлечь множество новых. Немало мучений артистов с фирмами грамзаписи и прессой на самом деле были связаны с племенными различиями внутри рок-аудитории. Одно дело – любить музыканта, которого знаешь только ты и несколько твоих друзей, и совершенно другое – когда этот музыкант становится популярным, и ребята из школы, которых ты ненавидел, вдруг начинают распевать его песни. На личном уровне Курт хотел такого успеха, который был бы приемлем для всех граней его внутреннего подростка. Он чувствовал глубокую общность с изгоями, чья идентичность была тесно связана с принадлежностью к маленькой субкультуре, но при этом понимал и радость единения с большой аудиторией, которая в едином порыве реагировала на известный припев или

мощный рифф.

В ту пору радио было главным маркетинговым инструментом для музыки, потому что слышать музыку – это всегда более мощное воздействие, чем читать о ней. Многие университетские радиостанции, входившие в систему CMJ, изначально поддерживали Nirvana и ставили Sliver и песни с Bleach. Связь с этими молодыми университетскими диджеями стала ключевым элементом, позволившим Nirvana сохранить контакт со старыми фанатами – панк-рокерами. Рекламщики DGC знали и без подсказки самой группы, что маркетинг Nevermind нужно начинать с университетского радио.

Например, ребят, которые снялись в клипе Smells Like Teen Spirit, набрали через KXLU, маленькую радиостанцию без рекламы, существующую на деньги слушателей и связанную с университетом Лойола-Мэримаунт близ лос-анджелесского аэропорта. KXLU можно было найти, повернув ручку приемника в самое левое положение, и, когда я слушал ее, всегда казалось, словно мне рассказывают какую-то тайну. Там играли инди-рок, который в те дни больше нигде в Южной Калифорнии не услышишь. Чтобы показать, что Nirvana не забыла своих корней, группа навестила студию KXLU и устроила премьеру Smells Like Teen Spirit за день до того, как песню разослали по всем остальным радиостанциям.

Курта довез до радиостанции молодой рекламщик Джон Розенфельдер, которого все звали Роузи. Крист и Дейв ехали с Шароной Уайт, ассистенткой из рекламного отдела. Роузи вспоминал, что музыканты «шутили и перебрасывались едой из машины в машину на 405-м шоссе». В тот день они дали свое первое интервью в поддержку Nevermind и пригласили слушателей на следующий день прийти на съемки Smells Like Teen Spirit и принять в них участие.

Но, хотя поддержка связи с инди-аудиторией была для них важна, одной из главных причин, по которой Nirvana подписала контракт с мейджор-лейблом, было желание попасть на коммерческое радио. Эти станции делились на форматы, которые привлекали определенные демографические группы и под которые подбиралась определенная реклама. Поп-станции («Топ-40») в основном предназначались для школьников и молодых подростков, причем в намного большей степени женского пола. Различные «рок»-форматы обычно подбирались под более старших подростков и студентов, в основном мужчин. Существовала целая доморощенная индустрия программных директоров и консультантов, утверждающих, что они точно рассчитали, какое сочетание песен в данное время даст

наилучшие рейтинги среди целевой аудитории на географическом рынке, который покрывает сигнал станции.

Многие ограничения мейджор-лейблов были связаны с их зависимостью от коммерческих радиостанций. Сколько бы ни хорохорились рекламщики некоторых лейблов, по отношению к радиовещателям они были в положении просящих, а вещатели, в свою очередь, полностью зависели от своих слушателей. Даже те программные директора, которые обожали музыку, вынуждены были обращать внимание на данные об аудитории. Два или три плохих квартальных рейтинга подряд, и наступало время искать новую работу. От рейтингов зависели денежные выплаты рекламщиков, а музыкальные радиостанции, получавшие наилучшие результаты, стремились избегать песен, которые могли заставить слушателей сменить канал. Люди, которые слушали радио фоном и даже не знали, кто именно сейчас играет, были для рекламщиков не менее ценны, чем страстные фанаты, покупавшие билеты на концерты. Музыкантам и их представителям часто казалось, что именно самая апатичная часть зрительской аудитории обладает правом вето.

Влияние исследований аудитории было одной из главных причин, по которой лучшие рок-станции страны предпочитали группы с мелодичными поп-песнями, так называемыми хайр-металлические группы вроде Poison и Skid Row, чья популярность подпитывалась еще и MTV. Большинство редакторов MTV начинали карьеру на коммерческом радио и, соответственно, обращали внимание на те же самые исследования, хотя некоторые из них понимали, что могут себе позволить и более разнообразный репертуар, потому что, в отличие от радиостанций, у MTV вообще практически не было конкурентов.

На некоторых крупных рынках было две или даже три рок-станции, главной задачей которых была конкуренция за слушателей-мужчин в возрасте восемнадцати – тридцати пяти лет. Несколько радиостанций ставили в основном хеви-метал, например, Оззи Осборна или Pantera. Guns N’ Roses стали крутейшей рок-группой Америки, доминируя на радиостанциях коммерческого рока и хеви-метала, да еще и записав хит для поп-станций – Sweet Child O’ Mine.

Хотя для университетских радиостанций он всячески подчеркивал панковскую репутацию группы, Роузи стремился убедить программных директоров коммерческого радио, что Nirvana принадлежит к той редкой категории «альтернативного металла», включавшей в себя группы вроде Jane’s Addiction и Faith No More, недавние альбомы которых звучали в эфирах обоих форматов. Стремясь добиться большой аудитории, группа не

возражала против такого жанрового определения от лейбла. При этом Курт с большой осторожностью подходил к интервью на этих радиостанциях, не желая давать их слишком много. Одно дело – когда хеви-металлическое радио берет в ротацию твою музыку, и совсем другое – когда со стороны кажется, что ты к ним подлизываешься.

За пару месяцев до выхода Nevermind Кейтс пошел с Силвой на игру «Доджерс», и мой партнер поставил ему в машине кассету с миксами Энди Уоллеса. «Саунд был большой и мощный, и я понял, что мы, скорее всего, сможем устроить эти песни на KNAC (лос-анджелесскую радио станцию, игравшую хеви-метал), а если нам это удастся, то, может быть, у нас даже будет золотой альбом» (в девяностых это обозначало продажи в 500 000 экземпляров в США).

– Помню, когда Герш поставил Nevermind сотрудникам DGC, он поставил его очень громко, – вспоминает Роузи; Герш хотел, чтобы рекламщики продвигали альбом не только на университетские и инди-роковые радиостанции, но и на станции, где крутят хеви-метал.

Примерно тогда на лейбле стали осознавать, что Nirvana может намного превзойти в успешности Sonic Youth. Кроме коммерческих аспектов этого наблюдения, они также понимали, что альбом Nirvana может стать уникальным средством соединения культур. По большей части фанаты панка враждовали с фанатами металла.

Коммерческая категория, поначалу самая важная для Nirvana, называлась «альтернативный рок» (или, иногда, «современный рок»). Радиостанции вроде лос-анджелесской KROQ избегали хеви-метала и «волосатых» групп как чумы и ставили самые коммерческие песни из тех, что засветились на университетских радио. KROQ удалось собрать немалую аудиторию в Южной Калифорнии для таких групп, как Depeche Mode, The Smiths и The Cure, которые не ставили на мейнстримовых рок-станциях.

Не стоило удивляться, что через день после премьеры на KXLU Smells Like Teen Spirit разошлась по большинству университетских станций, входивших в CMJ, но куда интереснее оказалось то, что песню тут же стали ставить самые популярные коммерческие радиостанции альтернативного рока: сначала WFNX в Бостоне, родном городе Кейтса, а потом сразу KROQ в Лос-Анджелесе и 91X в Сан-Диего. Курт, Крист и Дейв притворялись, что относятся ко всей этой околомузыкальной шумихе с иронией, но в приватных разговорах очень радовались, что их музыка звучит на больших альт-роковых станциях, которые часто слушали и они сами, и их друзья.

На следующей неделе мы с Силвой пришли на маркетинговое собрание в DGC, и Кейтс буквально трясся от возбуждения. Обычно, когда коммерческое радио добавляло новую песню, оно ставило ее один-два раза за вечер, ожидало реакции, а усиленная ротация начиналась лишь через несколько дней. Однако Smells Like Teen Spirit получила, на жаргоне радийщиков, «тяжелый телефон» – это означало, что много народу звонило на радио с просьбой поставить эту песню. Обратная связь оказалась настолько значительной, что песня вошла в мощную ротацию на нескольких важных станциях всего через пару дней. Фаррелл получил сообщения, что в инди-магазинах уже составляют списки заказов альбома, который должен был выйти лишь через несколько недель. В те времена подобные предварительные заказы были невероятно редким явлением, особенно для музыкантов с единственным инди-альбомом за плечами. Поступив на работу в DGC, Кейтс всегда думал, доведется ли ему когда-нибудь поработать с такими же популярными альбомами, как у The Cure или Depeche Mode, и тут вдруг ему достался еще более крутой материал.

Крист с гордостью вспоминает, что рекламы и прочих способов маркетингового давления у Nevermind практически не было.

– Позже, когда Интернет стал популярным, люди начали говорить о разнице между культурой, которую «пропихивали» с помощью маркетинга, и той, которую люди «вытягивали» на себя, обнаруживая самостоятельно. Нас как раз «вытянули».

Через неделю после того, как сингл разослали по радиостанциям, Силве позвонил букинг-агент Sonic Youth Боб Лоутон, который прошлым вечером побывал на концерте Guns N' Roses в Нью-Йорке. Перед концертом в порталах поставили Smells Like Teen Spirit, и зрители захлопали, едва услышав вступление. Мы просто обалдели. В Нью-Йорке даже не было коммерческой альтернативной радиостанции, но некоторые фанаты, должно быть, услышали песню по WDRE, радиостанции Лонг-Айленда, которая крутила альтернативный рок. Неужели песня за столь короткое время стала настолько популярной, что ей стали аплодировать в подобных ситуациях? Так или иначе, мы вообще даже не думали, что хоть кому-то, кто пришел на Guns N' Roses, может нравиться Nirvana. Несмотря на все эти многообещающие сигналы, большинство сотрудников Geffen по-прежнему считали Nirvana еще одной «артистической» группой, о которой будут много писать в прессе, но вот продаж особых она не обеспечит. Чтобы исправить ситуацию, команда DGC попросила нас организовать концерт в «Рокси», уважаемом рок-клубе на Сансет-

Стрип, прямо напротив офиса звукозаписывающей компании. Они хотели, чтобы руководители Geffen, не имеющие отношения к альтернативе, увидели выступление Nirvana и осознали уникальную мощь группы. Шла середина августа, Nirvana только что сняла клип, и пришли буквально все сотрудники лейбла.

Люди с Geffen, с которыми я говорил десятилетия спустя, вспоминали тот концерт как пик своей карьеры. Вместимость «Рокси» составляла пятьсот человек, и клуб был заполнен до отказа – в основном представителями музыкального бизнеса, хотя нашлось место и фанатам, и нескольким музыкантам. (Роузи вспоминал, как вокалист метал-группы Warrior Souls слэмился под Breed.) Nirvana была на пике формы, слаженной, мощной. После выступления Курт, что было для него характерно, сказал, что концерт, скорее всего, вышел плохим, и сокрушался, что порвал струну на гитаре. Я, как и полагается менеджеру (на этот раз – совершенно искренне), заверил его, что все было замечательно.

Потом мы с несколькими руководителями лейбла отправились на прогулку по бульвару Сансет.

– Мне кажется, словно я только что побывала на The Who в Лондоне в 1964-м! – восторгалась Робин Слоан. Роберт Смит задумчиво посмотрел на меня и сказал:

– Пожалуй, у них действительно будет золотой диск. Для группы было очень важным в день релиза Nevermind приехать в Сиэтл. Роузи просто поразило, как ответственно Nirvana подошла к этому событию.

– В неделю выхода альбома я был в Сиэтле, мы со Сьюзи Теннант сходили на KCMU и KISW. Группа очень по-деловому давала интервью. Они приходили вовремя, отлично шутили.

В день релиза они должны были побывать в сиэтлском музыкальном магазине «Пичиз» и на вечеринке в честь выхода альбома. До этого, желая выйти из рекламного режима, Nirvana отправилась домой к Теннант (дом одновременно служил ей офисом).

– У меня была длинная гостиная. Дома была целая куча дисков Geffen, они их все достали и расставили, словно домино. Дейв и Курт надели мои платья, побежали к дискам и прыгнули на них.

Первый хитовый альбом, выпущенный DGC, принадлежал попсовому дуэту из братьев-подростков, Nelson. Курт взял помаду Теннант и изрисовал ею золотой диск Nelson.

В магазине, где даже всем не хватило места, и некоторым фанатам пришлось ждать на улице, группа отыграла концерт.

– Это было очень классное шоу, – вспоминает Теннант, – и

именно тогда большинство фанатов впервые услышали новые песни.

У Курта в тот день была еще одна важная миссия.

– Он настаивал на том, чтобы в «Пичиз» начали продавать фанзин Riot Grrrl, – с восхищением рассказывает Теннант. – Это должен был быть день Nirvana, день прославления Курта и ребят, а он все равно помогал старым подругам.

Дженни Бодди вспоминает, что после концерта Курт выглянул в окно и увидел Брюса Пэвитта из Sub Pop. Тот сидел на тротуаре, обхватив голову руками, и ждал такси. Курт крикнул ему, то ли в шутку, то ли всерьез:

– Эй, папа-птица! Птенчики вылетели из гнезда!

После выхода альбома казалось, что у группы все идет как по маслу, даже когда они, казалось, заходили за грань. Они подожгли диван в гримерке клуба в Питтсбурге, но каким-то образом избежали серьезных последствий. В то же время Роузи вспоминает:

– Мне казалось, что Курт очень критично относится ко всему происходящему, словно он много лет думал о том, каким должен быть постер. Им троим нравилось быть вместе, но когда речь заходила о принятии решений, например, в каком настроении давать интервью – в веселом или серьезном, тон задавал Курт. Если начиналась перестрелка едой, то именно он кидал первый кусок пиццы.

(Подобные «перестрелки» упоминали несколько моих собеседников. У меня на глазах они ни разу едой не швырялись. В этом, наверное, одновременно достоинство и недостаток того, что я был на семнадцать лет старше Курта.)

Учитывая, какая взаимная неприязнь вскоре развилась между Куртом и Акслом Роузом, очень иронично вспоминать, что незадолго до релиза Nevermind Роуз хвалил Nirvana, хотя никогда с группой не встречался. Он даже снялся со шляпой с логотипом Nirvana в клипе Don’t Cry. Еще одну неожиданную, но полезную рекламу группе дал легендарный бывший барабанщик Vanilla Fudge Кармайн Аппис, икона хеви-метала. Его новая группа Blue Murder подписала контракт с Geffen, и Апписа настолько впечатлил альбом, который ему дали послушать еще до релиза, что он похвалил Дейва Грола в колонке об игре на барабанах, которую написал для журнала Circus.

К концу осени в ротации KNAC, хеви-металлической радиостанции из Лос-Анджелеса, было семь треков. Роузи вспоминает, что «программный директор Z-Rock, метал-станции с национальной синдикацией, располагавшейся в Далласе, поначалу беспокоился, что фанатам, которые слушают музыку в

грузовичках-пикапах и которым нравится скорее кто-то типа Van Halen, не понравится Nirvana». Smells Like Teen Spirit стала самой ротируемой песней за всю историю Z-Rock.

Роузи, хотя ему было лишь немного за двадцать, работал в олдскульном проморежиме и не всегда осознавал, по какой тонкой линии приходится идти Nirvana. Отчасти Курту очень нравилось, что фанаты трясли головами и играли на «воздушных гитарах» его риффы. Он гордился тем, что играет рок. Но с другой стороны, он знал, что подавляющая часть фанатов хеви-метала – мужчины, и очень немногие из них разделяют его взгляды на феминизм и права геев, так что к хеви-металлическому продвижению группы он относился довольно неоднозначно. Однажды, когда Nirvana была в офисе Geffen, Роузи застал Курта врасплох, вручив ему телефон, по которому разговаривал с программным редактором CMJ, отвечавшим за хеви-метал. «Курт тут же закрылся, и Силва сказал, что я его просто раздавил». После этого Роузи довольно долго держали подальше от Курта.

Каждый год нескольким рок-группам удавалось попасть одновременно на рок- и поп-радиостанции – обычно это были цепляющие рок-баллады вроде Every Rose Has Its Thorn группы Poison. Когда Герш, Силва и я обсуждали, есть ли на Nevermind песня, которая могла бы попасть на поп-станции, то предполагали, что лучшим кандидатом станет Come As You Are, потому что она не очень громкая, и у нее хорошие мелодические «хуки». Но реакция на Smells Like Teen Spirit быстро превзошла наши самые невероятные ожидания.

Я спросил у заведующего поп-промоушеном на Geffen, не попробовать ли нам отправить песню на какие-нибудь особенно смелые поп-станции. Он снисходительно напомнил мне, что поп-радио в ту пору играло танцевальные вещи вроде Полы Абдул и избегало любых песен с громкими гитарами. Я даже не смог уговорить его попробовать обратиться к станциям «Топ-40» в Сиэтле. Проблема вскоре оказалась решена Лесли Фрам, музыкальным директором Power 99, поп-станции в Атланте. Она заметила, что в местных магазинах продается все больше альбомов альтернативного рока, и искала какую-нибудь песню, чтобы проверить, не хочет ли поп-аудитория Атланты попробовать новое направление. Фрам вспоминает: «Я была ошеломлена, услышав Smells Like Teen Spirit». Песня добилась такого успеха, что она с коллегами даже решила изменить формат всей станции, перейдя в альтернативу и переименовав ее в 99X. Если уж программный директор говорит, что это поп-песня, то олдскульный рекламщик обязан послушать. Немало помогло и

то, что многие другие поп-станции тоже стали подражать формату 99X. Smells Like Teen Spirit стала поп-хитом, поднявшись на шестое место в чарте Billboard Hot 100.

После прорыва на поп-радио Nirvana можно было считать уже совершенно отдельной категорией. Их музыка нравилась фанатам панка, коммерческой альтернативы, металла, мейнстримового рока и поп-музыки. Именно этого Курт всегда и хотел. В списках любимых альбомов, которые он составлял в дневниках, Abba и Black Sabbath соседствовали с REM и Black Flag.

MTV достиг пика влиятельности в американской музыкальной культуре. В конце 1992 года Курт сказал аргентинскому журналисту: «В Соединенных Штатах MTV – почти бог, он очень могущественный. Все смотрят и слушают этот канал». Скотт Литт, продюсер самых известных альбомов REM, работавший с Nirvana как звукоинженер над различными проектами, в том числе и MTV Unplugged, говорил: «MTV обладал такой властью, что ему просто нельзя было сказать «нет». Как поп-радио в пятидесятых. Если ты не хотел с ним дружить – ну, удачи».

Эми Финнерти попала на MTV на одну из линейных должностей в конце 1989 года и вскоре подружилась с Джанет Биллиг, которая сводила ее на концерт Nirvana в клуб «Пирамида» в Нижнем Истсайде вскоре после выхода Bleach.

– Концерт был невероятным. Он начался намного позже полуночи, народу было человек двадцать-тридцать, но Курт все равно разбил гитару.

После этого она поехала вместе с группой на квартиру Джанет, где впервые познакомилась с Куртом.

Через несколько месяцев, когда Nirvana прилетела в Нью-Йорк на встречу с Columbia Records, она увидела Курта за кулисами концерта и снова представилась. Тот ответил: «Не могу поверить, что ты знаешь, кто я такой, я ведь просто играю в дурацкой маленькой группе». Курт и Крист подтрунивали над Эми за то, что она работала на «корпоративном» MTV, и притворялись, что собираются облить ее пивом, но они просто шутили.

Летом 1991 года Финнерти было двадцать два года, и она все еще была погружена в ту же панк-культуру восьмидесятых, которая вдохновляла Курта. Все программные редакторы MTV были старше ее минимум лет на десять и ничего о ней не знали. С фанатичной уверенностью, свойственной молодости, она убедила руководство MTV, что ее тоже должны приглашать на важнейшее «музыкальное собрание», которое устраивали каждый понедельник и на котором решали, какие клипы и как часто надо

ставить.

– Мое положение в иерархии все еще было довольно низким, но они понимали, что я единственная представительница поколения, которое они считали своей целевой аудиторией. Остальные работали там уже десять лет и всерьез думали, что молодежи интересны артисты вроде Фила Коллинза.

Люди из фирм грамзаписи, продвигавшие «альтернативный» рок, вскоре поняли, что у них есть новый союзник – MTV. В конце лета Марк Кейтс попросил Финнерти встретиться с ним на вечеринке Geffen, посвященной прослушиванию грядущего альбома Guns N' Roses, в студии Electric Lady в Нью-Йорке, обещав ей кассету с предварительной версией Nevermind.

– Я ничего не имела против Guns N' Roses, но это был двойной альбом, вечеринка шла долго, и я думала лишь о том, когда же это все кончится, чтобы мне наконец-то дали кассету Nirvana. Я послушала ее на плеере, пока шла домой, и поняла, что это будет огромный хит.

Новые музыкальные клипы обычно подавали в пятницу, чтобы программные редакторы за выходные успели над ними подумать. В ту пятницу, когда на MTV подали клип Smells Like Teen Spirit, в кабинет Финнерти пришли Smashing Pumpkins, ночевавшие у нее прошлой ночью. Она вспоминает: «Мы видели, какое оно [видео] потрясающее», а когда она водила Билли Коргана и других «тыкв» по офису, знакомя их с различными руководителями MTV, в каждом кабинете кто-то смотрел клип «той другой крутой группы». Под конец дня, вспоминает Финнерти, в коридорах «царило ощутимое возбуждение», и «в мой кабинет приходили незнакомые мне люди, чтобы посмотреть клип».

В понедельник перед музыкальным собранием Финнерти лично встретилась со своим начальником Эбби Коновичем и предложила сразу поставить клип Nirvana в мощную ротацию.

– Я сказала, что если ошибусь, и песня не станет хитом, они могут не приглашать меня на музыкальные собрания. Я поставила на кон свою работу.

Коновичу понравилась ее страсть, но он сказал, что на этой неделе есть только одно окно для мощной ротации, а на MTV прислали еще и новый клип Guns N' Roses, и его придется поставить первым, потому что эту группу уже давно любят зрители MTV; впрочем, он обещал перенести клип Nirvana в мощную ротацию на следующей неделе.

29 сентября, через несколько дней после релиза Nevermind, на MTV состоялась премьера клипа в их альтернативном шоу 120 Minutes, и после этого он попал в «среднюю» ротацию. Ровно то

же самое год назад сделали с Kool Thing, песней Sonic Youth, а еще через несколько недель ее убрали. Опасаясь повторения ситуации, я донимал ребят из Geffen, чтобы они заставили MTV поставить клип в мощную ротацию. Я и не представлял, что благодаря Финнерти это уже было запланировано на ближайшее время.

«Через несколько недель моя жизнь изменилась», – вспоминает Финнерти. Ее статус на канале резко повысился, и она оставалась посредником между MTV и Nirvana в течение всей оставшейся карьеры группы. MTV сыграл ключевую роль в массовом успехе Nirvana, но, став знаменитой, группа оказалась одной из немногих, кто привлекал новых зрителей на канал, так что отношения стали взаимовыгодными. Курт обижался, когда MTV давил на него, но злился, когда канал его игнорировал. Он и сам регулярно смотрел MTV и хотел, чтобы Nirvana была там на ведущих ролях, но при этом ненавидел ту часть себя, которой это было так важно.

Курт настоял на съемке еще трех клипов для альбома Nevermind и редко отказывал MTV, когда группу приглашали на какое-нибудь шоу канала. Через месяц после выхода альбома на выступление для хеви-металлического шоу MTV, Headbangers Ball, Курт надел антикварное канареечно-желтое бальное платье. Когда ведущий Рики Рахтман спросил его, зачем он это сделал, Курт скромно ответил: «Ну, это же бал, правильно?» Через двадцать лет на сайте MTV вышло интервью с Рахтманом, в котором тот пожаловался, что вытащить ответы из Курта оказалось «не легче, чем вырывать зубы», и Курт вел себя так, «словно не хотел там находиться». Строя из себя угрюмого панка на метал-шоу, Курт сумел одновременно и съесть хеви-металлическую рыбку, и косточкой не подавиться. Он очень хотел показать и старым, и новым фанатам, что презирает мачистское поведение, но при этом ему нравится, что его песни ставят в передаче, посвященной хеви-металу. Финнерти и ее начальники на MTV не разделяли раздражения Рахтмана и понимали, что делает Курт.

Когда Кейтс и Смит мечтали о золотом диске, они представляли, что на это понадобится примерно год методичной работы. Несмотря на энтузиазм, который сотрудники Geffen испытывали после концерта в «Рокси», первый тираж альбома составил всего пятьдесят тысяч – больше, чем у Bleach, но явно без расчета на невероятный успех, уже показавшийся на горизонте. Первые поставки разлетелись в магазинах практически мгновенно, и тут же был заказан новый тираж. Nevermind стал золотым (тираж достиг 500 000 экземпляров) 12 октября, всего

через восемнадцать дней после выхода. Бодди вспоминает:

– Все в Сиэтле так радовались. Все хорошее, что произошло с Nevermind, происходило с нами. Словно, не знаю, наша команда победила!

Курт, Крист и Дейв тоже были взволнованы, но все случилось так быстро, что достижение оказалось окутано атмосферой нереальности, и мне казалось, что в те дни группа делала все возможное, чтобы игнорировать как можно бóльшую часть этого «успеха».

У меня таких внутренних сдерживающих факторов не было. Я придумал песенку, которую напевал себе в машине: «У меня самая крутая группа, самая крутая группа в стране». Джимми Айовин, который в прошлом году стал одним из основателей Interscope Records, был из тех людей, которых я всегда хотел впечатлить.

– Думаю, что эта группа станет круче всех, с которыми я когда-либо работал, – сказал я ему однажды по телефону. Айовин поддержал меня, ответив:

– Они напоминают мне The Police.

Я даже не знаю, откуда набрался такой смелости, но ответил:

– Мне кажется, они будут еще круче, чем The Police.

Я потерял контроль над собой, но как бы я ни был оптимистичен по поводу успеха Nevermind, альбом все превосходил и превосходил мои ожидания.

Коммерческое радио и MTV предназначались для масс, а вот печатная пресса – для настоящих фанатов. В последнюю поездку группы в Нью-Йорк перед выходом Nevermind Джанет Биллиг сводила Курта в «Мэдисон-Сквер-Гарден», где Metallica устроила гигантскую вечеринку в честь выхода нового альбома. Курту нравилась Metallica, и он хорошо провел время, но при этом все раздумывал, как бы смягчить возможную реакцию прессы на грядущий альбом Nirvana. Он сказал Биллиг примерно то же самое, что Монтгомери и Терстону – привел в пример About a Girl как доказательство того, что он всегда писал мелодичные песни. Курт хотел, чтобы люди поняли, что он не изменился после подписания контракта с мейджор-лейблом. Он знал, что Джанет – публицист, которая регулярно общается с большинством журналистов, пишущих об инди-культуре, и она донесет до них его идеи. Она вспоминает:

– Курт читал все. Он всегда старался идти по грани между инди-миром и мейнстримовым роком, и ему это удавалось.

Курту не надо было волноваться. Большинство журналистов, связанных с панк-роком, понимали, что Nirvana выпустила альбом, который сохранил и расширил их личную версию рок-н-

ролла, и считали его триумфом панк-культуры восьмидесятых, которую они так долго продвигали. А еще альбом подтвердил притязания сиэтлского рок-сообщества. Бодди вспоминает:

– Все критики были в восторге – даже в Maximum Rocknroll и Flipside. Они не считали, что группа продалась. Никто так не думал. Я была пресс-атташе Sub Pop, и я точно вам говорю: никто.

Я же со своей стороны делал все, что мог, в мейнстримовой части мира. Я дружил с Бобом Гуччоне-младшим с тех пор, как он в 1985 году основал журнал Spin. Как и я, он был бизнесменом, отдаленным на один эмоциональный шаг от панк-культуры, которую Боб считал недообслуженной аудиторией, и он решил заполнить определенный вакуум своим журналом. Когда мы вместе обедали в конце лета, он сказал, что собирается поместить Soundgarden на обложку последнего в году выпуска. (На тот момент Soundgarden все еще был самой популярной новой рок-группой из Сиэтла.) Я дерзко сказал ему, что к концу года самой крутой сиэтлской группой будет уже Nirvana, а не Soundgarden. Молодые сотрудники Гуччоне, судя по всему, с ним согласились, потому что он заказал у Лорен Спенсер статью, которая стала первой для группы «историей с обложки» в национальном издании.

К концу сентября Курт уже понял, насколько быстро все развивается, и хотел, чтобы на обложке Spin он выглядел иначе, чем на фотографиях, сделанных пиар-отделом лейбла несколько недель назад. За день до фотосессии группа посетила радио WOZQ в Нортхэмптоне, и он попросил молодую сотрудницу радиостанции покрасить его волосы в синий цвет, и именно в таком виде он появился на первой для Nirvana обложке журнала национальных масштабов.

Многие рок-критики более старшего поколения сочли Nevermind возрождением американского рок-н-ролла, который был о чем-то. REM были последней группой, которая одновременно имела массовую аудиторию и затрагивала глубокие темы, но, поскольку они работали уже почти десять лет, основная их аудитория была теперь университетского возраста и старше. Guns N' Roses добавили адреналина в мир подростковой музыки, но им не хватало культурной глубины. Многим критикам среднего возраста казалось, что рок-н-ролл превратился просто в более громкую версию бездумной попсы, но в конце 1991 года большинство из них видели в прорыве Nevermind возвращение рока на важнейшее место в культуре, которое, как они опасались, тот уже необратимо утратил. Критики обычно с презрением относились к очень популярным исполнителям, и лишь небольшая часть массовых слушателей читала рецензии.

Nevermind стал одним из немногих альбомов, одновременно добившихся огромного успеха в чартах и попавших на первое место в очень уважаемом опросе Pazz & Jop журнала Village Voice, который был составлен из топ-10 альбомов (по версии сотен американских рок-критиков).

Курт по-прежнему говорил всем, что всего лишь хотел, чтобы Nirvana стала такой же известной, как The Pixies. Я почти уверен, что здесь он лукавил, раздумывая, как реагировать на успех с такой же эмоциональностью, с какой он подходил к репетициям. Несмотря на всю личную борьбу с внутренними демонами, на то, насколько смешанные чувства он испытывал к тому, чтобы стать знаменитостью, вплоть до отвращения, как артист Курт был подготовлен просто сверхъестественно хорошо и всегда видел на несколько ходов вперед.

Придумав, как совершенно уникальным образом преодолеть различия в радиоформатах, Курт затем решил разрушить шаблоны, созданные рок-журналистами. «Люди считают, что я капризный, а я считаю, что очень глупо, что существует только два типа вокалистов-мужчин, – жаловался он. – Нужно быть либо капризным визионером типа Майкла Стайпа, либо бездумным металлистом – королем вечеринок типа Сэмми Хагара». Курт, поняв, что становится знаменитым, был твердо намерен играть сразу обе роли.

Силва и группа считали важным, что первые концерты на каждом крупном рынке Nirvana должна дать в маленьких клубах, где уже выступала до этого. На жаргоне музыкального бизнеса это называлось «игрой на понижение» (underplay), и она помогла группе сохранить связь с сердцем своей аудитории. Поскольку реакция на Smells Like Teen Spirit оказалась такой быстрой, все билеты на концерты тут же раскупили, хотя гастроли начинались еще в середине сентября, за неделю до выхода Nevermind. Монтгомери вспоминает:

– Это было безумие какое-то. На каждом концерте снаружи собиралось больше народу, которому не досталось билетов, чем внутри.

Тем, кто все-таки сумел достать билеты, невероятный взлет альбома дал ощущение причастности к истории рок-н-ролла, и зрители нередко доходили до исступления.

В Сент-Луисе охранники жестко обошлись с какими-то ребятами, которые пытались вылезти на сцену. Попытавшись успокоить охрану (что всегда сложно во время исполнения громкой музыки), Курт затем остановил концерт и пригласил нескольких ребят постоять на сцене, а Крист очень серьезным тоном объяснил зрителям, что «анархия работает только в том

случае, если мы все берем на себя ответственность».

В Лос-Анджелесе, где располагалась штаб-квартира Geffen и базировалось большинство прессы, мы хотели привлечь как можно больше зрителей, так что играть «на понижение» смысла не было. 27 октября, через месяц после выхода Nevermind, Nirvana выступила в «Пэлэс-Театре», вмещавшем 2200 зрителей; на тот момент это было самое большое помещение, где им доводилось играть хедлайнерами, и билеты быстро распродали. Группа выступала великолепно, и этот раз не стал исключением. После концерта за кулисами Эдди Розенблатт сказал мне, что пришел с Акслом Роузом, и спросил, можно ли ему зайти в гримерку и поздороваться с Куртом. Когда я передал тому просьбу, Курт скорчил гримасу и сказал, что очень не хочет встречаться с певцом Guns N' Roses. Я не хотел ставить президента Geffen в неловкое положение, так что предложил такой вариант: мы с Куртом сбежим из гримерки, а потом я дам Розенблатту пару пропусков. Все будет выглядеть не так, словно мы их не пустили, а что Курта просто не удалось найти. Он кивнул. Я вышел, отдал пропуска Розенблатту и спросил, не могут ли они с Роузом подождать пять минут, пока Nirvana «переодевается». Потом я вернулся в гримерку, схватил Курта, и мы выскользнули через заднюю дверь. Розенблатт после этого ничего плохого мне не сказал, так что, судя по всему, наша затея сработала, но, полагаю, Роуз вряд ли остался доволен.

Мы с Куртом стояли в темном уголке за кулисами; мимо нас ходили какие-то прихлебатели из музыкального бизнеса, даже не подозревая, что худой парень в тени – тот самый певец, который только что дал мощнейший концерт, и у него еще даже пот не высох. Курт, улучив момент, сказал мне, что его весьма беспокоит одна вещь: в последнее время во многих статьях о Nirvana делали акцент на его антиженоненавистнических текстах, причем до такой степени, что он боится, что его выставят слишком серьезным человеком, вообще не имеющим чувства юмора. Он, конечно, восхищался открыто политическими панк-группами вроде Fugazi и Dead Kennedys, но не хотел, чтобы на Nirvana смотрели так же узко.

Я всегда боялся разговоров с артистами, которые недовольны тем, как их описывают в прессе, потому что с этим было очень трудно сделать хоть что-то, кроме как ограничить круг журналистов, с которыми они будут общаться в будущем. Я начал как раз объяснять что-то подобное, о том, что мы не слишком сильно можем на это повлиять.

Ответ Курта навсегда мне запомнился, потому что только тогда я осознал, на каком уровне он все просчитывает в голове.

Он посмотрел на меня тем же терпеливым взглядом, что я видел в офисе, и тихо сказал:

– Знаю, и я раздумывал, почему так вообще может быть, мне кажется, все потому, что в пресс-китах, которые лейбл выдает журналистам, есть какие-то политические штуки.

Он оказался на шаг впереди меня даже в моей собственной работе. Поскольку официальная «биография» группы в основном была вымышленной пародией, Geffen приложили к ней несколько ранних статей, и некоторые из них были посвящены Polly, песне о сексуальном насилии. Я почувствовал себя идиотом из-за того, что не подумал об этом раньше.

– То есть ты хочешь, чтобы я попросил лейбл убрать эти статьи? – спросил я. Он одобрительно кивнул.

– Да, было бы здорово.

Такие поправки были делом простым. Куда сложнее оказалось столкнуться с другим фактом: недели две тому назад в жизни Курта появилась новая персона, и ее присутствие ощущали все, кто знал его, до самого конца его жизни.

Глава шестая
Кортни Лав

Начало девяностых настолько изменило мое отношение к собственной карьере, что очень легко забыть о том, что за сорок один год моей жизни я вообще ни разу не слышал имя Кортни Лав. Впервые я услышал о Кортни от Розмари Кэрролл, моей тогдашней жены и матери моих детей, которая работала юристом Кортни и ее группы Hole. К осени 1991 года Джанет Биллиг подписала контракт между Hole и Caroline Records, а Ким Гордон из Sonic Youth спродюсировала малобюджетный дебютный альбом группы, Pretty on the Inside.

Поклонников Hole, в том числе и некоторых рок-журналистов, покорила необузданная ро́ковая мощь Кортни в ту пору, когда на панк-сцене было очень мало женщин-музыкантов, а она к тому же была единственной, кому хватило жгучих амбиций и таланта, чтобы выйти за пределы панк-рока, – точно так же, как это удалось Nirvana. Кортни было тогда двадцать семь, на три года старше Курта, и с ее мощью нельзя было не считаться.

Вскоре после выхода Nevermind мне позвонила Пег Йоркин, управляющая Feminist Majority Foundation, которая заседала в том же отделении ACLU по Южной Калифорнии, председателем которого был я. Она готовила благотворительный концерт «Rock for Choice» с группами L7 и Sister Double Happiness и хотела, чтобы хедлайнером выступила Nirvana, гарантировав аншлаг. Силва сказал мне, что группа согласна. Они поддерживали идеи феминизма, а Дейв Грол тогда встречался с Дженнифер Финч из L7, так что уговаривать их не пришлось. Вскоре после того, как Nirvana подтвердила участие, Йоркин добавила в список выступающих Hole, и Розмари сказала мне, что Кортни (по-моему, именно тогда я впервые услышал ее имя) хочет гарантий, что им дадут достаточно много времени, – довольно-таки самонадеянное требование для разогревающей группы.

Гитарист Hole Эрик Эрландсон был бойфрендом Кортни, когда группа только собралась.

– Мы с Кортни побывали на концерте Nirvana на Лонг-Бич после выхода Bleach, и они нам не особо понравились. Мне музыка показалась похожей на The Melvins, а этот жанр меня не интересовал.

Однако в мае 1991 года, когда Nirvana репетировала песни, которые были записаны на Nevermind, Эрик и Кортни попали на их концерт в лос-анджелесском клубе «Джаббердже», и их

осенило.

– Именно тем вечером все поняли, что Курт добавил в звучание группы элементы Pixies и поп-музыки, и время было выбрано идеально, – вспоминает Эрик. – Вокруг Курта уже тогда была аура таинственности. Он был симпатичным, при этом эксцентричным и принимал наркотики, но в нем было что-то такое, что притягивало всех.

Через несколько месяцев, по воспоминаниям Эрика, «появились первые кассеты с Nevermind, и, пока Hole была на гастролях, мы переслушивали их в машине снова и снова». Вскоре после концерта в «Джаббердже» Эрик и Кортни прекратили романтические отношения, оставшись друзьями и товарищами по группе, и Кортни стала встречаться с Билли Корганом из Smashing Pumpkins.

12 октября, через три недели после выхода Nevermind, Nirvana выступала в «Метро», чикагском клубе примерно на пятьсот человек. То был один из концертов «на понижение», билеты на который быстро разлетелись. Для группы наступило волнительное время. Они знали, что Nevermind превосходит все их ожидания, но пока не были этим ни ошеломлены, ни измотаны. Даже пару десятилетий спустя чикагские рок-журналисты описывали этот концерт как один из лучших, что им доводилось видеть. Сет закончился ритуальным разбиванием инструментов – именно тогда я впервые увидел это вживую. И гитара Курта, и барабаны Дейва превратились в мусор.

Гримерка Nirvana после концерта заполнилась музыкантами и друзьями из группы с местной панк-сцены. Кортни тут же представилась мне. Она была с Лори Барберо из Babes in Toyland, группы, в которой Кортни недолго играла, прежде чем собрать Hole. Она сумела добраться до Чикаго в том числе потому, что Каз Уцуномия хотел установить и с ней профессиональные отношения. У нее не было денег ни на самолет из Лос-Анджелеса до Чикаго, ни на гостиницу, так что Кортни попросила помочь менеджера Jane's Addiction Тома Атенсио, который в ту пору тоже обхаживал Hole, и тот позвонил издателю. Каз помнит, как Том сказал ему, что «ей очень важно будет посмотреть концерт Nirvana и услышать примеры отличных композиций в стиле панк». Объяснение вышло довольно надуманным, но Каз симпатизировал Кортни и достал для нее 1000 долларов. (А потом Кортни уговорила Розмари одолжить ей для поездки еще 1000 долларов.)

Меня очаровали остроумие и теплота Кортни. «Вы будете моим другом?» – спросила она, и я кивнул, точно зная, что она имеет в виду. У нее была черта, свойственная многим звездам:

она умела заставить каждого, кого хотела завоевать, почувствовать, что он становится интереснее и круче, когда она уделяет ему внимание. Мы не только были косвенно связаны через Розмари: она еще и знала, что меня нисколько не беспокоят слухи о ее вражде с группами на инди-сцене Северо-Запада. Эти люди не слишком-то хорошо относились и ко мне, учитывая роль, которую я сыграл в переходе Nirvana в мир корпоративной музыки. В новом космосе, который стремительно формировался вокруг группы, мы вскоре стали союзниками.

Кортни сказала, что Лори влюблена в Дейва Грола, а она просто приехала для моральной поддержки, но уже тогда я понял, что она просто врет. Впрочем, другого я не знал: на самом деле она приехала в Чикаго, чтобы увидеться с Корганом, но, придя к нему домой, обнаружила его с другой женщиной. Кортни признается:

– Билли вышвырнул меня, и концерт Nirvana в тот же день оказался счастливым совпадением. Мне нравился Курт, так что я решила рискнуть. Все казалось таким естественным и органичным. Мы уже пару лет флиртовали на расстоянии.

Сразу после знакомства со мной Кортни отправилась в дальнюю часть гримерки, где сидел Курт. Хотя она была на несколько дюймов выше, вскоре Кортни уже оказалась на коленях у Курта. Они оба улыбались, словно та кошка из поговорки, съевшая канарейку. Именно той ночью Курт и Кортни впервые спали вместе. На благотворительный концерт Rock for Choice через две недели Курт и Кортни поехали уже как пара, и их отношения продлились всю оставшуюся жизнь Курта.

Кортни очень легко могла и обидеться, и обидеть, но мне нравились ее чувство юмора и ум. Другие люди из окружения Nirvana, похоже, считали, что их отношения не продлятся дольше, чем типичная преходящая рок-н-ролльная интрижка, но мне быстро стало ясно, что Курт крепко влюблен в Кортни, и это чувство взаимно.

Терстон тоже очень быстро понял, что у них все серьезно:

– Помню, был какой-то концерт, где я сидел рядом с Кортни сбоку сцены, и Курт показал на нас и сказал что-то о Кортни, и потом я понял: «О, да эти ребята влюблены. Это в самом деле происходит». Все было очень мило.

Курт и Кортни общались друг с другом на различных уровнях, которые почти никто вокруг не понимал, и у них было много общих причуд. Хотя Курт обладал уникальным талантом и добился намного большего успеха, Кортни лучше ориентировалась в жизни и имела более широкий взгляд на культуру. Она была отличным поэтом и притягательной

исполнительницей, а в умении общаться с прессой не уступала Курту. А еще она была невероятно амбициозной. Она вспоминает:

– Курту нравилось это во мне. Я собиралась свалить Мадонну. Он тоже был амбициозен, но очень тщательно это скрывал. Поскольку их обоих в юном возрасте бросили родители, им пришлось учиться быть взрослыми уже после того, как они добились определенного успеха в музыкальном бизнесе. Они вместе создали свой мир, и любой, кто хотел общаться с Nirvana, вынужден был с этим мириться; правда, смирились не все. Некоторые старые знакомые Курта оказались настоящими собственниками, им было трудно осознать, насколько же быстро меняется его жизнь.

Мужчины из его окружения чувствовали угрозу со стороны сильной, откровенной женщины, да и Riot Grrrls из Олимпии сильно недолюбливали Кортни. Кроме понятных трений из-за ее амбиций (сообщество Олимпии презирало коммерцию), Кортни еще и была не слишком рада тому, что Кэтлин Ханна и Тоби Вейл познакомились с Куртом раньше ее и продолжали с ним общаться. Жесткие территориальные инстинкты Кортни приводили в ярость многих его старых друзей. Я никогда не обращал на это особого внимания. Единственное мнение, которое мне было важно, – мнение самого Курта.

Он очень оскорблялся, когда кто-то не одобрял его новых отношений. Он проявил свою сентиментальную сторону, радуясь романтике, которой не было в его собственной семье. Однажды Курт с болью посмотрел на меня и со всей серьезностью спросил: «Разве любой мужчина не будет расстроен, когда к его любимой женщине относятся неуважительно?»

Кортни хотела, чтобы Hole повторила путь Nirvana из инди-мира на мейджор-лейбл, и искала своей группе менеджера. Я тогда в первую очередь думал о том, как бы поддержать Курта. Я спросил, хорошей ли идеей будет, если я стану менеджером Hole, и он с облегчением посмотрел на меня и сказал: «Это будет очень здорово». Кортни тоже так считала, и мы ударили по рукам.

У Силвы, похоже, ранее был неприятный опыт общения с Кортни, потому что когда я сказал ему, что Gold Mountain будет вести дела Hole, он резко ответил: «Работать с ней будешь ты». Ну и ладно, я не против. Неожиданный взлет Nirvana и без того вывел меня на куда более выдающуюся роль в некоторых вопросах бизнеса и прессы, чем мы первоначально рассчитывали. До этого мои задачи в основном ограничивались общением с лейблом по определенным ключевым пунктам, а повседневным менеджментом занимался Силва. Моя работа с Кортни стала поворотной точкой в отношениях с Куртом; вскоре я превратился

в человека, решавшего с ним самые важные вопросы.

Тем не менее мы с Силвой прошли немалую часть этого путешествия вместе. На Хэллоуин, через месяц после выхода Nevermind, мы поехали в Сиэтл, чтобы побывать на первом концерте Nirvana в качестве хедлайнеров в родном городе после выпуска большого альбома. В Geffen сделали таблички с золотыми дисками, чтобы вручить группе, и мы договорились о съемке концерта, понимая, что этот момент вполне стоит того, чтобы его задокументировать. Ребята согласились с этим планом, но камеры их немного смущали – они беспокоились, что съемка символизирует пафос, которого они пытались избежать.

Прошлый месяц стал для Nirvana интенсивной гонкой на американских горках, и они были дезориентированы, вернувшись в Сиэтл «рок-звездами». Всегда стремившийся к разрушению рок-клише, Курт попросил нескольких друзей потанцевать на сцене в качестве панковской пародии на танцоров гоу-гоу, и договорился, чтобы перед Nirvana выступали Bikini Kill и Mudhoney.

Именно на этом концерте я впервые познакомился с матерью Курта, Венди, которая приехала из Абердина. Курт часто рассказывал, насколько его убил развод родителей, когда ему было девять. Он почти десять лет не общался с отцом, и, хотя в некоторые периоды детства чувствовал себя брошенным и матерью, рассказывал, что очень благодарен ей за то, что в детстве она всегда хвалила его рисунки, и никогда не разрывал с ней отношений. Венди была светловолосой, красивой, милой, и в тот период жизни относилась к Курту с почтением. Крист познакомил меня с несколькими своими родственниками, в том числе матерью Марией.

– Она сделала себе прическу! – вспоминал он. – Все были очень счастливы и гордились нами. Некоторые знакомые даже пытались одолжить у моей родни денег!

Концерт устроили в театре «Парамаунт», вмещавшем 2800 человек, – на самой большой площадке, где когда-либо в этом городе выступала Nirvana. Мы с Силвой пришли в театр после саундчека; Курта, Криста и Дейва не оказалось в их гримерке. Поднимаясь по театральной лестнице в поисках ребят, мы встретили Марка Арма из Mudhoney. Силва спросил его: «Вы видели мою группу?», на что Арм с презрением ответил: «Они не твоя группа». Я подумал про себя: «Ну, они и не твоя группа, опять же». Этот вечер был эмоциональным моментом для сиэтлской рок-сцены, а концерт стал триумфальным возвращением домой, но на тот момент идея, что Курт Кобейн принадлежит какому-либо одному городу или субкультуре, была смехотворной.

Роберт Смит вспоминает:

– Курт был одет в пижаму и спал в углу комнаты за кулисами. Мне в тот момент стало его жалко.

Я же помню сцену иначе. Курт часто носил пижаму, и я помню, что ему было немного неловко общаться с семьей и старыми знакомыми, но в то же время это его забавляло. Может быть, Смит увидел что-то, что не заметил я. Как вам уже наверняка очевидно, я был предрасположен видеть все, что относится к Nirvana, через розовые очки, но на пленке отлично видно, каким великолепным стал концерт – это одно из моих любимых документальных свидетельств о группе того времени.

Впрочем, я отлично понимал, что любой артист, очень быстро добившийся огромного успеха, чувствует себя дезориентированным. Отчасти Курт был рад, что сумел достичь великой цели, и трое музыкантов остались такими же друзьями, даже став успешными. В то же время Курт не скрывал от меня и того, что его немного пугает внезапное превращение в публичную фигуру. У меня был определенный опыт помощи артистам на первых этапах славы, но ни с чем подобным взлету Nirvana дела иметь не приходилось. Я часто чувствовал себя беспомощным, видя страдальческие гримасы, ни с того ни с сего появлявшиеся на его лице. Похоже, Курт начинал понимать, что успех, ради которого он так усердно работал, не сотрет тех эмоциональных травм, с которыми ему приходилось жить с детства. Я вспоминал скорбную песню Пегги Ли Is That All There Is?

Согласившись стать менеджером Hole, я тут же получил немало новой работы и понимал, что мне нужна помощь. К счастью, Джанет Биллиг согласилась покинуть Caroline и перейти в Gold Mountain. Я несколько раз видел ее рядом с CBGB после концертов – она излагала свое мнение о разных артистах жителям панк-сцены, и меня весьма впечатлило то, какой вес имели ее наблюдения, особенно для журналистов. Поначалу Джанет взяли для повседневной работы на Hole, но вскоре она стала неотъемлемой частью команды Nirvana, став главным посредником по работе с прессой для обеих групп. Первой моей задачей было определиться, какая звукозаписывающая компания выпустит следующий альбом Hole. Успех Nevermind экспоненциально повысил ценность артистов с панк-сцены буквально за день. Эдди Розенблатт шутил, что поиски билетов на самолет до Сиэтла теперь занимают не одну неделю, потому что многие рейсы полностью скуплены A&R-щиками, которые отправились туда искать «следующую Nirvana».

К тому времени, как менеджером стал я, группой уже интересовалось несколько лейблов, но я не смог воспротивиться

идее подписать Hole на DGC/Geffen. Они знали, как продать панк-артиста массовой аудитории, не посягая при этом на его идентичность, а я знал, что к нам там будут относиться с уважением. Кортни и Эрик решили, что раз уж этот лейбл достаточно хорош для Nirvana, он будет хорош и для Hole.

Я сказал Розенблатту, что, если мы хотим подписать контракт, надо действовать быстро, потому что интерес остальных весьма агрессивен. Хотя Кортни позже намекала прессе, что подписала сделку на «миллион долларов», на самом деле им предложили такую же сумму, как и Nirvana, хотя некоторые другие лейблы предлагали больше.

Несколько месяцев тому назад профессиональный журнал Billboard изменил способ составления чартов продаж. До того чарты составлялись на основе различных устных свидетельств и шумихи, но теперь для этих целей использовалась программа SoundScan, новая технология, отслеживавшая штрихкоды при продаже альбомов в магазинах. Это означало, что впервые за всю историю места́ в чартах с математической точностью отражали реалии рынка. 2 ноября Nevermind совершил мощный скачок в чартах продаж альбомов Billboard, с 63-го на 35-е место, и снял последние сомнения в том, что альбом находится на намного более крутой восходящей траектории, чем любые предыдущие панковские и альтернативные записи.

Во время коротких европейских гастролей Кортни занималась своей рекламой, и я пошел с ней на передачу BBC, где она исполнила акустическую версию песни, которую я еще не слышал; она называлась Doll Parts, и я был заворожен. Я понял, что мне снова повезло работать с артистом, который талантливее, чем я считал изначально.

На личном уровне Кортни, как и Курт, была человеком противоречивым; ее характер колебался между маленькой девочкой и уставшей от жизни взрослой женщиной. Она была невероятно циничной, но при этом с проблесками того же идеализма, который часто оживлял Курта. Когда она была в настроении, она делала ярче любую комнату, но вот в дурном расположении духа общение с ней было не слишком-то приятным. Появление Кортни в жизни Курта совпало со взрывным успехом Nirvana. Любая женщина в ее положении оказалась бы под лупой публичного внимания, и ей пришлось бы что-то менять, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым этой внезапной известностью. В группу людей, у которых были свои проблемы с неожиданно ярко загоревшимся светом софитов, Кортни добавила свой взрывной характер, артистические стремления и талант, новую группу друзей (многих – из рок-

прессы) и новых врагов (многих – из мира панка). Она больше интересовалась музыкальным бизнесом, чем Курт, и ставила вопросы, которые он сам задавал с большой неохотой (в частности, связанные с денежными компенсациями). Курту очень нравилась откровенность Кортни. Она часто вслух озвучивала то, что он думал про себя, и от этого он кайфовал.

Но не все были так же очарованы. Розмари вспоминает: «Кортни часто звонила и начинала разговор с фразы «Курт здесь», после чего следовала какая-то новая идея или требование». Ей больше нравилось тратить деньги, чем Курту, и она настаивала, чтобы группа начала останавливаться в гостиницах получше, соизмеримых с ее новым коммерческим статусом. («Мне нравились Four Seasons больше, чем Omnis», – недавно прислала она мне SMS, до сих пор негодуя, что кто-то вообще считал это проблемой.)

Практически сразу появились люди, которые стали называть ее «Йоко». Для некоторых людей в окружении группы, да и в широком мире рока это было оскорблением, я же считал это комплиментом. Я поклонник Йоко Оно и считаю, что немалая часть политических и философских элементов сольной карьеры Джона Леннона – это ее положительное влияние. Курт и Кортни соглашались. «Они всегда называли себя Джоном и Йоко», – вспоминает Эверетт Тру.

Некоторые журналисты из рок-прессы намекали, что Кортни манипулирует Куртом, но я всегда считал, что подобные утверждения абсурдны. Курт был человеком с едва ли не самой сильной волей из всех, кого я встречал. Он в самом деле мог разъяриться, если кто-то проявлял неуважение к Кортни. На европейских гастролях он настоял, чтобы группу TAD, в которой играл его старый товарищ по лейблу Sub Pop Тэд Дойл, убрали с разогрева Nirvana, когда узнал, что Тэд назвал Кортни «сучкой» в интервью. Некоторые люди из сиэтлского сообщества были весьма раздражены, но Курт и не собирался извиняться – в конце концов, он не единственный мужчина, который бы так отреагировал, если бы публично оскорбили его любимую женщину.

Так или иначе, Курт мог спокойно сказать Кортни «нет», если на это была причина. Однажды он позвонил мне и сказал, что Кортни купила Lexus, такую же машину, на которой тогда ездил я.

– Это машина, которая мне нужна? – спросил он с большим напряжением в голосе. Я сказал ему, что если вопрос в том, может ли он себе ее позволить, то ответ – да, но вот если он хочет знать, нужно ли ему ездить на машинах определенной модели,

раз уж он выпустил хитовый альбом, то ответ – нет.

– Так я и думал, – ответил он. – Я скажу, чтобы она сдала ее обратно.

Она так и сделала.

Когда Курт влюбился в Кортни, он быстро сдружился и с Эриком Эрландсоном.

– Отношения были очень странными, потому что я превратился в их своего рода опекуна и друга. У нас вышла очень странная троица, я до сих пор не могу уложить это у себя в голове, – смеясь, рассказывал Эрик, когда мы разговаривали двадцать пять лет спустя.

Курт и Кортни снимали квартиру на Сполдинг-авеню в Голливуде. Ассистент Силвы Питер Раух помог им с переездом. Кортни нашла красивую кровать из кованого железа в магазине неподалеку, но владелец отказался брать чек у людей, которые, по его мнению, выглядели так, словно живут на улице. Раух так и не смог убедить владельца, что на самом деле они рок-звезды, но все-таки уговорил его не продавать кровать никому в ближайшие двадцать четыре часа; за это время бизнес-менеджер Nirvana Ли Джонсон сумел раздобыть сертифицированный чек, и кровать доставили на следующий день.

Владелец квартиры часто жаловался на громкую музыку, и вскоре стало ясно, что им придется найти другое место, как только позволит рабочий график Nirvana. Эрландсон вспоминает о визитах к Курту:

– Он всегда над чем-то работал. Он не ходил на вечеринки. Он был домоседом, который постоянно над чем-то работал. Он всегда был креативным. Я слышал, как он снова и снова играет что-то на гитаре в чулане, это выглядело как бесконечная бессмыслица, но потом он находил что-то интересное и работал над этим с усердием The Beatles – снова, и снова, до тех пор, пока не доводил это до идеала. Мы с Кортни примерно так же поступали с музыкой Hole, но сосредоточение Курта было невероятно интенсивным, и у него был талант, который позволял ему работать даже после той точки, где большинство людей останавливаются.

Курт ходил на репетиции Hole и часто джемовал с ними. Эрик рассказывает:

– Если он не работал над музыкой, он рисовал. Иногда находиться с ним было страшновато: ты понимал, что этот человек создал персонажа и живет им двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

К лучшему или к худшему, но формой искусства, которая интересовала Курта больше всего, нельзя было заниматься

исключительно на дому, и он с полной отдачей относился ко всем аспектам избранного им пути – а это включало в себя и мировые турне.

Глава седьмая
Internationale

Еще с семидесятых годов рок-журналистика имела намного большее влияние в Англии, чем в Америке. Британские фанаты были настолько заядлыми чтецами, что в стране издавалось сразу несколько музыкальных еженедельников национального уровня, в том числе New Musical Express (NME), Melody Maker и Sounds. В Штатах ничего подобного не было. (Rolling Stone выходил лишь каждые две недели, и, хотя издание тоже считалось довольно значимым, оно и близко не имело такого влияния в Америке, как рок-еженедельники в Великобритании.)

В Англии, как и в Америке, был поп-бизнес, где главную роль играло радио, но благодаря параллельной власти британской музыкальной прессы и более разнообразной музыкальной культуре, которую она освещала, а также существованию нескольких дерзких радиошоу национального уровня, где ставили не поп-музыку, многие американские панк-артисты сумели найти в Англии бóльшую аудиторию, чем на родине.

В конце восьмидесятых Антон Брукс, инди-публицист, представлявший Sub Pop в Великобритании, обратил внимание Джона Пила, легендарного законодателя вкусов с радио BBC, на сиэтлскую сцену. Пил поставил в своей передаче несколько синглов с лейбла, в том числе и Nirvana. Кроме того, именно Брукс договорился о судьбоносной первой поездке Эверетта в Сиэтл.

Через шесть месяцев после выхода Bleach Nirvana открывала фестиваль Lame Fest, устроенный Sub Pop в Лондоне, и Эверетт с любовью вспоминает, что Курт был «полон то ужаса, то мягкости и метался по сцене, словно ничего не существовало вне каждого момента, когда он играл и пел». Эрик Эрландсон говорил с восхищением и завистью, что «британская пресса обожала Курта».

В первом британском турне группой интересовались всего несколько молодых журналистов. Как и в Америке, поначалу Nirvana записывали в представители «саунда» Sub Pop вместе с группами вроде TAD и Mudhoney. Однако Джонатан Поунмен из Sub Pop сказал Антону, чтобы тот обратил особое внимание на Nirvana, потому что они уже собирали в Сиэтле больше зрителей, чем Mudhoney, и, в отличие от большинства гранж-артистов, немалую часть их аудитории составляли женщины. Познакомившись с Куртом поближе, Брукс вскоре согласился, что у Nirvana потенциал больше, чем у ее товарищей по лейблу.

Он вспоминает:

– Поначалу некоторые журналисты отмахивались от Nirvana как от шумной группы из Сиэтла, музыканты которой выглядят так, словно только что встали с постели. Они еще и переврали название, окрестив группу Nevada.

Однако Бруксу было ясно, что у Nirvana более широкие взгляды, чем у большинства панк-групп. Он восхищался тем, что Курт «был в оппозиции к патриархальному року. Nirvana всегда боролась с женоненавистническими бреднями». Поначалу публицист даже не представлял, насколько огромной вскоре станет аудитория группы.

– Я думал, что они выйдут на уровень примерно The Butthole Surfers и Jane's Addiction.

Но он помнит, что еще в первом британском турне «Курт был всегда уверен в себе».

– Он сказал мне, что у них есть песни, которые выйдут на первое место. Так и сказал: «Мы будем номером один».

Брукс поехал в европейский тур 1991 года, где Nirvana выступала с Sonic Youth. Он вспоминает:

– Курт уже тогда был королем, избранным. Он был очень скромным, общительным, приятным парнем, с которым можно было хорошо посмеяться, но все, даже Sonic Youth, ощущали его величие.

На Рединге фестивале «они выступили в середине дня в пятницу. Погода была мокрой, холодной и ужасной, но после выступления о них говорили все. Вся пресса влюбилась в них».

Позже в 1991 году, через пять недель после релиза Nevermind, когда альбом начал свое невероятное восхождение в американских чартах, Nirvana провела шестинедельный хедлайнерский тур по Великобритании и континентальной Европе, и в Лондоне я впервые познакомился с Бруксом. Он был высоким, с дикими глазами, и ему требовалась моя помощь. У Geffen не было своего британского филиала, так что маркетингом альбома Nirvana в Великобритании занимался их дистрибьютор MCA, олдскульный мейджор-лейбл, работавший с мейнстримовыми артистами вроде Элтона Джона. Брукс спросил, не могу ли я съездить с ним в офис MCA. «Вы должны объяснить им философию группы», – сказал он паническим тоном, явно боясь встречаться лицом к лицу с руководителями мейджор-лейбла.

Я не был уверен, что справлюсь с этой задачей, к тому же «философия» казалась слишком формальным понятием для описания отношений группы с панк- и инди-миром, но я был единственным представителем старой школы рока в команде

Nirvana, так что согласился.

Nevermind вышел в Великобритании и Европе в тот же день, что и в Северной Америке. Брукс вспоминает, что за несколько недель до релиза «куда бы я летом ни ходил, все хотели заполучить Nevermind. Он передавал дух времени. Люди связывались с ним на совершенно другом уровне». Как и в США, первый тираж альбома (в Великобритании – около сорока тысяч) разошелся мгновенно, и запасы удалось пополнить лишь недели через две.

Как оказалось, между Nirvana и MCA в Англии не было вообще никаких проблем. Если артист популярен, то руководители, которые в иных ситуациях бывают безразличными или высокомерными, превращаются в энергичных помощников. Они не протестовали, когда я объяснил, что для защиты своего имиджа группа будет общаться только с журналистами, отобранными Бруксом – с людьми, уважавшими артистов, которыми восхищалась Nirvana, или ранее писавшими об альбоме Bleach. Сейчас Брукс понимает, что страхи насчет MCA были беспочвенными, и лейбл провел очень эффективную работу, которая никак не заставила группу поступиться принципами.

Одной из задач MCA стала организация выступлений на телевидении. Сначала группа отправилась на передачу The World Channel 4, где Курт с гордостью сказал зрителям, собравшимся в студии: «Я хочу, чтобы вы все знали: Кортни Лав трахается лучше всех в мире». Затем Nirvana с воодушевлением исполнила Smells Like Teen Spirit, и Курт прыгнул со сцены прямо в толпу.

Позже в том же месяце Nirvana исполнила эту песню на Top of the Pops, самом знаменитом музыкальном шоу Великобритании, где выступали The Beatles и Rolling Stones, и многие другие легендарные британские звезды. В отношениях с прессой, по словам Брукса, «Курт был очень сообразительным», и частью его стратегии было избегать повторов. Прямолинейно исполнив сингл на передаче The World, Курт придумал другой подход к хиту. Вместо того чтобы спеть песню своим знаменитым рокерским хриплым голосом, как на альбоме, Курт исполнил ее на манер блюзмена-крунера. Меня поразило, что Курт пошел на деконструкцию собственного хита всего через два месяца после релиза. Для моих ушей его голос прозвучал похоже на Джима Моррисона из The Doors, но когда я привел эту аналогию Курту, тот озадаченно посмотрел на меня и ответил, что на самом деле подражал Моррисси, легендарному угрюмому лидер-вокалисту The Smiths, и эту дань уважения сразу же распознали молодые британские музыкальные журналисты.

Телешоу Джонатана Росса – это ближайший британский

эквивалент передачи Дэвида Леттермана, остроумной и непочтительной. Росс объявил, что группа исполнит Lithium, но в последнюю минуту (буквально) они решили сыграть Territorial Pissings, и Крист, как обычно, измученным голосом спел припев из Get Together; закончилось все тем, что Дейв опрокинул тарелки на звуковое оборудование. Озадаченный Росс ухмыльнулся на камеру и сказал:

– Надеюсь, мы не разбудили соседей. Это была группа Nirvana, они сыграли песню, которую мы на самом деле не ожидали, но они попросили меня передать вам, что рассматривают предложения по детским дням рождения и бармицвам.

Продюсеры устроили нам взбучку за то, что мы застали их врасплох, но группа понимала собственный образ намного лучше, чем кто-либо другой. Они придумали, как шокировать зрителей, при этом не прибегая к вульгарности.

В Лондоне Nirvana также сыграла вживую в студии BBC. Курт хотел в первую очередь порадовать своих поклонников-панков, поэтому отказался исполнять Smells Like Teen Spirit, уже ставшую поп-хитом в Англии. Вместо этого группа сыграла Polly, Aneurysm (вышедшую на стороне B хитового сингла) и старую песню Been a Son, которая на следующий год вышла в компиляции Incesticide.

Брукс вспоминает:

– Курт был просто парнем, который возглавлял крутейшую группу мира. Это было невероятное путешествие, и участвовать в нем было такой честью – быть там, смотреть Курту в глаза, видеть, как он реагирует. Дейв и Крист тоже были важнейшей частью этого явления. Они давали ту самую «химию». Когда они были вместе и в форме, они были невероятно веселыми, и с ними было очень приятно.

Как и в Штатах, Nevermind познакомил друг с другом фанатов панка и мейнстримового рока. На футболках большинства поклонников с британских концертов были названия панк-групп – Ramones, Mudhoney, Sonic Youth, но приходили туда и ребята в футболках с The Beatles и AC/DC.

Курт твердо намеревался воспользоваться своей новообретенной славой, чтобы поддержать инди-рокеров, которые ему нравились. Nirvana предложила Captain America, позже переименованной в Eugenius, место на разогреве на всех британских концертах, начиная с Бристоля 4 ноября. Через несколько дней Nirvana устроила фотосессию для нескольких британских изданий, и Курт надел на нее футболку с Captain America. Одна из фотографий оказалась на обложке NME в конце ноября, и шотландская группа тут же стала намного известнее. (В

2018 году, когда объявили, что NME после шестидесяти шести лет публикации перестает выходить в печатном виде, в статье New York Times использовали ту самую обложку. Энн Хоббс, автор статьи, вспоминала: «Они оста новились в обшарпанной гостинице в лондонском районе Бэйсуотер. Курт Кобейн страдал от невыносимой боли из-за язвы желудка и хотел говорить только о правах женщин».)

Барабанщик Captain America Энди Боллен вел дневник, бóльшая часть которого была позже опубликована под названием Nirvana: A Tour Diary. Курт, который и сам вел дневники, подружился с Болленом и отвечал на многие его вопросы, хотя и дразнил его, спрашивая, уж не журналист ли он под прикрытием. Боллен пишет о первой встрече с фронтменом Nirvana: «Первое, что ты замечаешь в Курте – пронзительные голубые глаза. Волосы у него покрашены перекисью в два цвета – светлые и более темные у корней. Он предпочитает самокрутки, а не сигареты с фильтром. Я ожидал увидеть дебошира и гедониста, но меня встретил спокойный эрудит».

Британские концерты, которые я видел, прошли на том же уровне, что и в Америке. Групи (поклонниц, которые сопровождают кумиров во время тура. – *Прим. ред.*) нигде не было, зато в раздевалках лежала куча панковских фанзинов. До выступления группа выглядела измотанной, но затем на сцене взрывалась.

Боллена удивило полное отсутствие суперзвездной наигранности у Курта. «[Он] много спал, а из-за его характера многие относились к нему с настороженностью.

Но когда он общался с настоящими фанатами, он был щедрым, отзывчивым, всегда понимал, насколько они нервничают, и старался облегчить их волнение. Он никогда не забывал, что, несмотря на успех группы, остается таким же, как они, – поклонником независимой, андеграундной музыки».

Иногда Юджин Келли выходил и пел бэк-вокал, когда Nirvana играла кавер на его песню Molly's Lips. Nirvana разрешала Captain America пользоваться любым их оборудованием, в том числе барабанной установкой Дейва – редкая для хедлайнера щедрость. И, что не менее важно, группа еще и делилась пивом, поставляемым промоутерами.

Боллен вспоминает парадоксальное чувство: он видел Nirvana на пике славы, который напомнил ему фантастический взлет The Beatles тридцать лет назад, но в то же время хотел защитить Курта.

Читая мемуары Боллена через двадцать лет после публикации, я узнал, что группа – или, по крайней мере, Дейв

Грол – испытывала к своей деловой команде более сложные чувства, чем мне казалось. В одной гримерке стоял бильярдный шар № 8, предсказывающий судьбу, и Дейв спросил: «Дэвид Геффен на самом деле действует в наших лучших интересах?» Ответ: «Спроси еще раз, позже». Новый вопрос: «Стоит ли нам оставаться с Дэнни Голдбергом и его Gold Mountain Management?» Ответ: «Совершенно определенно». Дейв засмеялся: «Да не может быть, ответь-ка еще раз». Ответ: «Несомненно». Не знаю, обратил ли внимание Курт на все это, но сейчас не могу не поблагодарить этот шар-предсказатель.

Эти гастроли стали точкой перелома, где повседневная жизнь Nirvana круто изменилась из-за их потрясающего успеха. Друзья из родного города рассказывали, как часто они видят клип по телевизору, и с каждым днем музыканты все сильнее ощущали, насколько же большим хитом стал Nevermind и как давит на плечи бремя новообретенной славы. Они начали чаще разбивать гитары, барабаны и усилители на сцене. А еще музыканты постоянно общались с прессой, и Курт в интервью рисовал и перерисовывал имидж группы. На сайте LiveNirvana.com есть архив из сорока трех интервью за один только ноябрь 1991 года, в которых группа говорила – обычно довольно долго – с британскими и немецкими журналистами.

Как и в недавнем американском турне, все концерты прошли с аншлагами, вокруг залов собирались сотни людей, которым билетов не досталось, ну а те фанаты, что смогли попасть внутрь, просто неистовствовали. Курт всегда останавливал концерты, если охранники агрессивно вели себя с фанатами, но общий стресс, вызванный феноменом Nevermind, все же чувствовался и достиг своего пика в бельгийском Генте, где Курт прыгнул в толпу зрителей. Вернувшись на сцену, он плюнул на людей в первом ряду – это было совсем на него не похоже.

Перечитывая интервью Курта того времени, я вспомнил, насколько внимательно он подходил к каждому из них, даже когда был совершенно измотан физически. Большинство музыкантов нарабатывают себе коллекцию ответов и повторяют их из интервью в интервью, словно роль в театре (так же поступают и авторы книг), но Курт обычно каждый раз придумывал что-то свежее и новое.

Общаясь с европейскими журналистами, Курт часто был более открытым, чем дома. В тех редких случаях, когда американские журналисты спрашивали его о названии группы, он специально отвечал расплывчато, но вот итальянскому журналисту Луке Коллапикалло он серьезно сказал: «Nirvana – это понятие в индийской религии, которое означает некое

божественное сознание». Одному немецкому репортеру он сказал, что принимал ЛСД, но нечасто, «потому что слишком много с него смеялся». Курт сдружился с французским журналистом Юри Ленкеттом, который летал в Австралию, чтобы взять у него интервью, и после этого «Курт не мог заснуть, и [они с Ленкеттом] слушали кассеты с гаражным роком шестидесятых». Поскольку Nirvana проводила в этих странах не очень много времени, любому общению с Куртом придавали огромную важность. Через много лет после его смерти другая итальянская журналистка, Лючия Спичча, писала: «Молодежь спрашивает меня о Курте, словно я сама играла в Nirvana».

Сет Nirvana на региональном фестивале отложили, чтобы местные жители смогли посмотреть финал чемпионата Европы по футболу, который выиграла сборная Дании, и Серен Руд, фотограф, нанятый местным лейблом, вспоминал:

– Курт подошел прямо ко мне, пожал руку и поздравил с победой Дании. Он даже сделал несколько замечаний по игре, которую группа явно смотрела.

Шведский тележурналист Ларс Альдман вспоминает интервью с Куртом, которое снял возле канала в Юргордене, одном из парков Стокгольма.

– Курт прятал лицо под большим капюшоном, пристегнутым к куртке, на которой была нарисована какая-то карта. В тот день он показал свою искреннюю, задумчивую сторону, но в его голосе слышались печаль и боль. После интервью у меня было замечательное чувство причастности к чему-то уникальному и потрясающему.

Курт и Кортни поженились 24 февраля 1992 года в Вайкики на Гавайях. Гостей было очень мало, ни меня, ни Силву не пригласили. Не было и Криста и его жены Шелли, с которой Кортни враждовала по причинам, которые я так никогда и не понял. Хотя по нормальным стандартам свадьба была значительным событием в жизни Курта, в то время она казалась практически формальностью, и ни Курт, ни Кортни не сказали мне о ней ни слова за все годы.

Вскоре после этого Nirvana отправилась на свои, как оказалось, единственные гастроли по Австралии, начавшиеся с «концерта на понижение» в клубе «Финисиен» в Сиднее, который тут же стал в стране легендарным. (В 2004 году австралийская редакция журнала Kerrang! поставила этот концерт на первое место в списке «выступлений, которые потрясли мир».) На следующий день Nirvana сыграла на фестивале Big Day Out перед куда более значительной аудиторией, где была хедлайнером совместно с Violent Femmes.

К первым гастролям по Австралии и Японии Курт составил миньон под названием Hormoaning, который вышел только в этих двух странах. На диске было шесть треков, в том числе кавер-версии песен The Vaselines, Wipers и Devo, которые были исполнены на радиопередаче Джона Пила на BBC, а также Aneurysm и Even in His Youth, записанная на обратной стороне сингла Smells Like Teen Spirit в Великобритании и спродюсированная Монтгомери. Hormoaning вышел на второе место в Австралии и попал в чарты и в Японии.

Мэнди Бэррон представляла в Австралии интересы многих групп с Sub Pop, а также Fugazi и Sonic Youth; MCA и промоутеры попросили ее заняться рекламой миньона и гастролей. Как и другие публицисты, она подружилась с Куртом и часами общалась с ним о панк-группах, которые нравились им обоим. Nirvana приглашала на разогрев местные инди-группы, в том числе The Meanies, Tumbleweed, Guttersnipe, The Village Idiots и The Cosmic Psychos.

Бэррон, как и Брукс, с восторгом вспоминает концерты Nirvana того периода.

– Звук был великолепный. Все было потрясающе. Нам всем казалось, что они, возможно, самая лучшая группа из всех, что когда-либо играли. Они были настолько слаженными. Я наблюдала за некоторыми австралийскими гитаристами, которые смотрели, как Курт играет левой рукой, пытались взять те же аккорды и думали: «Такое просто нельзя сделать, если не настроить гитару снизу вверх».

Тот же культурный переворот, который Nirvana совершила в течение пары лет в Европе, в Австралии занял буквально несколько недель.

– Nirvana изменила настроения мейнстримового радио и даже моду в одежде. Парни начали носить кардиганы, – со смехом вспоминает Бэррон, – а еще Курт оказал немалое влияние тем, как говорил о женщинах и как заступался за Кортни.

Кортни приехала примерно в середине гастролей; после этого Бэррон ездила с ней и Куртом, а Дейв и Крист – отдельно. Бэррон вспоминает: «Мне казалось, что не все отнеслись к этому хорошо, но Курт и Кортни были влюблены и хотели проводить больше времени друг с другом». Они в основном держались вместе, а в свободные дни Курт работал над монтажом клипа Come as You Are.

Nirvana сыграла один концерт в Новой Зеландии, а потом поехала в Японию. Там их встретил Каз.

– В те дни большинство американских и европейских групп ехали в Японию, только уже став суперзвездами, потому что

Интернета тогда не было, и статьи о новых группах в японских журналах появлялись лишь спустя много месяцев. Nirvana поехала на очень раннем этапе карьеры, но у них уже были поклонники – отчасти потому, что Smells Like Teen Spirit стала хитом даже в Японии, – вспоминает он. Еще Nirvana была известна многим японским фанатам панк-рока, потому что Shonen Knife, японское женское трио, открывавшее концерты Nirvana и Captain America в Европе, по возвращении домой в восторженных тонах рассказывали о Nirvana местной прессе.

У Каза остались приятные воспоминания о встрече с Куртом в Осаке:

– Его очень интересовала японская поп-культура, особенно игры и анимация. Мы ходили в большие магазины и покупали там разные вещи. Его интересовала японская школьная форма старшеклассников и японские пижамы, в которых он выходил на сцену на японских концертах.

Кортни в Австралии общалась с прессой по поводу Hole, так что задержалась там на несколько дней после отъезда Курта. Каз вспоминает:

– В гостинице он все пытался дозвониться до Кортни, чтобы узнать, когда она приедет в Японию. Мы отправились в Токио на скоростном поезде и приехали как раз вовремя, чтобы я успел забрать ее из аэропорта, а Курт поехал на саундчек. Я довез ее до зала, вмещавшего около тысячи человек, – все билеты были раскуплены. После приезда Кортни они были неразлучны. Они либо оставались в своем гостиничном номере, либо ходили вместе по ресторанам. Между саундчеком и концертом они ходили в залы игровых автоматов. Курта очень интересовали игры – они заметно отличались от американских.

Благодаря концертам, по словам Каза, группе «удалось завоевать сердца многих японских детишек».

В течение многих лет Франция была самым трудным иностранным рынком для американских рок-групп, так что я испытал немалое облегчение, увидев, как хорошо принимают Nirvana на фестивале Trans Musicales в Ренне. Курт и Кортни весь день провели вместе, так что общением с прессой занимались Крист и Дейв. Дуду, молодой промоутер, был в экстазе. В течение большей части концерта я стоял рядом с Жераром Друо, мейнстримовым французским концертным промоутером из моего поколения, который скептически относился к большинству панк-артистов. Он вспоминает, что смотрел выступление возле самой сцены, недалеко от ограждений, и его очень впечатлило, что такая громкая и мощная группа играет песни с такими запоминающимися мелодиями («как у Леннона и Маккартни»).

Друо организовывал все остальные концерты Nirvana во Франции.

Некоторые люди сейчас говорят, что уже во время французских гастролей ходили слухи, что Курт принимает героин, – возможно, слухи появились еще и потому, что он пропустил пару саундчеков. Дурь тогда было достать довольно легко, так что, оглядываясь назад, я подозреваю, что слухи о Курте были правдивы, но по-настоящему с этой проблемой я столкнулся лишь через несколько недель.

Глава восьмая
Героин

В начале января 1992 года, когда я с Розмари и нашей полуторагодовалой дочкой Кэти ненадолго уехал в отпуск на острова Карибского бассейна, Силва позвонил мне и сказал, что Nevermind вышел на первое место в чарте альбомов Billboard. Еще более потрясающим для меня стал совсем уж сюрреалистичный факт: он сместил с первого места альбом Майкла Джексона Dangerous. Nirvana пригласили поучаствовать в программе Saturday Night Live 11 января – еще одно замечательное событие для панк-группы. (The Clash выступали на шоу в 1982 году, но ни одна американская панк-группа, на которые ориентировалась Nirvana, такого шанса не получила.) К сожалению, эйфория, которую я почувствовал благодаря этим успехам, оказалась преходящей.

Мы с семьей прилетели в Нью-Йорк незадолго до эфира SNL, и меня поприветствовали две присланные по факсу статьи, в которых явно намекалось, что Курт и Кортни принимают героин. Статья Джерри Маккалли для Bay Area Music (BAM) основывалась на интервью, которое Курт дал ему несколькими неделями ранее, когда «Нирвана» выступила в лос-анджелесском «Мемориал Спортс Арена» на концерте, где хедлайнерами были Red Hot Chili Peppers. (Шоу открывали Pearl Jam, которых через несколько месяцев ждал коммерческий прорыв.)

Перед выходом Nevermind мы договорились, чтобы Nirvana выступила специальными гостями на полудюжине подобных шоу. В то время гонорар в 10 000 долларов за ночь имел немалое значение для группы, и в нормальных условиях это был один из главных способов развития карьеры любого исполнителя – играть перед аудиторией более успешных коллег. Поскольку Nirvana пережила настолько взрывной рост популярности, мы пожалели об этом решении, но обязательства выполнять пришлось.

Я был на этом концерте в Лос-Анджелесе, но со мной была Кэти, так что я ушел вскоре после выступления, лишь недолго поговорив с группой по окончании шоу. Мне не показалось, что Курт был под кайфом – он просто выглядел немного усталым, как обычно после концерта. Уходя, я столкнулся с Бобом Мерлисом, главой отдела рекламы Warner Bros. Records, который был за кулисами со своим тринадцатилетним сыном Беном, фанатичным поклонником панка.

Бен, которому сейчас уже под сорок, отлично помнит

знакомство со своим кумиром рядом с гримеркой Nirvana.

– У Курта были крашеные фиолетовые волосы, одет он был в черно-белое платье, как у Алисы в Стране чудес. В какой-то момент я сказал: «Ты должен возродить панк». Он посмотрел прямо на меня своими холодными голубыми глазами и сказал: «Нет. Это ты должен возродить панк». Он ушел, а потом вернулся с черной футболкой Nirvana с длинными рукавами. Он сказал: «Хочу, чтобы у тебя была такая футболка. Она не продается. Такие есть только у группы и техников». Я был в восторге! Мне тринадцать лет, и певец самой крутой группы в мире подарил мне футболку, которую нельзя купить.

Судя по всему, Курт принял наркотики уже после этого. Тогда он мне этого не рассказал, но Терстон видел Курта за кулисами позже тем же вечером, и увиденное его обеспокоило.

– Мне казалось, что тогда вообще все за кулисами удолбались. Эдди Ван Хален вернулся, а Кортни орала на какую-то девчонку, отстригшую локон волос Курта, что та – ведьма. Я подумал: «Боже, вот такого я еще не видывал».

Маккалли, репортер BAM, пришел вскоре после этого, и то, как он описал Курта, стало серьезным сигналом тревоги для всех, кто был связан с Nirvana. «Он иногда засыпает. Мне он сказал, что спал всего час, но зрачки с игольное ушко, ввалившиеся щеки и покрытая болячками, землистого цвета кожа намекают на что-то более серьезное, чем усталость». Другая вырезка была из журнала Hits, и в ней присутствовала строчка «Курт слэмится с мистером Браунстоуном» – это жаргонное название героина.

Эйфорию сменил страх. Среди нас вдруг оказался смертельно опасный зверь. Мы знали, что с этим нужно как можно скорее что-то делать, но для начала надо было пережить следующие несколько дней.

За кулисами SNL Ким и Терстон сидели в комнате, отведенной для гостей исполнителей. Терстон вспоминает:

– Кортни очень хотела говорить, говорить, говорить, говорить, а вот Курт с нами не общался. Я немного расстроился. Ну, я такой: «Где Курт? Почему он не вышел с нами потусить?» Потом Курт просунул голову в дверь и тревожно сказал Кортни: «Ты мне нужна». Она подскочила, и я подумал: «Я знаю, что это за кодовые слова. Они собираются ширяться». Настроение окончательно испортилось.

Тем не менее Курт демонстрировал поразительную стойкость. Он мог совершенно выпасть из реальности, а в следующую минуту уже быть полностью сосредоточенным. Вскоре Джанет провела Ким и Терстона в раздевалку Nirvana вместе с Эми Финнерти с MTV. Терстон сказал Курту: «Ты должен

поблагодарить Эми», и Курт спросил, о чем он вообще. Тот объяснил, что девушка поставила на кон свою редакторскую работу, чтобы продвинуть в эфир Smells Like Teen Spirit. Курт, словно его не интересовало вообще больше ничего в мире, попросил всех, кроме Финнерти, выйти на минутку, чтобы поговорить с ней лично. Он даже не представлял, что его молодая подруга реально влияет на составление программ MTV.

– Он в шутку сказал, что думал, что я там отвечаю только за развешивание бумажек на доске объявлений, а потом поблагодарил меня. Он был таким милым.

На той неделе ведущим SNL был Роб Морроу. Джанет была «охрененно возбуждена» из-за того, что Nirvana пригласили на SNL, и говорит, что группа тоже очень волновалась, но передо мной они изображали спокойствие. После репетиции состоялась жаркая дискуссия на тему, какие именно футболки надевать. Они по-прежнему хотели воспользоваться своей новообретенной популярностью, чтобы раскручивать намного менее известные группы. Курт надел сделанную вручную футболку Flipper, у Криста была L7, а у Дейва – The Melvins.

Пока я бродил по большому комплексу комнат, которые NBC выделила для съемок Satudray Night Live, одна из постоянных участниц программы, Виктория Джексон, спросила, работаю ли я с группой, а потом объяснила, что дружит со Странным Элом Янковичем, и тот хотел бы поговорить с Куртом по поводу пародии на Smells Like Teen Spirit. (Поскольку Странный Эл менял тексты песен, для создания пародии требовалось согласие автора оригинала.) Курт сказал мне, что не против. Джексон позвонила Странному Элу, и я позвал к телефону Курта. Тот послушал, кивнул и сказал: «Звучит отлично, Эл».

Через несколько месяцев мы получили предварительные записи клипа Smells Like Nirvana, и, когда Курт со мной после этого пару дней не разговаривал, я даже забеспокоился, не злится ли он на меня за эту посредническую роль. Я поначалу считал, что встать в ряд суперзвезд, которых высмеивал Странный Эл, будет большой честью, но беспокоился, как Курт отреагирует, увидев карикатуру на себя по MTV, к тому же меня немного нервировала комичная завязка, в которой смеялись над фанатами Nirvana. Наконец я сам спросил Курта, что он думает о клипе, и, к моему облегчению, он ответил: «Да я ржал как не знаю кто», – и добавил, что это знак подлинного признания. Впрочем, через несколько месяцев, когда альбом Странного Эла вышел в сопровождении рекламного снимка, где он голый плывет под водой в погоне за пончиком на крючке, Курт сказал журналисту Flipside, что, по его мнению, Странный Эл воспользовался

Nirvana, чтобы разрекламировать себя куда больше, чем он рассчитывал. Впрочем, что характерно для Курта, мне он за это никогда ничего не предъявлял.

Группа, хорошо сыгранная после нескольких месяцев гастролей, отлично исполнила Smells Like Teen Spirit и Territorial Pissings на SNL. Образ Курта на том выступлении, с длинными волосами, выкрашенными в красный, одетого в синий кардиган поверх футболки Flipper и рваные джинсы, стал одним из самых культовых в его карьере. Во время титров группа сделала еще одно социальное заявление. Курт и Крист поцеловались в губы и потом с радостью рассказывали всем, что это был жест презрения в адрес абердинских гомофобов, которых приходилось терпеть в подростковом возрасте.

Моя радость от успешного выступления долго не продлилась. Мама Курта, Венди, специально прилетела на съемки и была очень взволнованна – она еще никогда не встречалась с яркими огнями шоу-бизнеса. Курт, похоже, после съемок был под кайфом, потому что с трудом держал глаза открытыми и никак не мог дождаться, когда же их с Кортни отпустят в гостиницу. У меня отпали последние сомнения в том, насколько серьезны его проблемы с героином.

– Ты не хочешь пойти на вечеринку, Курт? – жалобно спросила его мама. (На вечеринках SNL после съемок всегда собиралось очень много звезд.) Курт мрачно ответил:

– Нет, просто уходи, мам. На следующий день я позвонил менеджеру Aerosmith Тиму Коллинзу и попросил совета. Коллинз сам был трезвенником и сумел успешно провести двух музыкантов через программу «Двенадцать шагов», после чего способствовал потрясающему возрождению карьеры Aerosmith. Он дал мне контакты врача по имени Боб Тимминс, который помог нескольким музыкантам избавиться от зависимости, и мы запланировали устроить интервенцию в Лос-Анджелесе, когда Курт и Кортни вернутся.

Через два дня после SNL группа пришла на студию MTV в Нью-Йорке, чтобы записать живые версии нескольких песен. За четыре месяца, прошедших после премьеры клипа Smells Like Teen Spirit, Nirvana превратилась в одну из главнейших звезд канала. MTV очень настойчиво просили группу приехать в студию, чтобы дать им больше видеоконтента, и Курт не хотел им отказывать.

Сразу после исполнения девяти песен с Nevermind один из монтажеров MTV показал Курту несколько разных ракурсов. Курт явно снова был под кайфом, и я в ужасе стал считать дни до возвращения на Западное побережье. Курт сидел на диване перед телевизионным монитором, в буквальном смысле засыпая, но в

нужные моменты он поднимал голову и давал четкие указания, когда показать барабанщика, когда – крупным планом его пение, когда – долгий кадр и так далее, и монтажер согласился со всеми его предложениями. Меня очень пугало и удручало состояние Курта, но в то же время поражало, насколько точные и умные решения он принимал и как замечательно выступил. Джанет вспоминает то же самое: «Он был так замкнут».

Мне в этом смысле повезло в жизни: когда в юности я несколько раз пробовал колоться героином, мне не понравился эффект. Если бы он понравился, то я бы точно стал наркоманом, потому что на том этапе жизни считал употребление наркотиков своеобразным заявлением обществу. Самый лучший, опьяняющий кайф, который прогонял прочь все проблемы, давал мне кристаллический метамфетамин, но после того, как я провел пять дней в подростковой воспитательной колонии графства Аламеда незадолго до восемнадцатилетия, то стал, как говорят, убежденным трезвенником. Я больше никогда не хотел попасть в такое положение и после этого еще много лет не употреблял никаких наркотиков и даже не пил.

В начале восьмидесятых знаменитый голливудский клуб «Whisky a Go Go» называл напитки в честь различных рок-н-ролльных персон; был у них в меню и «Дэнни Голдберг»: «Минеральная вода и лайм – идеальный бизнес-образ для трезвенников». Я сам, впрочем, никогда не считал свою трезвенность добродетелью. Это просто везение, что химия моего мозга не сделала меня наркоманом или алкоголиком.

За годы мне довелось немало общаться с людьми, многие из которых – артисты, кому не так повезло, как мне. Они шли по нисходящей спирали саморазрушения – одни употребляли героин, другие – кокаин, третьи – спивались, еще кто-то пользовался различными сочетаниями. Многие из них, в том числе и мои близкие друзья, смогли преобразить жизнь с помощью программы «Двенадцать шагов», которую проходили в «Анонимных алкоголиках» или «Анонимных наркоманах». К сожалению, несмотря на многочисленные попытки многих друзей и сотрудников направить его на этот путь, Курт так и не согласился, что он ему подходит.

Когда я пишу эти строки, в новостях появляется множество заголовков о новом «опиоидном кризисе», но в мире искусства, особенно музыки, героиновый кризис существовал столько, сколько помнит любой из тех, кто еще жив. Существует несколько теорий, объясняющих, почему столь многие артисты употребляют наркотики. Один из факторов заключается в том, что профессиональная жизнь исполнителя по большей части

проходит поздно вечером в клубах и концертных залах, где нет никакого «босса» – начальника в общепринятом смысле слова. Музыканту на гастролях приходится терпеть долгие, скучные переезды и спать когда придется, а еще по эмоциям сильно бьют перепады между эйфорией от хорошего концерта и ненавистью к себе от плохого, между восхищением аплодирующей толпы и одиноким гостиничным номером. Есть еще и другая теория: чувствительность, которая способствует творческим способностям, каким-то образом связана с теми аспектами мозга, которые вызывают стремление принимать обезболивающее в больших количествах.

Впрочем, какими бы ни были причины, история совершенно недвусмысленна. Билли Холидэй, Чет Бейкер, Хэнк Уильямс, Джон Колтрейн, Чарли Паркер, Джими Хендрикс, Дженис Джоплин, Грегг Оллмен, Джерри Гарсия, Эрик Клэптон и Кит Ричардс – вот лишь очень малая часть списка великих музыкантов, которые принимали героин. В песне Velvet Underground, которая так и называлась – Heroin, Лу Рид попытался описать поведение наркомана, ищущего дозу: «Я принял… серьезное решение – аннулировать свою жизнь…» Нил Янг, размышляя о смерти друга в The Needle and the Damage Done, сетовал: «Любой наркоман похож на заходящее солнце».

Кто-то говорит, что все дело в погоде и коротком световом дне, не знаю, правда это или нет, но в Сиэтле проблемы с героином были почему-то особенно тяжелыми. В марте 1990 года, когда карьера Nirvana начала расцветать после выхода Bleach, Эндрю Вуд, вокалист местной группы Mother Love Bone, в которой также играли будущие музыканты Pearl Jam Стоун Госсард и Джефф Амент, умер от передозировки.

У Курта был еще один повод, или, если угодно, отговорка, – хронические мучительные боли в желудке, которые врачи не могли ни унять, ни диагностировать. С первых же дней нашей работы с Nirvana Курт периодически жаловался на них. Джанет вспоминает:

– Мы просили многих врачей осмотреть его, но никто не смог поставить диагноз. Это точно была не язва.

Очень соблазнительно было списать все на психосоматику, но для Курта боль была вполне реальной, а героин на время от нее избавлял.

Крист вспоминал, что приступы у Курта бывали еще задолго до того, как группа стала известной; он считает, что с этим как-то связана его диета, в основном состоявшая из «комфортной еды» вроде дешевых бурритос и макарон с сыром.

– Однажды у него ужасно болел желудок. Его тошнило, но

желудок был пустой, так что выходил один воздух. Я был с ним, потому что не хотел оставлять его одного. А потом ему стало лучше, и мы пошли есть в «Севен-Элевен» – далеко не лучшее место для еды. Он заказал рожок мороженого. Я ему: «На хрена ты ешь это мороженое? Неудивительно, что ты болен».

Крист даже сейчас негодующе качает головой, вспоминая ту историю.

– Я разозлился на него, а он разозлился на меня за то, что я ему это сказал.

Ассистент Силвы Питер Раух рассказал похожую историю. В середине 1991 года он отвез Курта в госпиталь «Сидарс-Синай», чтобы сделать интубацию трахеи и посмотреть, что же вызывает эту боль. Процедура была инвазивной и выполнялась под общей анестезией, то есть Курту в тот день нельзя было есть. После этого, на выезде из госпиталя, Курт попросил Рауха остановиться у ближайшего IHOP.

– Я глазам не поверил, увидев, сколько сиропа он выливает на свои блинчики.

И Курт, и Кортни ранее принимали героин, но на уровень увлеченности этим наркотиком очень сильно повлиял успех Nevermind. После того как артист получает хотя бы малую долю такой славы и коммерческого успеха, он чувствует себя более свободно, зная, что всегда сможет достать наличные деньги. В результате на «орбите» вокруг звезд постоянно вращаются дилеры, стараясь попасть к ним в доверие. Я видел немало таких доходяг, крутившихся вокруг Led Zeppelin, когда работал с ними в середине семидесятых, и от одного их вида меня тошнило. Я давно считаю, что один из самых худших аспектов действия героина – омертвляющий эффект, который он оказывает на душевное состояние. Призрак смерти всегда где-то поблизости.

Через несколько дней после съемок на MTV, когда Курт и Кортни вернулись в Лос-Анджелес, мы устроили интервенцию в медицинский центр «Сидарс-Синай». Кортни только что узнала, что беременна, и поводом для визита в госпиталь стала консультация акушера. Внутри их встретил я, Розмари, Джанет, Силва, Герш и Эрик, а также Боб Тимминс и доктор Майкл Горовиц, специализировавшийся на химической зависимости. У Тимминса были длинные волосы, и он носил куртку с обрезанными рукавами, демонстрируя несколько татуировок. Мы болтали в ожидании приезда Курта и Кортни, и специалист тут же назвал несколько имен знаменитых рок-музыкантов, которым «помог»; эта неосторожность вызвала у меня нехорошее предчувствие.

Когда приехали Курт и Кортни, мы все стали упрашивать их

отказаться от наркотиков. Разговор быстро перешел к теме беременности Кортни, и Горовиц сказал, что, если она хочет всерьез избавиться от наркотической зависимости, рожать ей не надо.

– Вы хотите сказать, что я должна сделать аборт? – недоверчиво спросила Кортни.

Прежде чем Горовиц успел ответить, Тимминс отвел Герша и меня в сторону, подошел к лифту и паническим тоном сказал:

– Я никогда не имел дела с подобной ситуацией – муж и беременная жена. Пожалуй, пойду я отсюда.

Приехал лифт, Тимминс вошел в него, и двери закрылись. Вот вам и «специалист». Позже у Тимминса хватило наглости отправить нам счет на 600 долларов за «оказанные профессиональные услуги». Мы игнорировали его последующие требования оплатить этот «долг», но через полтора года, в октябре 1993-го, все-таки заплатили, чтобы избежать драмы в прессе.

Мы с Гершем шокированно переглянулись и пошли назад к группе, где Кортни все еще орала на Горовица, пытаясь понять: это его личное мнение как врача, или оно основано на каких-то медицинских фактах?

– Покажите мне хоть одну медицинскую книгу, где говорится, что я не смогу родить здорового ребенка! – кричала она. Я отчаянно надеялся, что Курт и Кортни серьезно отнесутся к отказу от наркотиков, и при этом очень гордился, что она не сразу поверила на слово «эксперту», который, в конце концов, специализировался на вредных привычках, а не на акушерстве.

Розмари посоветовала Кортни проконсультироваться с доктором Полом Крейном, который принимал у нее роды в этом самом госпитале. Крейн не только был отличным врачом: у него оказался очень заботливый характер, и Курт с Кортни сразу доверились ему. Крейн сказал, что раз беременность еще на таком раннем сроке, то если Кортни немедленно перестанет принимать героин и заменит его строго контролируемыми инъекциями метадона или бупренорфина, то ребенка можно будет сразу отлучить от груди после рождения, и с ним все будет в порядке. Крейн согласился на этих условиях (включавших в себя регулярные анализы на наркотики в кабинете) вести ее беременность. После этого Курт и Кортни легли на реабилитацию.

Тимминс от работы отказался, так что я позвонил Бадди Арнольду, с которым был шапочно знаком и именем которого готовы были клясться многие мои друзья, прошедшие программу «Двенадцать шагов». Арнольду, который и выглядел, и говорил,

как один из моих еврейских дядюшек, было тогда шестьдесят шесть лет. Лет в двадцать пять, играя на саксофоне в джазовом оркестре Гленна Миллера, по его словам, он «принял сознательное решение стать наркоманом» и сидел на наркотиках десятилетиями. Прежде чем Бадди стал трезвенником в восьмидесятых, у него было тридцать четыре ареста, связанных с наркотиками.

Через несколько лет трезвости Бадди решил посвятить оставшуюся жизнь помощи другим музыкантам. Колоритное прошлое помогало ему добиться доверия у артистов. В 1991 году он открыл Musicians' Assistance Program (MAP), и эта небольшая инфраструктура позволила Бадди помогать уже большему числу людей. Несмотря на то что он был на несколько поколений старше Курта, Бадди заметно отличался от «обычных» авторитетных фигур. Он никогда не хвастался знакомствами, имел милый характер и не был претенциозным, что очень понравилось Курту.

В статье 1999 года в Los Angeles Times Бадди изложил свою версию истории:

«Один менеджер из музыкальной индустрии позвонил ему в 1992 году и сказал, что срочно нужно организовать чистку Курту Кобейну. Арнольд не знал ни Кобейна, ни его музыки, но договорился о госпитализации на следующий же день в ныне не действующую больницу на углу Баррингтонстрит и Олимпик-стрит в западной части Лос-Анджелеса. Он познакомился с Кобейном и описал его в дневнике как «тихого, вежливого, физически измученного молодого человека», который оказался куда наивнее, чем Арнольд ожидал от знаменитого рок-кумира. Кобейн спросил Арнольда, как он перестал принимать наркотики и каково это – «не принимать больше ничего, никогда». Затем он признался, что они со своей женой Кортни Лав ждут первенца. «Отец не должен быть наркоманом, верно?» – спросил он у Арнольда тоном ребенка.

Курта очень радовали рассказы Арнольда о легендах джаза и его старомодный еврейский юмор. Однажды Курт сказал мне: «Знаешь, ты очень хамиш» (на идише это означает «уютный»), а потом расхохотался и объяснил, что это Бадди его подговорил так сказать.

После того как Курт пожаловался на боль в желудке, Арнольд посоветовал ему врача по имени Роберт Фремонт, у которого был большой опыт работы с людьми, пытающимися отказаться от сильнодействующих наркотиков. Фремонт был здоровенным широкогрудым мужиком с короткими седыми волосами, которому было вроде лет под шестьдесят. Курту он тоже сразу

понравился. «Он очень участливый человек», – с энтузиазмом рассказывал мне Курт после первой встречи с Фремонтом. Уже то, что я слышал в его голосе оптимизм, а не отчаяние, очень многое для меня значило. Доктор прописал Курту курс уколов, и в следующие несколько месяцев тот вообще не упоминал о боли в желудке.

Фремонт не относился к артистам вроде Курта и Кортни с такой же сентиментальностью, как Бадди, и однажды очень раздраженно пожаловался мне: «Они мешуге (в пер. с идиша «сумасшедший»). Слава богу, что они не евреи». Мне поначалу казалось, что Фремонт делал Курту инъекции витамина B_{12}, но Фремонт настаивал, что уколы – просто «плацебо», и Курт чувствовал себя лучше потому, что думал, что ему колют лекарство. Сейчас я понимаю, что врач, скорее всего, мне врал. Чарльз Кросс, автор тщательно проработанной биографии Кобейна Heavier Than Heaven, писал, что это были уколы бупренорфина.

Остаток года, пока Фремонт его лечил, Курт почти все время выглядел счастливым и уравновешенным. В начале 1993 года Фремонт умер якобы от сердечного приступа, хотя были слухи и о передозировке. Кортни сказала мне, что Курт плакал, когда узнал эту новость.

После смерти доктора Фремонта Курт начал экспериментировать с различными антидепрессантами, которые ему прописывали другие врачи. Однажды я рассказал ему, что, когда вижу слова на уличных вывесках, начинаю компульсивно подсчитывать количество букв, а если на вывеске больше одного слова, то переумножаю получившиеся числа. Курт сказал, что у него тоже были похожие навязчивые желания, а потом начал расписывать мне достоинства клоназепама, противотревожного препарата, которым лечился. Я его ни разу не пробовал, да и не увидел никаких свидетельств того, что клоназепам или какие-то другие лекарства помогали Курту лучше, чем курс лечения от доктора Фремонта.

Едва закончив реабилитацию, Курт стал в интервью преуменьшать степень своего знакомства с наркотиками. Он признавал, что ему доводилось принимать героин, но говорил, что полностью завязал и что употребление наркотиков – это глупо. Конечно, ложь об употреблении – это характерная черта многих наркоманов.

Марк Кейтс размышляет: «Мне кажется, Курту очень не нравилось, что молодежь может подумать, что ширяться героином – это круто, раз так делает Курт». Раух тоже вспоминает разговор с ним по дороге в госпиталь на гастроскопию. Курт

читал свежий NME и увидел там интервью Криста, в котором басист высказался за легализацию марихуаны.

– Курт повернулся ко мне и сказал, что считает, что Кристу нельзя так говорить в прессе, потому что эти журналы читают дети.

Рауха позабавило это кажущееся противоречие, но подобное четкое разделение всегда было характерно для Курта. Неважно, что́ происходило в его жизни: какая-то часть его разума всегда думала, какой именно образ себя он хочет спроецировать в мир.

Глава девятая
Будь осторожнее в желаниях

На публике Курт настаивал, что прорыв Nevermind стал для него таким же сюрпризом, как и для всех остальных. Однако, хотя некоторые побочные следствия славы действительно сбивали его с толку (как-то он сказал, что с удовольствием бы прошел курс «Основы работы рок-звездой», если бы такой существовал), мне часто казалось, что Курт спланировал несколько следующих ходов Nirvana с такой же тщательностью, как репетировал музыку. Пока «личная» сторона Курта разбиралась с физической и эмоциональной задачей отказа от наркотиков (это было нелегко), а также с беременностью Кортни (ею он был искренне взволнован), его артистическая сторона продолжала беспрестанно думать о его роли и в панк-роковой культуре, и в той огромной картине, которая так быстро появилась после выхода Nevermind. Он был твердо намерен пройти по границе между панковской и мейнстримовой культурами, причем так, как никто раньше не делал.

На каком-то уровне ошеломлены оказались все трое ребят из группы. Дейв говорил, что у него были панические атаки, а Крист – еще и благодаря своему двухметровому росту – стал самым заметным на публике. По его словам, вскоре после премьеры Smells Like Teen Spirit на MTV «меня начали узнавать везде, куда бы я ни ходил. Мне начало сниться, что я голый при всех, – классические тревожные сны». Крист признался, что очень радовался, когда Том Хэмилтон, коллега из Aerosmith, похвалил его басовые партии, но вскоре после того, как внезапно стал звездой, рассказывал испанскому журналисту Рафе Сервере: «У нас стресс, мы все очень тревожимся. Мы просто парни из рабочего класса и не собираемся внезапно полюбить всех людей, которые игнорировали нас раньше. Да ну на хрен. Мы не станем долбанутыми материалистами». Сейчас Крист вспоминает:

– Мы пришли из контркультуры. Мы получали нашу музыку не из мейнстримовой прессы, а из фанзинов. Мы чувствовали себя аутсайдерами и вдруг превратились в группу номер один в мире.

Nirvana, по словам Криста, намеревалась «показать, что не продалась, а возглавила революцию».

Роль Курта в группе привлекла к нему еще и дополнительное внимание, вспоминает Крист: «Он был у нас главным, вокалистом и автором песен». Некоторые мейн-стримовые издания стали продвигать абсурдную, но предсказуемую идею, что Курт – некий

«глашатай своего поколения». Даже среди тех фанатов, которые отмахивались от подобных клише, многие искали в нем нечто большее, чем музыку. Подобное давление казалось таким же диким для Курта, каким оно было для Дилана, Леннона или Боуи. Иногда Курту очень не нравилось, когда его узнавали на публике, так что он начинал носить очки без диоптрий или еще каким-то образом менял внешность.

Монтгомери напомнил мне:

– Любой артист хочет быть свободным, а успех этому мешает. Несмотря на то что Geffen Records и Gold Mountain делали все, чтобы дать группе полный контроль над карьерой и сохранить эту атмосферу свободы, они не могли никак повлиять на то давление, которое группа навлекала на себя, когда от нее что-то хотели MTV или Rolling Stone.

Впрочем, во многих важных отношениях слава никак не изменила Курта. Он никогда не тусовался с кинозвездами или другими знаменитостями. Он не стал иначе одеваться, у него не появилось новых дорогих привычек (не считая наркотиков, когда он все же к ним вернулся). Даже на последующих гастролях, когда группа могла позволить себе более качественное ресторанное обслуживание, по словам Криста, «это было для Курта слишком пафосно. Ему нравились макароны с сыром или бутерброды с болонской колбасой».

Еще Крист напомнил мне, насколько противоречивым мог быть Курт в своем отношении к успеху. «Когда мы еще только выбирали лейбл, то встретились с главой Columbia Records, Донни Йеннером». У Йеннера была выдающаяся карьера, но раньше он работал в рекламном отделе поп-радио, а его напряженный, напористый характер был воплощением мейнстримового музыкального бизнеса.

Тем не менее Курт был заинтригован и сказал ему: «Мы хотим стать самой крутой группой в мире, мы хотим, чтобы вы скупили рекламные щиты и поместили на них наше имя», и он не шутил. А потом Крист засмеялся и, не без ноток сарказма в голосе, добавил:

– А потом мы стали самой крутой группой в мире, и он такой: «Не, мне это не надо».

Роль, которую я играл в карьере Курта, требовала от меня общения с той его гранью, которой «это» было надо. Однажды днем он позвонил мне и тревожным тоном спросил:

– Я смотрел MTV, и они поставили клипы Pearl Jam три раза, а наши – только один. На нас что, кто-то разозлился?

После взрывного успеха Nevermind Курт часто говорил, что не обращает внимания на места в чартах или цифры продаж. Однако

в конце 1991 года, когда австралийский журналист Робин Дорейан в телефонном интервью спросил его: «Что вы думаете по поводу того, что в одних только Соединенных Штатах было продано шестьсот тысяч экземпляров альбома Nevermind?» – Курт тут же поправил: «М-м-м. В Америке мы продали миллион четыреста тысяч».

После выхода альбома нужно было решить, какую песню выпускать на сингле после Smells Like Teen Spirit. Силва, Герш, группа и я собрались в закусочной Jerry's Deli в Ван-Найзе, чтобы обсудить этот вопрос. Мы всегда считали, что припев и мелодия Come As You Are как раз хорошо подойдут для поп-радио, но Курта беспокоило, что гитарный рифф слишком похож на песню Eighties группы Killing Joke. Недолго подумав, не поставить ли вторым синглом In Bloom (мелодия припева очень хорошо мне запомнилась), мы все-таки решили придерживаться изначальной идеи. Я сказал Курту, что не могу себе представить, что Killing Joke подадут в суд на Nirvana за плагиат, и, к счастью, я был прав. (В 2003 году Дейв Грол записал барабаны для нового альбома Killing Joke – возможно, в качестве жеста благодарности.)

После того как следующий сингл выбрали, Курт все оставшееся время обеда пытался убедить Герша подписать контракт с Mudhoney. «Они лучшая группа Сиэтла», – настаивал Курт. Герш возражал: «У них нет хитовых песен». Курт просто с ума сходил из-за того, что у группы, которой он восхищался, нет контракта с большим лейблом, но вскоре после этого Warner Bros. подписали Mudhoney, так что, по крайней мере из-за этого, Курту больше беспокоиться не приходилось.

Курт всегда думал обо всех аспектах презентации группы. Пока мы ели, он рисовал что-то на салфетке, а потом протянул ее мне со словами: «Это дизайн следующей футболки». Для оформления обложки сингла Come as You Are Курт сказал арт-директору Geffen Роберту Фишеру использовать «что-нибудь с микроскопическими изображениями и фиолетовым цветом», после чего предоставил ему полную свободу. А вот процесс работы над клипом Курт контролировал куда тщательнее. Из-за конфликта по поводу монтажа Smells Like Teen Spirit он не хотел снова работать с Сэмом Байером, так что выбрал Кевина Керслейка, который снял несколько клипов Sonic Youth. (Кортни тоже рекомендовала его – у нее был положительный опыт работы с Керслейком над клипом Garbadge Man с дебютного альбома Hole.)

Когда снимали Smells Like Teen Spirit, Nirvana была новой группой. Теперь же они были суперзвездами, так что и ожидания, и доступный бюджет стали намного выше. Робин Слоан дала

Курту карт-бланш.

– Все клипы были идеями Курта, – рассказывала она, – а потом он уже прорабатывал подробности с режиссерами.

Курт не хотел снимать еще один «сюжетный» клип. Ему представлялось что-то намного более импрессионистское, с фиолетовым и синим цветами в кадре. Первый кадр клипа – пистолет, парящий в космосе.

Те места, где показывали собственно группу, Курт хотел сделать комментарием к новой суперзвездной реальности, поэтому настоял, чтобы их лица размыли, сняв группу через струю воды. Мне казалось, что лицо Курта, которое в клипе то показывалось четко, то размывалось, стало еще и метафорой его характера. Иногда я чувствовал такую близость к нему, словно он был моим братом, а иногда он словно удалялся в другую галактику, и я едва понимал его.

Впрочем, не все визуальные образы были абстрактными. Курт сделал некоторые изображения достаточно четкими, чтобы фанаты увидели футболку Flipper, которую он впервые надел в эфире SNL. Come as You Are эстетически сильно контрастировал с более линейным клипом Smells Like Teen Spirit, но при этом сохранил коммерческую жилку. На случай, если зритель MTV слишком обдолбан или глуп, чтобы понять, что играет Nirvana, в клипе воссоздали кадр с младенцем, который плывет под водой и тянется за долларовой купюрой на крючке.

Примерно в это же время Курт и Кортни переехали в квартиру на Сполдинг-авеню. Мне это жилье больше всего запомнилось тем, сколько же картин и рисунков сделал Курт в первые несколько недель. Он постоянно что-то рисовал. Эрик жил в Сиэтле и каждую неделю летал к ним. Он вспоминает:

– Если все выходило из-под контроля, Кортни просила меня приехать. Они жили, словно в маленькой пещере. Курт пугался, когда его узнавали на прогулках по Голливуду, так что просил меня сопровождать его во время походов по магазинам.

Когда они ездили в автомобиле, Курт всегда напоминал Эрику пристегнуть ремень.

– В этом плане он был очень консервативен, – говорит Эрик. – Он хотел обеспечить себе максимальную безопасность, и мне казалось это весьма забавным, учитывая, что на концертах он прыгал с балконов в толпу зрителей.

Его опасения за безопасность лишь усилились 29 апреля 1992 года, когда лос-анджелесских полицейских, которых засняли на пленку при избиении Родни Кинга, оправдали в суде. Днем начались бунты, и Эрик вспоминает:

– Мы с Куртом объехали несколько магазинов, потому что он

хотел запастись едой на случай, если город перекроют. Полки уже пустели, но мы смогли найти сигареты, воду и суп. На Мелроуз-авеню, совсем недалеко от квартиры Курта и Кортни, уже начались грабежи. Курт был в ужасе. Я остался с ними, и мы до середины ночи смотрели CNN и видели, как горят здания.

Несмотря на все эти события, Курт никогда не забывал о своей артистической миссии. Хотя он часто жаловался, что журнал Rolling Stone почти полностью игнорирует панк-культуру, он всегда его читал. «Он считал его по-настоящему серьезным», – говорит Джанет. Поначалу Курт сомневался, стоит ли общаться с журналом, но быстро сменил курс и согласился дать интервью для статьи с обложки.

Из-за того, что на производство обложки требуется определенное время, фотосессию запланировали до интервью. Nirvana была на гастролях в Австралии, и Курт позвонил мне из гостиницы, страдая от сомнений. Он снова вспомнил все свои жалобы на то, как Rolling Stone в последние годы обращался с его любимыми группами. Я сказал ему, что фотографироваться для них необязательно. После паузы он спросил:

– А мы все равно будем на обложке, даже если не сделаем новую фотографию?

Он тщетно надеялся, что Rolling Stone возьмет одну из промофотографий, которые группа делала перед выпуском альбома. Я сказал ему, что журнал ни за что не поставит на обложку фотографию, сделанную лейблом, но это так или иначе неважно. Nirvana уже попала на первое место в чарте даже без фото на обложке Rolling Stone.

На следующий день, не сообщив мне, Курт снова передумал и сделал фотографию, на которой он стоит рядом с Кристом и Дейвом, одетый в футболку с надписью: «Корпоративные журналы все равно отстой». Поначалу я подумал, что оскорблять журнал, для обложки которого ты позируешь, довольно глупо, но, как обычно, Курт оказался прав. Редакции Rolling Stone фотография очень понравилась, и она стала не менее легендарной, чем его выступление на Headbangers Ball.

Rolling Stone отправил на интервью с ним Майкла Азеррада, верно предположив, что Курт с уважением отнесется к репортеру, который много писал о панк-группах. Интервью состоялось в квартире Курта и Кортни. Азеррад даже не представлял, что его ждет: «Я никогда не встречался с наркоманами, а он разбивал на сцене гитары и говорил о Rolling Stone гадости. Что, если все пойдет совсем странно?» Открыв дверь, Кортни улыбнулась ему и сказала: «Добро пожаловать. Хотите виноград?» – протянув ему целую тарелку.

Азеррад прошел вслед за ней по коридору, который, как ему казалось из-за волнения, все удлинялся и удлинялся. Курт лежал в постели. Его ноги торчали из-под одеяла, и Азеррад увидел, что он покрасил ногти на ногах. Курт поднял голову и сказал: «О, привет», – и, по словам Азеррада, «в это мгновение я понял, что знаю этого парня, и у него тоже было похожее чувство». Курту понравилось то, что журналист был одет в футболку Buzzcocks, но, как вспоминает Азеррад, были вещи и поважнее:

– У нас оказалось очень много общего. Наши родители разведены. Мы оба были невысокими и тощими, так что нас задирали в школе. Мы в детстве любили одну и ту же песню Арло Гатри, в которой он поет: «Не хочу есть пикули, просто хочу кататься на мотоцикле».

Позже Курт рассказывал мне, что в Азерраде увидел не парня из Rolling Stone, а родственную душу, да и самой статьей остался доволен. Среди прочего, именно там он публично заявил, что больше не колется героином и считает, что наркотики – это глупо. Однако он еще и усугубил вражду с другой знаменитой тогда группой из Сиэтла. Азеррад писал: «Больше всего он любит ругать Pearl Jam, соотечественников из Сиэтла, которых обвиняет в «соединении корпоративного, альтернативного и членорокового звучания». В ответ Джефф Амент из Pearl Jam заявил, что Курт с ним даже не здоровался, когда обе группы вместе выступали с Red Hot Chili Peppers. «Не знаю, что я ему сделал; если у него какая-то личная вражда с нами, пусть приходит к нам. Если у него накопилось такое подавленное раздражение, значит, он явно не очень-то уверен в себе. Он что, считает, что мы выезжаем на волне его успеха? Мы можем в ответ заявить, что Nirvana выпускала пластинки на деньги, которые мы заработали для Sub Pop, когда еще играли в Green River, – ну, если, конечно, мы были бы настолько же тупыми».

Учитывая, как мало денег было потрачено на запись Bleach, последняя ремарка Амента звучит довольно бессмысленно, к тому же, по словам Дженни Бодди, до Bleach Sub Pop держался на плаву в основном на деньги Mudhoney. Обычно Курт старался поддерживать других артистов, но вот в отношениях с Pearl Jam у него часто просыпался дух соперничества. Хотя Nirvana стала знаменитой раньше, Pearl Jam быстро сравнялись с ней по коммерческому успеху, и они тоже внимательно относились к политике, следовали той же контркультурной идеологии, и их так же любили в инди-сообществе Сиэтла. Курт завидовал тому, что критики не оценивают Pearl Jam по тому же панк-роковому стандарту, которому, как он считал, должен был соответствовать сам, а таблоиды не расписывают каждый чих в личной жизни

Эдди Веддера. Я и тогда, и сейчас считал, что работы Курта имеют особенную эмоциональную глубину, с которой не сравниться ни одной другой рок-звезде, но просто в ужас приходил, читая его публичные оскорбления в адрес Pearl Jam. Когда один артист неуважительно отзывается о другом, это всегда выглядит некрасиво. А кроме того, сходства двух этих групп были намного важнее любых мелких различий.

На личном уровне Курту было трудно справиться с новообретенной славой, но он все равно стремился воспользоваться ею, чтобы поддержать инди-мир. Он поддерживал общение с Кори Раском, владельцем Touch and Go Records. Не сказав ни мне, ни Силве, ни кому-либо из Geffen ни слова, он согласился дать чикагскому инди-лейблу новую запись Nirvana и выпустить на сингле песню Oh, the Guilt (на обратной стороне планировалась новая песня Jesus Lizard, группы, которая Курту очень нравилась). Что неудивительно, Touch and Go наткнулись на немалое сопротивление со стороны бизнес-отдела Geffen, который застала врасплох просьба разрешить одной из самых успешных групп записаться для другого лейбла. Когда Раск пожаловался Курту, тот попросил меня что-то сделать, и я позвонил Гершу. Он сумел убедить юристов Geffen отозвать возражения при условии, что песню не будут предлагать на коммерческие радиостанции или использовать в любых компиляциях или на других альбомах.

После того как в Geffen обозначили четкие правила для подобного одноразового сотрудничества, Nirvana записала кавер-версию Return of the Rat, песни, которую изначально исполнила влиятельная портлендская панк-группа Wipers, для бокс-сета из семидюймовых синглов, выпущенного портлендским инди-лейблом Tim Kerr Records. На этих синглах песни Wipers играли разные артисты, в том числе и Hole. Тот же лейбл записал декламационный трек Уильяма Берроуза – поэму-тираду под названием The ‘Priest’ They Called Him. Курт, восхищавшийся легендарным битником, записал для этого трека гитару, и он вышел на сингле; в следующем году во время гастролей Nirvana он был невероятно счастлив, лично встретившись с Берроузом в Канзасе.

Курт также отдал трек Nirvana под названием Beeswax для компиляционного альбома, вышедшего на лейбле Слима Муна Kill Rock Stars, базировавшемся в Олимпии. И, хотя эти жесты поддержки инди-мира не полностью смягчили ненависть к Nirvana среди журналистов, которых Джелло Биафра называл «панк-фундаменталистами», они все-таки свели обвинения к минимуму. И, что еще важнее, Курту нравилось участвовать в

этих проектах.

Успех Nevermind сильно отразился на музыкальном сообществе Сиэтла. Smells Like Teen Spirit стала песней, благодаря которой коммерческие радиостанции и MTV поняли, что аудитория «альтернативного рока» намного обширнее, чем предполагали программные редакторы, и стали сотрудничать с гранж-артистами, которых ранее игнорировали. Дебютный альбом Pearl Jam Ten на самом деле вышел за месяц до Nevermind, но взрывной коммерческий успех пришел к нему лишь несколько месяцев спустя, а на пик он вышел в конце 1992 года. Soundgarden выпустили первый альбом на мейджор-лейбле A&M Records, Lounder Than Love, еще в 1989 году, но в первую сотню он так и не вошел. Однако следующий альбом, Badmotorfi nger, вышедший в один день с Nevermind, за год стал платиновым. Примерно то же случилось и с Alice in Chains: первый альбом они выпустили в 1990 году, но прорывной альбом Dirt вышел в сентябре 1992 года, через год после Nevermind.

Представители мейнстримовой прессы и культуры, которые ранее не проявляли особого интереса к артистическим корням этих исполнителей, ухватились за идею «сиэтлского саунда» и эстетики. Вскоре появились «гранжевые» линейки одежды, а в New York Times даже возник «гранжевый лексикон», немалая часть которого была выдумана прямо на месте сотрудниками Sub Pop, так что статья была вполне заслуженно поднята на смех рок-сообществом Сиэтла.

Идея «сиэтлского саунда» очень раздражала Курта, который считал артистов индивидуальностями и насмехался над все более популяризировавшимся клише. Одному европейскому журналисту он сказал: «Говорят, мы нанесли Сиэтл на карту. На какую карту?» Джанет вспоминала:

– Я так злилась, когда критики валили Nirvana в одну кучу со всеми другими группами. Ребята из этих групп отлично знали, насколько Курт особенный, но многим в прессе очень нравилась идея тренда.

Дженни Бодди говорит, что даже в ее кругу общения в Сиэтле понимали, что между Nirvana и другими группами есть фундаментальное различие. Она считала, что бойкое сравнение Nirvana с Alice in Chains, Soundgarden или Pearl Jam «удешевляет» группу. На мой необъективный взгляд, Курт не был частью истории Сиэтла – это Сиэтл был частью истории Курта.

Впрочем, как бы ни раздражался Курт штампами прессы о Сиэтле, он уважал многих музыкантов из этих других групп и оставался близок с друзьями из этого города, которых знал еще до того, как прославился. Бодди вспоминает:

– Он был очень искренним, что бы ни случилось. Еще долго после Nevermind он приезжал стричься к нам домой. Он не ходил по дорогим салонам.

В феврале 1992 года я принял приглашение от Дага Морриса, сопредседателя Atlantic Records, с которым работал над несколькими проектами в предыдущем десятилетии. Мне предложили стать старшим вицепрезидентом лейбла, который будет заниматься A&R на Западном побережье, а в качестве дополнительного стимула еще и выкупили мою долю в Gold Mountain. Ходили слухи, что Дага вскоре повысят до более высокой корпоративной должности, и я считал, что тоже смогу после этого продвинуться; и в самом деле – осенью следующего года меня повысили до президента.

Дэвид Геффен спросил меня, почему я отказываюсь от менеджерской работы, когда только что выиграл джекпот. Но у меня были зловещие предчувствия, что Nirvana долго не продержится из-за проблем Курта с наркотиками, а еще я устал от давления, связанного с управлением небольшой компанией.

В контракте с Atlantic я прописал, что отказываюсь от управления менеджерской компанией и зарплаты, связанной с этой должностью, но сохраняю при этом неоплачиваемую позицию одного из менеджеров Nirvana. Подобные договоры с руководителями не были для звукозаписывающих компаний чем-то уникальным. Несколько лет тому назад, когда Ирвинг Азофф ушел из менеджмента и стал руководителем MCA Records, он продолжил работу с The Eagles.

Мы с Куртом общались так же часто, как и раньше, и он по-прежнему просил меня уладить некоторые личные дела. Звучит странно, когда оглядываешься назад, но, хотя я работал в другом офисе, обязанности были практически те же, что и раньше. Мой босс в Atlantic относился к этому спокойно. В конце концов, одной из причин того, что меня вообще пригласили на эту работу, была именно моя связь с Nirvana, а с моей стороны связь с Куртом уже давно вышла за рамки обычных деловых отношений. Примерно в то же время Курт предложил Розмари стать его юристом, и она проработала на этой должности до самой его смерти. Hole, однако, после моего ухода отказались от услуг Gold Mountain, и их менеджерами стали Питер Менш и Клифф Бернштейн из Q Prime, компании, которая занималась в том числе менеджментом Metallica.

Вскоре после того, как я начал работать на Atlantic, Курт позвонил мне и сказал, что с этого момента хочет получать все авторские отчисления от песен, которые написал он, – то есть на подавляющее большинство материала, записанного Nirvana. До

этого момента авторские доходы поровну распределялись между всеми музыкантами – это частое явление для новых групп, которые обычно практически не получали прибыли с продаж альбомов, потому что расходы на запись и некоторую часть маркетинга вычитаются из этих продаж, а расходы на переезды и техническую команду съедают почти все доходы с первых гастролей.

А вот авторские отчисления платятся «с первой пластинки» – то есть каждый проданный альбом приносит примерно один доллар дохода, который делится между автором и издателем; кроме того, авторы также получают отчисления за исполнение песен в эфире. Для среднестатистической инди-группы авторские отчисления составляли львиную долю той прибыли, которая реально доходила до исполнителя.

Теперь же, когда Nirvana стала достаточно успешной, чтобы все музыканты могли зарабатывать много денег и из других источников, Курт хотел забрать себе все отчисления со своих песен. Подобные требования часто приводят в бешенство участников рок-групп, которые не сочиняют сами. Есть тонкая грань между музыкантом группы и автором песен. Басовые линии и барабанные ритмы важны для любой пластинки, а Крист и Дейв «сочиняли» свои партии. Но здесь есть контраргумент: исполнение своих партий – то, что музыкант делает как артист. Традиционное определение «сочинения песни» – это авторство текста и мелодии, и Курт обычно сочинял все это самостоятельно.

Поговорив со мной, Курт позвонил Розмари, которая должна была оформлять документы, и на следующий день приехал к ней в офис «сам, чтобы дать ясно понять, что для него это очень важно».

Я с большими опасениями ждал разговора с Кристом и Дейвом на эту тему, потому что многие рок-группы оказывались парализованы или вообще разваливались из-за этих проблем, но поначалу они вроде бы отнеслись к этому спокойно, хотя позже, как мне рассказывали, экономические перемены все-таки сказались на товарищеских отношениях в группе.

Пока составлялся договор об авторских правах, Курт попросил меня написать служебную записку всей группе, чтобы показать, что остальные ребята все равно будут зарабатывать много денег, если согласятся на предложение Курта. По моим подсчетам того времени, после заключения новой сделки доход Курта до налогообложения и комиссий составлял 8 052 000 долларов, а Криста и Дейва – по 5 050 000 долларов каждому. Как оказалось, Nevermind принес больше денег, чем я ожидал,

гастролировала группа меньше, а следующий альбом вышел лишь в 1993 году, но итоговые суммы следующего года получились довольно похожими на эти прикидки.

Кортни вспоминала, что под конец процесса «Крист и Дейв были взбешены», и предложила Курту оставить их соавторами и совладельцами прав на самую ценную песню, Smells Like Teen Spirit; этот компромисс сгладил немало острых углов. Весь процесс, который во многих других группах превратился бы в сущий кошмар, вызвал лишь небольшой стресс. После того как ребята завершили единственные внутригрупповые переговоры за всю свою историю, Розмари стала юристом всей группы.

Кристу и Дейву пришлось за очень короткое время пережить четыре огромные перемены: невероятный успех, появление Кортни, пристрастие Курта к героину и новое распределение авторских доходов. Я тогда стал ближе к Курту и Кортни, но отдалился от Криста, Дейва и Силвы. В последующие годы мы с Кристом поддерживали общение, потому что занимались политическим активизмом, но вот с Дейвом, за исключением баек о барабанщике Led Zeppelin Джоне Бонэме, которые я рассказывал, мы практически не общались. После смерти Курта Дейв сделал потрясающую карьеру в Foo Fighters и вел себя с порядочностью, которая вполне соответствовала духу Nirvana. Я часто шучу, что если бы я знал, насколько он талантлив, то проводил бы с ним больше времени, как Силва. Одним из тех, кто понимал, что Дейв – не просто замечательный барабанщик, был Курт, который сказал мне еще в начале работы над Nevermind: «Я каждый вечер слышу, как Дейв подпевает, и он намного лучше как певец, чем ты думаешь». В тоне Курта даже слышалась легкая зависть, словно он оглядывался через плечо не только в прямом смысле.

Когда я писал эту служебную записку для Nirvana, с момента выхода Nevermind прошло меньше шести месяцев, и они еще практически не получили денег со своего «суперзвездного» статуса. Мы с Силвой понимали, что группу уже начинает обижать такое расхождение между славой и банковскими счетами. В краткосрочной перспективе эту проблему можно было решить, заключив договор на производство атрибутики. Продажи футболок и других вещей с символикой составляли все бóльшую долю гастрольных доходов музыкантов, и несколько компаний боролись за права на их производство, ожидая, что на будущих гастролях (а именно там продается подавляющее большинство атрибутики) группа будет выступать перед куда более масштабной аудиторией, чем до этого.

Силва составил проект договора с компанией Giant. Ею

владел Ирвинг Азофф, который, покинув MCA, создал собственный лейбл и компанию по производству атрибутики. Giant готовы были заплатить 2 миллиона долларов аванса, и мы уже ждали, что группа вскоре подпишет договор, но тут мне позвонил взволнованный Дэвид Геффен. У Дэвида с Азоффом отношения напоминали качели, и сейчас эти качели устремились вниз. Он сказал, что если группа хочет денег, то он готов выдать от имени лейбла аванс на ту же сумму, а потом мы сможем заключить договор с другой компанией. Разговор уже шел не просто о краткосрочном притоке наличных денег: Nirvana получит и аванс на запись, который Геффен вообще не обязан был им давать, и аванс за атрибутику.

Силва был очень недоволен торпедированием сделки, которую он уже почти закрыл, но согласился подождать до личной встречи с Дэвидом на следующий день. Чтобы переубедить Силву, понадобилось не очень много времени. Помогло не только обаяние Дэвида, но и то, что предложенные им условия были просто выгоднее. Питер Раух, тогда бывший правой рукой Силвы, вспоминает:

– Когда вы, ребята, вернулись с собрания, Джон сказал, что мне нужно оставаться на работе до тех пор, пока от Geffen не придет конверт. Около восьми часов вечера курьер привез конверт с чеком на 2 миллиона долларов, предназначавшихся Nirvana.

MTV хотели получить от группы еще что-нибудь, и, несмотря на сложные чувства по поводу славы, Курту это нравилось. Он попросил Керслейка снять третий и четвертый клипы на песни с Nevermind. Для In Bloom он хотел сделать что-нибудь юмористическое, контрастирующее с мрачностью первых двух клипов; ему представлялась Nirvana в образе рок-группы середины шестидесятых, выступающей на телепрограмме вроде The Ed Sullivan Show, а объявляет их слащавый олдскульный церемониймейстер. Это разрушение рок-н-ролльных клише и одновременное наслаждение ими ознаменовало для Nirvana возвращение к лучшей форме. Группа оделась в одинаковые полосатые костюмы. Керслейк нашел камеры, которые на самом деле использовались для съемок старых телешоу, и результат работы очень походил на старые черно-белые пленки. Этот клип снимать оказалось проще всего – дубли заняли лишь несколько часов, включая два прогона, на которых музыканты оделись в платья, которые Кортни где-то взяла напрокат. Финальная версия клипа напоминала не то пародию, не то бурлеск.

Для Lithium, последнего сингла, Курт хотел сделать компиляцию из концертных выступлений. Почти весь материал

для клипа взяли из хеллоуиновского концерта в Сиэтле. Однако Курт попросил меня достать небольшой фрагмент из фильма 1991: The Year Punk Broke, который уже был готов, но еще не вышел. Фрагмент длился около десяти секунд; в нем Крист несет Курта по сцене на плечах.

Фильм был собственностью Sonic Youth, и, к моему удивлению, Ким Гордон поначалу мне отказала. Она обожала этот кадр и считала, что если его использовать в музыкальном клипе, в фильме он будет выглядеть уже не так эффектно. Она пришла ко мне в офис Atlantic, чтобы объясниться, и мне было очень грустно видеть ее в таком состоянии. Sonic Youth много значили и для Nirvana, и для меня. Но в первую очередь я был верен Курту и знал, что ему очень хочется получить эту видеозапись. Я подчеркнуто напомнил Ким, что Nirvana отказалась от гонораров за исполнение пяти песен (в том числе Smells Like Teen Spirit) для фильма, и любому другому режиссеру права на них сейчас обошлись бы в сотни тысяч долларов. Она с неохотой согласилась разрешить Nirvana использовать этот фрагмент, но очень разозлилась из-за того, что на нее давили, причем давил человек, который еще недавно был одним из ее менеджеров, а еще, полагаю, была немного ошеломлена тем, с какой скоростью поменялись статусы двух коллективов.

В июне Nirvana снова поехала в Европу. К ним присоединилась Джанет, и это стало не лучшим ее воспоминанием. Курт и Кортни «боролись» со своей зависимостью с помощью лекарств, а в разных странах действовали разные законы.

– Хуже всего было в Париже. Курт чувствовал себя ужасно, у него была депрессия, и он отказывался выкинуть лекарства. Я сказала ему, что в Стокгольме его встретит врач, а в самолете с сильнодействующими средствами летать нельзя. У нас вышла безумная ссора, Кортни потом гналась за мной по улице. Он выбросил лекарства буквально прямо перед посадкой в самолет.

Вскоре после этого Кортни улетела обратно в Лос-Анджелес.

На гастролях было и несколько отличных моментов, например, на датском фестивале «Роскильде», где группа дала один из своих самых запоминающихся концертов, и в Белфасте, где Курт спрыгнул со сцены и принял на себя удар охранника, предназначавшийся фанату. Однако на следующий день он потерял сознание и был госпитализирован. Джанет сказала прессе, что это из-за язвы желудка (мы так и не поняли, как называть его болезнь), но позже Курт признался Азерраду, что забыл принять таблетку метадона, с помощью которой боролся с наркотической зависимостью.

Третьего июля, на седьмом месяце беременности, у Кортни начались схватки. Два последних европейских концерта, в Испании, пришлось отменить – Курт отправился в Америку, чтобы быть с ней. А через несколько недель в мире Nirvana грянул новый кризис.

Глава десятая
«Ярмарка тщеславия»

В Territorial Pissings Курт предупреждает: «Если ты параноик, / Это еще не значит, что тебя не преследуют». Пожалуй, Кортни стоило помнить эти строки, когда она решила пообщаться с Линн Хиршберг для статьи о ней в журнале Vanity Fair.

Хиршберг обычно писала о знаменитостях, отдаленных от панк-рока на целую культурную вселенную, но Кортни даже не предполагала, что первая статья в мейнстримовой прессе не станет очередным триумфом. В предыдущую пару лет у нее все шло как по маслу. Она пережила невероятный взлет – от жизни на задворках общества и подработки стриптизершей до сотрудничества с Caroline, работы с Ким Гордон в качестве продюсера, теплого приема рок-прессы, любви и замужества с Куртом и контракта с DGC/Geffen. С помощью алхимии, состоявшей из ее интеллекта, таланта, настойчивости, буддистских мантр и хорошего выбора времени, она словно взломала код желанной жизни.

Большие журнальные статьи делаются много месяцев. Под конец работы Хиршберг позвонила мне, и я ответил ей на несколько вопросов, но слова подбирал очень аккуратно. А Кортни, к сожалению, нет. Меня охватила тревога, когда однажды я увидел, как она оживленно болтает с Хиршберг, пытаясь подсадить известную журналистку на фанзин Riot Grrrl. Розмари сокрушается:

– Линн явно обольстила ее. Кортни думала, что это она очаровала ее. Думала, что Линн ест у нее с рук и статья будет замечательной.

Статью опубликовали в середине августа. Предварительная копия циркулировала по факсам за неделю до выхода журнала, и она была убийственной. В нескольких пассажах был передан острый ум Кортни, но в целом хорошо отточенный стиль Хиршберг сочился снисходительностью и презрением. Она практически не говорила о том, что и Курт, и Кортни – артисты-визионеры, и вместо этого изобразила их аморальными декадентами с глубиной характера как у мультяшек. Стремясь максимально разрушить их репутацию, Хиршберг в основном пользовалась «цитатами» неназванных «друзей» и «представителей индустрии». Я не сомневался, что Хиршберг с легкостью нашла нескольких человек, ненавидевших Кортни, чтобы узнать их мнение, но это вовсе не означает, что выдавать

пересуды за чистую правду сколько-нибудь честно и достойно.

Из простой пиар-ошибки статья Хиршберг превратилась в кошмар из-за двух абзацев:

В кругах, где она вращается, Курта Кобейна считают святым. На Кортни же многие смотрят как на обаятельную оппортунистку. В последнее время много говорилось о проблемах пары с наркотиками… в этом месяце они ждут появления на свет ребенка, и даже самые толерантные инсайдеры из музыкальной индустрии тревожатся за его здоровье. «Просто ужасно представить себе, что она могла принимать наркотики, уже зная, что беременна, – говорит один близкий друг. – Мы все беспокоимся за малыша».

Еще больший ущерб нанесли эти слова:

Двадцать разных источников в звукозаписывающей индустрии настаивают, что чета Кобейнов плотно сидит на героине. Ранее в этом году Курт сказал в интервью Rolling Stone, что не принимает героин, но вот Кортни дает нам другую, куда более пугающую картину. «У нас был запой, – рассказывает она про этот январь, когда Nirvana приехала в Нью-Йорк, чтобы выступить на Saturday Night Live. – Мы приняли очень много наркотиков. Мы поехали в Алфабет-Сити, Курт был в шляпе, я была в шляпе, и мы взяли там дури. Потом, уже под кайфом, поехали на SNL. После этого я еще пару месяцев принимала героин».

Последняя фраза стала настоящим гвоздем в крышке гроба. Кортни отрицает, что говорила ее. Кортни всегда настаивала, что перестала принимать наркотики сразу после интервенции – всего через несколько дней после SNL, когда узнала о беременности, – и следовала всем инструкциям доктора Крейна, чтобы защитить плод. Такой сценарий оказался бы куда менее привлекательным для читателей Vanity Fair, но есть очень большая нравственная разница между приемом героина, когда еще не знаешь, что беременна, и его приемом, когда уже знаешь о своем положении. Я верил Кортни и был совершенно уверен, что доктор Крейн ни за что бы не стал работать с потенциальной матерью, которая не заботится о здоровье ребенка, и Фрэнсис Бин Кобейн в самом деле родилась совершенно здоровой.

Мы сразу поняли, что публикация этой статьи станет кризисом, который может привести еще и к юридическим проблемам для родителей. Когда мы получили первый факс со статьей, Кортни уже лежала в «Сидарс-Синай», потому что до родов оставалось несколько дней, и доктор Крейн хотел проявить максимум осторожности. В качестве профилактической меры,

чтобы гарантировать, что никто точно не попытается отобрать у нее ребенка, она раздумывала, не найти ли другой роддом. Мы поспешно запросили юридическое заключение, датированное 13 августа (следующим днем после первого прочтения статьи), от адвоката Майкла Леванаса; тот предложил два других варианта. Кто-то сказал Кортни, что шведские власти не поднимут шума, если на их территории родится здоровый ребенок, у которого в организме будут следы метадона, но, учитывая, насколько близка была дата родов, лететь десять с половиной часов из Лос-Анджелеса в Стокгольм никто не собирался. Еще одна теоретическая возможность – лечь в другой местный госпиталь под вымышленным именем. Но Леванас предупредил: «Мне говорили, что госпиталь имени Мартина Лютера Кинга докладывает обо всем, а вот в госпиталях вроде «Сидарс-Синай» к защите частной жизни подходят более ответственно». Так что Кортни осталась.

Курт лежал там же, на другом этаже. Мне помнилось, что он снова лег на реабилитацию, но Эрик поправил меня:

– Я только помню, что он лежал в «Сидарс» этажом выше Кортни и опять мучился болями в животе.

Так или иначе, когда у Кортни начались роды, Курт ушел из своей палаты, чтобы быть с ней.

Gold Mountain опубликовала заявление от Курта и Кортни, посвященное обвинениям в причинении сознательного риска здоровью ребенка. «Мы безоговорочно отрицаем это… Как только Кортни узнала, что беременна, она немедленно связалась с акушером и врачом, специализирующимся на химической зависимости, и они ухаживали за ней с тех самых пор и заверили ее, что она родит здорового ребенка».

Розмари отправила свирепое письмо в родительскую компанию Vanity Fair, Condé Nast, потребовав извинений и опровержения. Она указала на несколько фактических ошибок, связанных с музыкальным бизнесом, чтобы продемонстрировать, насколько небрежной была журналистская работа (например, там говорилось, что я работаю в руководящем составе Polygram, компании, с которой на тот момент я вообще не имел никаких дел). Хиршберг спросила, правда ли, что Клайв Дэвис предлагал Hole миллион долларов; и Розмари, и Дэвис отрицали это, но Хиршберг все равно написала, что, «по слухам», это правда. Розмари заявила: «Это лишнее доказательство ее высокомерного пренебрежения к правде, которое, к сожалению, характерно для всей этой статьи». Касательно главной проблемы, приписанных Кортни слов о том, что она «пару месяцев» принимала героин после SNL, Розмари продолжала в письме: «Эта цитата неверна и

умышленно вводит в заблуждение. Как известно миссис Хиршберг, миссис Лав описывала запой, который длился пару дней, а не пару месяцев. Этот период был в начале января 1992 года, вскоре после зачатия и до того, как она и ее муж узнали, что она беременна. Намеренное искажение цитаты миссис Лав в сочетании с многочисленными ссылками Хиршберг на расплывчато сформулированные беспокойства неназванных «друзей», «коллег по бизнесу» и «инсайдеров из индустрии» выставляет ситуацию так, словно миссис Лав принимала героин уже после того, как узнала о беременности; моя клиентка категорически отвергает эту инсинуацию. Подобное ложное представление моей клиентки порочно и безответственно».

В статье Хиршберг также утверждала, что Кортни виновата еще и в проблемах Курта с наркотиками, опять-таки ссылаясь на неназванные источники («многие считают, что она познакомила Кобейна с героином… как говорят, Курт до знакомства с Кортни не употреблял ничего тяжелее алкоголя»). Меня до сих пор иногда спрашивают, причем даже люди, которые сами неплохо знали Курта, считаю ли я, что это Кортни подсадила его на героин. Безусловно, нет. Курт всегда говорил, что не раз пробовал его в молодости, и многие его старые друзья это подтверждают. В Negative Creep, первой песне Bleach, написанной задолго до их знакомства, есть строчка: «Я отрицательный тип, и я обдолбан». Крист вспоминал:

– Курт обожал героин. Ему очень нравилось, как он чувствует себя после приема.

В письме Розмари Condé Nast говорилось, что Хиршберг «знала из трех разных источников, которые назвали себя, что мистер Кобейн принимал героин до знакомства с миссис Лав. Сам мистер Кобейн признал это в интервью Майклу Азерраду для Rolling Stone, опубликованном 16 апреля 1992 года».

В общем и целом Курт пришел в ужас от того, каким его изобразили. На гастролях он часто записывался в гостиницы под псевдонимом Саймон Ричи (настоящее имя Сида Вишеса), но это было скорее ироническим комментарием к его имиджу. Он знал, что в миллион раз талантливее басиста Sex Pistols, и его очень задевало такое низведение его к трешово-панковому стереотипу. «Курт ненавидел, когда его позорили. Просто ненавидел», – вспоминает Крист. Как и ожидалось, Хиршберг горой встала за статью, и никаких извинений от Vanity Fair не последовало. Судебный иск за клевету обошелся бы в невероятную сумму, да и выиграть его, учитывая, насколько знамениты Курт и Кортни, было бы очень трудно, так что от идеи подать в суд на Condé Nast мы отказались.

В это же время нам пришлось тушить и другие пожары в прессе. Мы, конечно, ничего не могли сделать с парой отвратительнейших статей в «желтой» прессе, где говорилось, что ребенок родится с врожденным уродством, но, когда некоторые музыкальные СМИ стали некритично цитировать статью из Vanity Fair, нам удалось довольно быстро заставить их отступить.

Джанет позвонила Финнерти и попросила ее сделать все, чтобы статья не получила одобрения MTV, но оказалось, что ее непосредственный начальник не имел никакого влияния на отдел новостей. Прежде чем они успели добраться до кого-нибудь более высокопоставленного и попросить его вмешаться, Курт Лодер некритично пересказал содержание статьи в MTV News. В дневниках Курта той поры есть длинная тирада, посвященная «Emp-TV[2]», но все же большой проблемы с каналом не возникло. У MTV были свои причины поддерживать хорошие отношения с Nirvana, так что впоследствии они продвигали только версию событий от Курта и Кортни.

Похожего разворота удалось добиться и от KROQ, крупнейшей рок-станции Лос-Анджелеса, где регулярно ставили Nirvana; один из друзей Кортни сказал, что услышал, как в одной передаче статью обсуждают в позитивном ключе. Программный директор Трип Риб написал Розмари страстное письмо, в котором заявил, что не нашел «никаких доказательств» подобной ереси, что он и сам новоиспеченный отец и что Курт и Кортни могут в любое время прийти в студию, чтобы записать сообщение для поклонников.

Курт и Кортни обзвонили многих друзей, чтобы опровергнуть подлые обвинения. Особенно их беспокоило то, что думает по этому поводу Дэвид Геффен. 14 августа в своем офисе в Atlantic Records я получил факс, который попросили переслать знаменитому боссу лейбла, подписавшего контракт Nirvana.

> *Дорогой Дэвид Геффен!*
>
> *Привет, меня зовут Курт Кобейн. Я ведущий вокалист, гитарист и автор песен группы NIRVANA. Я вроде как заработал для вашей компании много денег.*
>
> *О, я на самом деле никогда не хотел стать частью мейнстримового корпоративного мира, но, познакомившись с ним, я обнаружил, что есть сотрудники, в частности, DGC, которые так же честны и искренни с музыкой и разделяют практически те же ценности, что и я. Я никогда не встречался с вами, наверное, потому, что никогда и не стремился. У меня что-то вроде фобии больших боссов, но в статье,*

вышедшей в Vanity Fair, мою семью откровенно оболгали.

Чтобы заверить Геффена, что Кортни ведет себя ответственно, Курт продолжил: «Она перестала употреблять и регулярно посещает педиатра Дэнни Голдберга». (Имелся в виду доктор Крейн.) Курт так и не объяснил, чего же именно хочет от Геффена, кроме как заткнуть рот Линн Хиршберг.

Перечитывая это письмо четверть века спустя, я полагаю, что Курт отправил его, чтобы босс его лейбла понял, что он хороший человек, а не тот трешовый персонаж, которого описали в статье. Однако описанные чувства Курта по поводу знакомых ему руководителей лейбла не были чем-то спешно выдуманным в кризисной ситуации. Пренебрегая ожиданиями панк-журналистов, Курт уже много месяцев говорил в интервью то же самое о людях с лейбла.

Меня снова поражает сложность Курта. Он чувствовал себя сильно задетым и уязвимым из-за каскада негативных эмоций и надеялся, что влиятельный человек, для которого он заработал деньги, будет на его стороне – по крайней мере, на территории музыкальной индустрии. (Я никогда не считал, что Геффен в принципе мог бы отказаться от своей самой денежной группы из-за подобной сенсационалистской истории, но Курт все же решил дополнительно подстраховаться.) Однако прежде всего он хотел показать убитой горем жене, что может постоять за нее.

Еще я вспомнил, насколько же острый ум сохранял Курт даже в самые худшие времена. Он написал письмо от руки, чтобы Геффен знал, что письмо лично от него, а не от юристов или пиарщиков. Он даже сумел упомянуть, что они с Кортни выступают за равноправие геев. В заключение он написал:

> *«Мы способны демонстрировать здоровое поведение перед аудиторией, и следующий альбом будет как минимум не хуже предыдущего, но я настолько взбешен этой мусорной журналистикой, что готов поставить на кон все, что угодно, ради моей жены и дочери.*
>
> *Искренне ваш, Курт Кобейн».*

Дэвид позвонил мне, раздраженный тем, что его втягивают в громкий скандал, и я заверил его, что мы сами справимся, а Курт просто хотел обратиться к нему лично.

Фрэнсис Бин Кобейн родилась 18 августа 1992 года, через шесть дней после публикации статьи в Vanity Fair. Зная, насколько ужасно чувствует себя Кортни, я попросил Эдди Розенблатта навестить ее в госпитале, когда будет время; тот тут

же встал из-за стола и сказал: «Поехали прямо сейчас, обожаю детей». Госпиталь был всего в пяти минутах езды от офиса Geffen, и было очень здорово, что Эдди отреагировал так быстро, потому что Кортни была безутешна и всхлипывала, по ее лицу текли огромные слезы.

– Не неси мне свою оптимистичную херню, – крикнула она мне, – я этого никогда не забуду!

Тем не менее для нее много значило, что президент ее лейбла тоже готов ее защищать.

Кто-то из сотрудников «Сидарс-Синай» тем временем принес журнал Vanity Fair со статьей в социальную службу Лос-Анджелеса вместе с собственной запиской, где еще больше очернил Кортни. И началось именно то, чего мы так хотели избежать. Статью приложили к юридическому письму от городского агентства, которое начало расследование, чтобы определить, пригодны ли родители к исполнению своих обязанностей. Курт и Кортни, что вполне понятно, были в полном ужасе. Я попытался успокоить их, уверяя, что у них достаточно ресурсов и друзей, чтобы избежать самого кошмарного сценария – лишения родительских прав, – но теперь у нас появилась юридическая проблема, и Розмари занялась ее решением. Первый шаг – тщательно следовать правилам разнообразных городских агентств, участвующих в деле.

В подобных случаях родители ищут родственников, которым временно передают права на опеку, пока не будет принято окончательное решение. Мать Кортни, Линда Кэрролл, приехала ко мне в офис Atlantic. Кортни редко говорила о матери, но, насколько я понял, она была психотерапевтом, сменила некоторое количество мужей и родила еще нескольких детей. Она тут же пустилась в пространные рассуждения о том, насколько трудным ребенком была Кортни, и что она, бабушка Фрэнсис, сможет вырастить младенца намного лучше, чем Курт и Кортни, и в конце концов попросила меня помочь это устроить. Должно быть, она решила, что раз мне за сорок, и я работаю в обычном офисе, то отношусь к ее дочери с таким же презрением.

Я был возмущен, но пересказывать Кортни этот разговор, к счастью, не пришлось, потому что, когда я приехал к ним тем вечером, Курт и Кортни уже твердо решили, что ни к каким бабушкам и дедушкам обращаться не будут. Как по мне – отличный показатель того, каким же ужасным было их собственное детство. Они решили, что наименее рискованным вариантом будет единоутробная сестра Кортни, Джейми Манелли.

Джейми училась в колледже в Орегоне, и ей требовались

деньги, так что Кортни вполне верно предположила, что та не откажется. Они с Кортни никогда не были особо близки, но Джейми согласилась за 5000 долларов приехать в Лос-Анджелес и стать опекуншей ребенка на время процесса. Мы сняли ей квартиру неподалеку от дома Курта и Кортни, и Джейми официально оформила опекунство, являясь на необходимые встречи с властями, в то же время и следя за тем, чтобы Фрэнсис проводила много времени с родителями. Курту и Кортни окончательно вернули родительские права лишь в следующем марте, и мы заплатили Джейми еще несколько тысяч долларов, чтобы компенсировать ей пропущенные занятия.

25 августа госпиталь выпустил пресс-релиз. «Фрэнсис Бин Кобейн, дочь Кортни Лав и Курта Кобейна, родилась в медицинском центре «Сидарс-Синай» 18 августа 1992 года в 7:48 утра. По информации педиатра, младенец в стабильном состоянии, хорошо питается и набирает вес по нормальному графику для новорожденных. Сейчас она весит 2,7 кг, а ее рост составляет 52 см». Ключевое слово здесь – «нормальный».

Через неделю после рождения Фрэнсис Nirvana снова должна была выступать на Редингском фестивале, на этот раз – хедлайнером. Курт был твердо намерен не отказываться от концерта. Он не хотел подводить фанатов и, что еще важнее, не хотел признавать поражения в драме, начавшейся после статьи в Vanity Fair. Кортни осталась дома с ребенком, а Курта сопровождал Эрик Эрландсон.

– Кортни сказала, что я должен поехать. Это все взаимозависимость, вот эта опекунская штука, я чувствовал, что защищаю его, потому что ему тогда было не очень-то хорошо.

Эрик взял с собой видеокамеру, чтобы запечатлеть концерт.

Nirvana отменила недавно запланированное европейское турне, и Антон Брукс вспоминает атмосферу вокруг группы после статьи в Vanity Fair и других слухов о наркомании Курта:

– Все мои собеседники, и по телефону, и лично, считали, что Nirvana не сыграет. Были даже слухи, что группа развалилась. Просто по умолчанию предполагалось, что они не сыграют. Я говорил людям, что только что пообедал с ними или побывал в их гримерке, а пресса считала, что я все выдумываю. Все так типично для драмы, которая повсюду преследовала Nirvana.

За день до Редингского фестиваля в NME вышла статья Кита Кэмерона, основанная на интервью, взятом у Курта в испанском Бильбао летом, еще до рождения Фрэнсис. В отличие от Хиршберг, Кэмерон был тем журналистом, которому Курт и Кортни доверяли. Он с энтузиазмом писал о группе практически так же долго, как и Эверетт. Тем не менее он повторил

убийственное обвинение Хиршберг о том, что «различные доверенные источники» утверждают, что Кортни принимала героин, будучи беременной. Еще Кэмерон написал: «Главный вопрос здесь не то, сидит Курт Кобейн на героине, или не сидит, сидел, или пытается прямо сейчас с него слезть, а то, что его женушка – самая настоящая заноза в заднице. Ее, похоже, не любит почти никто. Один из техников называет ее «Злой Волшебницей Запада», а другой мой собеседник назвал Курта хорошим парнем ДК («до Кортни»)». Еще Кэмерон описал Джанет как «что-то среднее между кормилицей и человеком-губкой, она исполняет все капризы и впитывает в себя всю пустую болтовню Кортни».

Вспоминая этот момент, Курт позже рассказал британскому журналисту: «Во многом это просто сексизм. Кортни – моя жена, и люди просто не могут принять того факта, что я влюблен и могу быть счастлив, а она настолько сильная и грозная персона, что все сексисты в индустрии объединились и попытались нас стреножить». Однажды, жалуясь мне на интерес таблоидов к их семье, Курт растерянно сказал мне: «Я даже не знаю, как зовут жену Боно». Волны, пошедшие после статьи в Vanity Fair, поместили Курта и Кортни в незавидную категорию, куда входили только они двое. Большинство СМИ сделали из них мультяшных персонажей.

Учитывая, насколько трепетно Курт относился к репутации жены, а также все прочие стрессы, от которых тогда страдал, никто бы не удивился, если бы он действительно отменил концерт Nirvana. Обсуждая свои чувства перед выступлением в интервью со Scotsman, Дейв Грол сказал: «Я на самом деле думал, что будет катастрофа, конец карьере. Курт периодически ложился на реабилитацию, общение в группе потихоньку становилось напряженным. Курт жил в Лос-Анджелесе, а мы с Кристом – в Сиэтле. Люди даже не были уверены, приедем ли мы. Мы разок порепетировали, за день до концерта, и вышло хреново.

Но концерт получился замечательным и на время исцелил нас».

И в самом деле, Курт и Nirvana дали один из лучших своих концертов за все время, он вышел настолько мощным, что много лет спустя о нем издали фильм. Началось все с потрясающей импровизированной театральной постановки. Чтобы высмеять слухи, что он лежит на смертном одре, Курт попросил привезти за кулисы инвалидную коляску и сел в нее, надев длинный светлый парик и больничный халат. Брукс вспоминает:

– Курт попросил меня вывезти его на коляске, и я сказал – да ну тебя на хрен, я не выйду на сцену, перед которой семьдесят, а

то и восемьдесят тысяч человек. Эверетт услышал наш разговор и сказал, что тогда это сделает он.

Монтгомери, сидевший за микшерным пультом, вздохнул с облегчением.

– Они довольно давно не играли, у них была куча проблем, и тут Курт решил выступить со смешной выходкой. Юмор никуда не делся…

Сидя в инвалидной коляске, Курт печальным голосом запел первую строчку The Rose, песни, которую Бетти Мидлер записала для одноименного фильма, где сыграла рок-певицу, которая не смогла справиться с давлением славы и умерла от передозировки наркотиков. Потом он плюхнулся на сцену, словно потерял сознание, и невозмутимый Крист с притворным беспокойством сообщил зрителям: «С помощью друзей и родных он все преодолеет».

Затем, с вдохновением, достойным Джеймса Брауна, Курт поднялся, надел гитару, подержал ее так, чтобы она громко «завелась», и с горящими глазами заиграл Breed, одну из самых «панковских» песен с Nevermind. Слушая четверть века спустя запись Курта, кричащего на редингском концерте первые слова песни – «Мне плевать, мне плевать, мне плевать», – я до сих пор поражаюсь, насколько же интимной кажется эта эмоция. Словно он говорил огромной аудитории: «Мне плевать на них, мне важны только мы».

Через пару песен Курт выкинул блондинистый парик и продолжил играть с полным напряжением и музыкальной ясностью. Перед Smells Like Teen Spirit группа исполнила первые аккорды More Than a Feeling, классического рок-хита группы Boston, словно показывая средний палец всем критикам, указавшим на сходство риффа с самым большим хитом Nirvana. Еще они устроили на фестивале премьеру новой песни, представив ее как The Eagle Has Landed (после записи для альбома In Utero ее переименовали в Tourette's).

Брукс вспоминает:

– Помню, я посмотрел на зрителей – почти все собрались, чтобы послушать Nirvana, и сцена была практически библейской. Nirvana для них значила больше, чем просто группа. Когда они вышли на сцену и заиграли, синергия была потрясающей. Люди танцевали, пели и наслаждались собой. Это было что-то духовное. Катарсис. Все, чего вам когда-либо хотелось. Одно из самых потрясающих воспоминаний в моей жизни. Я стоял у края сцены с моим деловым партнером, мы смеялись и говорили, как все замечательно. Просто улыбались и смеялись.

Азеррад, который освещал концерт для Rolling Stone,

подтверждает:

– Самый лучший рок-концерт из всех, что я видел.

Как позже вспоминал Дейв, химия группы чудесным образом восстановилась. Курт попросил Криста «рассказать анекдот», и его старый друг не отказал:

– Медсестра говорит врачу: «Пришел человек-невидимка». Врач отвечает: «Скажи ему, что я вижу его насквозь[3]».

Позже Курт полушутя сказал: «Это наш последний концерт». Крист ответил: «Нет, не последний». Курт сказал: «Ладно, поедем в ноябре на гастроли. Хочешь записать перед этим пластинку?», и Крист ответил: «Ага, запишем пластинку». Курт кивнул. Все выглядело так, словно они на самом деле приняли решение прямо на сцене.

Крист писал о концерте в Рединге: «Слышать, как десятки тысяч зрителей подпевают Lithium, – это очень крутой момент в истории группы». Ближе к концу сета Курт подошел к микрофону, попросил зрителей замолчать на минутку и сказал:

– Эта песня посвящается моей двенадцатидневной дочери и моей жене. О ней в последнее время пишут ужасные вещи, и она думает, что ее все ненавидят. Наш концерт записывается, так что можете на счет «три» сказать: «Кортни, мы тебя любим»?

Зрители с удовольствием исполнили просьбу, а потом Nirvana сыграла All Apologies, которая через несколько месяцев будет записана для альбома In Utero.

Последним выходом на бис стала Territorial Pissings. После нее Курт сыграл The Star-Spangled Banner в таком же психоделическом стиле, как Джими Хендрикс в Вудстоке, а Дейв разнес свои барабаны.

Эрик выходил из-за кулис вместе с Куртом; тот закурил сигарету. Мальчик лет десяти попросил дать ему автограф, и Курт не отказал, со всей серьезностью сказав: «Не кури». Эрик печально смеется, вспоминая это противоречие. «Вот такой он был, Курт».

Через десять дней, 9 сентября, должен был состояться эфир MTV Video Music Awards (VMA). Ожидалось, что Nirvana выиграет несколько наград, и группу попросили выступить. Мы поначалу отказали, учитывая все, что тогда творилось, и то, что Курт в принципе ненавидел любые шоу с наградами. Джуди Макграт, которая тогда возглавляла MTV, просила меня заставить Курта передумать. В некоторых письменных источниках говорится, что MTV угрожал не ставить в эфир клипы артистов с Geffen, или артистов, которые сотрудничали с Gold Mountain, или даже уволить Эми Финнерти. Это ложь. Ребята с MTV действительно были готовы на многое, чтобы обеспечить высокие рейтинги, но они не принуждали, а только уговаривали.

Курт был недоволен, узнав от меня о церемонии, и спросил, какие будут последствия для группы, если он откажется. С одной стороны, он был новоиспеченным отцом, стоявшим на важном распутье, связанном с наркоманией. Он снова лег на реабилитацию. С другой стороны, он только что великолепно выступил в Рединге и всегда беспокоился, как MTV относится к Nirvana. Я сказал ему, что в краткосрочной перспективе на ротацию Nirvana это не повлияет, но, конечно же, на MTV будут куда более счастливы, если группа появится в самом крутом эфире года.

Я позвонил Курту для этого разговора из дома, и Розмари, отлично понимавшая ситуацию, услышала меня и спросила, можно ли и ей поговорить с Куртом. Она потратила немало времени в последние две недели, борясь с последствиями статьи Линн Хиршберг, и знала, каким ударом все это стало для него. Задыхаясь от эмоций, почти плача, она объяснила ему, что боится, что отказ от выступления лишь укрепит негативный имидж, представленный Vanity Fair.

После того как Розмари отдала телефон обратно мне, Курт вздохнул: «Похоже, это из тех вещей, которые обязательны. Кто знает, может быть, через несколько лет я приду на такую церемонию в смокинге». Мне было больно слышать ненависть к себе в его голосе, но я считал, что он поступает правильно.

Стресс лишь усилился, когда Макграт позвонила мне в день шоу и пожаловалась, что на репетиции группа сыграла новую песню под названием Rape Me. Ее беспокоило, что если в эфире появится песня с такими словами, всем покажется, что MTV считает изнасилование чем-то нормальным. Я напомнил ей, что Курт сторонник феминизма, а Polly – это песня против сексуального насилия, и заверил ее, что новая песня посвящена той же теме, и любой поклонник Nirvana точно знает, как Курт к этому относится и каковы его ценности. Еще я сказал, что будет очень классно, если группа устроит премьеру совершенно новой песни на VMA, учитывая, что Nevermind вышел почти год назад. Макграт не желала меня слушать. Она не хотела, чтобы слово «rape» оказалось в центре внимания прессы после VMA, и попросила, чтобы группа исполнила свой последний на тот момент сингл, Lithium.

– Курт поверить не мог, что они ничего не понимают, – рассказывает Финнерти. – Ему казалось, что он делает MTV подарок.

Я целый час исполнял роль посредника между Куртом и Макграт, но последняя оказалась непреклонной, и Курт капитулировал. В конце концов, весь смысл шоу состоял в том,

чтобы поцеловать MTV в жопу.

Когда я добрался до «Поли-Павильона» Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, где шли съемки эфира, то встретил за кулисами Джейми Манелли, уже получившую официальное опекунство над Фрэнсис. От обилия звезд повсюду у нее голова шла кругом. «Поверить не могу, я только что болтала с Уитни Хьюстон», – на одном дыхании выпалила она. Я нервничал, боясь, что Курт разозлится из-за неудачи с Rape Me, но они с Кортни играли с ребенком и были в хорошем настроении.

Несмотря на смешанные чувства по поводу шоу-наград, Курт был искренне рад познакомиться с несколькими музыкантами, присутствовавшими там. Увидев Питера Гэбриэла, Курт встал, подошел к нему и представился – я ни разу больше не видел, чтобы он так делал. Вернувшись ко мне, Курт сказал с мальчишеским энтузиазмом: «Он такие хорошие вещи говорил о нашей группе».

Queen была одной из любимых групп Курта, когда тот рос, и ее популярность тогда снова пошла в рост благодаря тому, что Bohemian Rhapsody попала в фильм «Мир Уэйна». В результате классический рок-хит номинировали на «Лучшую песню в фильме». Каз работал с Queen, когда жил в Англии, и привел Роджера Тейлора и Брайана Мэя на встречу с Куртом в трейлер, служивший ему гримеркой.

– До сих пор помню, как засияли его голубые глаза, когда они вошли, – вспоминает Каз. – Как у мальчишки в кондитерском магазине.

Незадолго до саундчека Джон Розенфельдер сидел один возле сцены. Он меньше общался с Nirvana после выхода Nevermind. Курт держался от него подальше с тех пор, как Джон заставил его общаться с ребятами с хевиметаллического радио.

– Курт прошел мимо и похлопал меня по голове, словно говоря тем самым, что больше на меня не злится, а потом сел рядом со мной, сыграл на гитаре идеальную версию песни Джима Кроче Time in a Bottle, улыбнулся и ушел куда-то в поисках Кортни.

Этот момент Роузи не забыл никогда.

Чуть позже Курт, Кортни и Фрэнсис сидели вместе со мной и Розмари за столом в VIP-зале, который оборудовали для исполнителей. Аксл Роуз, его девушка Стефани Сеймур и два огромных мускулистых охранника расположились за соседним столиком. (Курт позже говорил, что охранников было пять, а то и больше, но я помню только двоих, а также оператора, который, судя по всему, снимал Роуза для какого-то будущего документального фильма.)

За год, прошедший с выхода Nevermind, все хорошие чувства, которые первоначально испытывал Роуз к Nirvana, улетучились. Курт не скрывал своего презрения к мачо-имиджу Guns N' Roses. Вскоре после того, как мы сбежали из гримерки, чтобы не встречаться с Роузом, Nirvana отказалась от предложения выступить на вечеринке в честь дня рождения Роуза. (Ну да, конечно! Знаменитости иногда играют на днях рождения или свадьбах других знаменитостей – но не панк-группы же. Просьба была совершенно абсурдной.) А потом я дал отрицательный ответ на невероятно выгодное предложение – провести стадионные гастроли с Guns N' Roses и Metallica. Один из музыкантов Metallica после этого обратился непосредственно к Курту, и тот еще раз повторил, что никогда и ни при каких обстоятельствах не собирается выступать на одной сцене с Guns N' Roses; судя по всему, этот ответ дошел до ушей Роуза.

Еще Роуз, возможно, завидовал тому, что Nirvana не только затмила его группу на рок-н-ролльной сцене, но еще и сделала это, подписав контракт с тем же лейблом. Так или иначе, какой бы ни была причина, на недавнем концерте Guns N' Roses во Флориде Роуз произнес пространную тираду о «Курте Кобейне, который, по сути, просто сраный торчок, и жена у него тоже наркоша. А если ребенок родится уродом, то их обоих надо посадить».

Кортни посмотрела на Роуза и громким, насмешливым тоном спросила: «Эй, Аксл, не хочешь стать крестным нашей дочери?» Стефани Сеймур посмотрела на Кортни и ехидно спросила: «Ты что, модель?», а Кортни, не медля ни секунды, ответила: «А ты что, ракетчица?»

После этого Роуз и огромный охранник поднялись из-за стола и направились к нам. Фронтмен Guns N' Roses наклонился к Курту и сказал: «Заткни свою бабу, или я тебя вышвырну на улицу». Я поверить не мог, что вижу настолько мультяшное поведение, и очень трудно было сохранить серьезное лицо. Эми Финнерти сидела рядом с Куртом, и тот, хихикая, шепнул ей: «Мне страшно», – а потом повернулся к Кортни с заговорщицкой улыбкой и сказал: «Заткнись, сука», – но таким тоном, что сразу стало ясно, что он насмехается над этим требованием. Мы все расхохотались, и Роуз ушел, недовольно пыхтя. Курт разозлился на дурацкую попытку его запугать, но мы все же доели нашу еду.

Крист и Дейв были разъярены, узнав о выходке Роуза. Хуже того, пара техников Guns N' Roses и их басист Дафф Маккаган раскачивали трейлер, служивший гримеркой Nirvana, пока Финнерти не наорала на них, заставив прекратить: внутри сидела Кортни с ребенком. После этого Маккаган стал угрожать Кристу,

хотя до обмена ударами дело не дошло. В студии были оборудованы две сцены, чтобы ускорить переходы от одного исполнителя к другому. Перед выступлением Nirvana они прошли мимо сцены, оборудованной для Guns N' Roses, и Курт плюнул на синтезатор Аксла.

Курт начал выступление Nirvana с пары аккордов Rape Me, просто чтобы подшутить над сотрудниками MTV. «Я стояла рядом с Джуди Макграт, и она схватила меня за руку», – вспоминает Финнерти. Режиссер посмотрел на Макграт и жестом спросил, не нужно ли прекратить трансляцию. Макграт покачала головой, но все же вздохнула с облегчением, когда группа заиграла Lithium. Дейв Грол начал дразнить Роуза в конце песни, крикнув: «Привет, Аксл. Привет, Аксл. Где же Аксл?» Уже и без того странный день продолжился странным моментом: Крист подбросил свой бас высоко в воздух после того, как песня закончилась, и он упал ему на голову, чуть не отправив в нокаут.

Незадолго до вручения награды «Лучший видеоклип» Курт увидел Эдди Веддера возле сцены и после некрасивой истории с Роузом решил, что вокалист Pearl Jam ему все-таки достаточно близок по духу. Пока Эрик Клэптон играл Tears in Heaven, два певца исполнили медленный танец, который показал, что публичный разлад между двумя крутейшими группами из Сиэтла пошел на убыль.

Nirvana получила награду «Лучшее альтернативное видео» за Smells Like Teen Spirit, и Курт, всегда стремившийся подорвать рок-клише, договорился, что на вручение вместо группы выйдет двойник Майкла Джексона. А вот вторую награду, «Лучший новый артист», группа уже получила сама. Курт начал: «Я хотел бы поблагодарить свою семью, наш лейбл и наших настоящих фанатов», – а затем сделал небольшую паузу. Крист, зная, что Курт хочет высказать широким массам свое отношение к статье из Vanity Fair, вставил: «Нельзя же верить всему, что видишь и слышишь, правильно?», – и Курт продолжил: «Знаете, очень трудно верить всему, что читаешь», – и улыбнулся на камеру, но улыбка вышла натянутой и быстро превратилась в гримасу. После эфира победителей отвели в палатку для прессы, и Курт, со своим безупречным медиачутьем, с негодованием рассказал о том, как Роуз угрожал ему и его жене.

В следующие несколько недель, несмотря на все переживания, вызванные статьей из Vanity Fair, Курт был просто опьянен общением со своей дочерью Фрэнсис. Они с Кортни относились к ней с веселой несдержанностью, характерной для новоиспеченных родителей. Впрочем, поскольку у него не было родственников, на которых можно было положиться, Курт часто

звонил Розмари и спрашивал совета – в том числе однажды спросил, что нужно делать (и нужно ли), если ребенок пару дней не какает.

Кортни делала все, что от нее требовалось, чтобы убедить официальных лиц, что она готова исполнять родительские обязанности. Доктор Фремонт 22 сентября отправил письмо от ее имени: «С 9 сентября Кортни в разное время сдает анализы мочи. Все они совершенно чисты. Она общается с наркологом, клиническим психологом, посещает врача-педиатра в центре планирования семьи и еженедельно проходит обследования в моем кабинете. Она твердо намерена победить, и ее прогноз, учитывая все вышеперечисленные меры, очень благоприятен».

Поскольку социальные службы завели процесс из-за статьи в журнале, я решил, что позитивная история сможет немного снизить напряжение. Роберт Хилберн, долго работавший редактором музыкального отдела в Los Angeles Times, всегда выступал на стороне рок-музыкантов, которыми восхищался (среди них – Джон Леннон и Брюс Спрингстин), и с самого момента выхода Nevermind он спрашивал, можно ли взять интервью у Курта. Время наконец настало.

Статья вышла в Times 11 сентября, через два дня после VMA, и в ней была изложена именно такая картина, какую мы хотели, особенно в последних словах Курта, обращенных к Хилберну:

«Я не хочу, чтобы мою дочь, когда она подрастет, дразнили в школе… Не хочу, чтобы люди говорили ей, что ее родители наркоманы». Еще он тихим, но твердым голосом сказал, что больше не принимает наркотики. «Нет ничего лучше, чем рождение ребенка, – обезоруживающе говорит Кобейн. – Я всегда обожал детей. В летние месяцы мне доводилось работать в ИМКА, где у меня бывало где-то под тридцать подопечных-дошкольников. Держать на руках ребенка – лучший в мире наркотик». А еще он не хочет быть для подростков-поклонников группы плохим примером для подражания.

Я до сих пор считаю, что Курт тогда говорил искренне. Хилберн взял интервью для статьи и у меня.

Дэнни Голдберг… подтвердил в отдельном интервью, что заметил, как сильно изменился Кобейн с весны.

«Курту очень трудно оказалось справиться с неожиданным успехом, – рассказывал Голдберг. – У него сложная судьба, когда я стал его менеджером, у него в буквальном смысле не было своего жилья. А затем всего за несколько месяцев он превратился в мировую знаменитость. Он какое-то время пребывал в замешательстве, но весной я заметил, как он изменился, увидев ультразвуковые снимки плода. Он повесил их дома на стену.

Сейчас он чувствует себя лучше, чем я когда-либо видел».

Не забывая и о карьере, Курт заверил фанатов, что скоро их ждет новая музыка от Nirvana, при этом сформулировал все так, чтобы городские власти поняли, что и о родительских обязанностях он не забывает.

Мы можем записываться и иногда давать концерты, но вот физические нагрузки от семи месяцев непрерывных гастролей – это для меня слишком. Предпочитаю быть здоровым и живым. Не хочу жертвовать ни собой, ни семьей.

На следующий день, когда я уже поздравлял себя с успехом, Хилберн позвонил мне в необычайно дурном настроении. Я не говорил ему, что Курт и Кортни увязли в юридической тяжбе по поводу родительских прав, но после выхода статьи другой журналист все ему рассказал. Я знал Хилберна и работал с ним почти двадцать лет, и из всех журналистов, писавших о рок-н-ролле, я никого не уважал так, как его.

– У меня такое чувство, словно мной просто воспользовались, – сказал он раздосадованным, гневным тоном, который потряс меня еще сильнее, потому что обычно журналист был очень приветлив. Он застал меня врасплох. Я пытался придумать хоть какой-нибудь ответ, но не мог. После долгого молчания Хилберн продолжил обреченным тоном: – Что ж, если мной и воспользовались, то хотя бы для того, чтобы помочь гению.

Много лет спустя после смерти Курта я спросил Хилберна, считает ли он так же до сих пор, и он ответил: «Конечно».

В последнем за год выпуске Spin Nirvana назвали группой года, на обложку поместили фотографию Курта, Кортни и Фрэнсис, а Джонатан Поунмен из Sub Pop написал позитивную статью под названием «Семейные ценности».

Каким-то образом среди всех рок-н-ролльных взлетов и наркотических падений прошлого года Курт сумел найти психическую энергию, чтобы спроецировать политические идеи, важные для него, в экосферу рок-культуры. Для многих его поклонников эти идеи были не менее важны, чем его музыка.

Глава одиннадцатая
Гражданин Курт

Оглядываясь назад, я поражаюсь, какое же напряжение удалось выдержать Курту всего за несколько недель 1992 года. Статья в Vanity Fair вышла 12 августа. Фрэнсис родилась 18 августа. Концерт в Рединге состоялся 30 августа, а выступление на VMA прошло 9 сентября.

На следующий же день, 10 сентября, Nirvana полетела в Портленд, чтобы выступить хедлайнером на благотворительном концерте на открытой площадке «Портленд Мидоуз», где собралось почти десять тысяч человек. Все доходы ушли на финансирование кампании «No on 9» («Нет закону № 9»), выступавшей против антигейского законопроекта, выдвинутого на ноябрьское голосование в Орегоне.

Прошел год с тех пор, как Курт попросил меня, чтобы DGC изменил пресс-киты Nirvana, делая в них меньший акцент на политику. Он не хотел, чтобы новые фанаты, впервые узнав о Nirvana, подумали, что это политическая группа вроде Dead Kennedys или Fugazi, хотя творчеством обеих групп он вдохновлялся. Вскоре после выхода Nevermind он открыто изложил эту концепцию в интервью малайзийскому журналисту: «У нас есть свои личные политические взгляды, но мы не хотим пихать убеждения в глотку слушателям. Политические группы никогда не были очень эффективны, нельзя ожидать от рок-н-ролльного коллектива, чтобы он всерьез повлиял на политику. В первую очередь мы развлекаем публику».

Однако теперь, когда Nevermind разошелся миллионными тиражами, он был готов изменить курс. Образ, созданный Куртом для себя, объединял юмор, музыку и панковскую злость с прогрессивными ценностями. Он ценил своего внутреннего мужлана, но при этом ненавидел культурный консерватизм. Чувствуя, что большая слава несет с собой и большую ответственность, Курт решил откровеннее говорить о некоторых политических вопросах, в частности, связанных с феминизмом и правами геев.

В этом новом контексте переговоры о благотворительном концерте вышли легкими. Пару месяцев назад мне позвонил Гас Ван Сент, режиссер известных фильмов «Аптечный ковбой» и «Мой личный штат Айдахо», и спросил, не хочу ли я произнести речь на благотворительной акции против антигейского законопроекта в Орегоне. Акцию планировалось провести в его

доме, среди приглашенных гостей значились актеры Розанна и Том Арнольд (в те дни Розанна придерживалась левых взглядов), но ему хотелось привлечь и кого-нибудь из ACLU. Я легко согласился, после чего Ван Сент изложил мне свой настоящий замысел. Не сможет ли Nirvana выступить на благотворительном концерте в Портленде, чтобы помочь собрать деньги и привлечь внимание к кампании? Я знал, что Курт поклонник его фильмов и поддержит это начинание, но, учитывая, какой уровень подготовки требуется для выездного концерта, я попросил режиссера обратиться к группе лично.

Вскоре Курт и Кортни пришли к нам домой, чтобы поужинать с Ван Сентом и его бойфрендом Дирком-Яном Хаанраадтсом (он называл себя Диджей). Курт отказался участвовать в голливудской акции, которая должна была пройти на следующий день, потому что в этой среде ему всегда было некомфортно, но сразу же согласился на предложение выступить на благотворительном концерте.

Диджей вспоминает, как искренне огорчились Курт и Кортни, узнав, что один насильник недавно пел своей жертве Polly. Самое живое воспоминание Ван Сента о том вечере – то, как они вчетвером вышли в сад покурить. Кортни достала музыкальный журнал, в котором было интервью Pearl Jam. Она вслух зачитывала каждую цитату Эдди Веддера, сопровождая их «несколькими абзацами едких комментариев, а Курт смотрел на нее и ухмылялся». Несмотря на то что Курт и Веддер неплохо друг к другу относились лично, он все равно видел в нем соперника и «явно получал от этого немалое удовольствие». То была единственная встреча Ван Сента и Курта.

Оскорбительный законопроект был разработан правой группой под названием «Гражданский союз Орегона». «Законопроект Орегона № 9», как он официально назывался, должен был добавить в Конституцию штата следующую фразу: «Никакие правительственные организации Орегона не могут использовать свои денежные средства или собственность, чтобы пропагандировать, поощрять или способствовать проявлениям гомосексуализма, педофилии, садизма или мазохизма. Все уровни правительства, включая государственную систему образования, обязаны содействовать созданию стандарта для молодежи Орегона, гласящего, что подобное поведение ненормально, неправильно, неестественно и извращенно, и ему нужно препятствовать и избегать его». Среди прочих одиозных последствий, принятие этого законопроекта привело бы к запрету гомосексуалистам работать учителями государственных школ.

У Орегона была либеральная репутация и собственная панк-

роковая сцена, но в штате было немало и религиозных консерваторов. Законопроекты – всегда очень нервическая вещь, потому что мобилизованное, страстное меньшинство может одержать верх, если большинство избирателей не проявят инициативы при голосовании и предпочтут оставить пункт пустым.

Скот Накагава, один из директоров кампании «No on 9», объясняет:

– ЛГБТ-сообщество было просто в ужасе. В 1988 году «Гражданский союз Орегона» (Oregon Citizens Alliance, или просто OCA) спонсировал «Законопроект № 8», в котором попытались отменить административный указ губернатора Нила Голдшмидта, запрещающий дискриминацию при приеме на государственную службу по признаку нетрадиционной сексуальной ориентации. «Законопроект № 8» был принят в основном благодаря оплаченной OCA рекламе, в которой продвигалась идея, что мужчины-гомосексуалисты – сексуальные хищники, а гомосексуальная идентичность – это результат растления в детском возрасте. Сообщество, которое оклеветали, застыдили и разгромили всего четыре года назад, снова попало в центр внимания. Кампания «No on 9» стала борьбой за реабилитацию».

Насколько мне известно, у Курта никогда не было отношений с мужчинами. Однако он давно считал гей-сообщество своими союзниками в борьбе против нетолерантности и притеснения, и многие его любимые деятели искусства были геями. Вот как Курт описывал свой родной город Абердин журналистам из фанзина Джиму Кротти и Майклу Лейну: «Очень маленький город с кучей людей, у которых очень ограниченный ум. Проще говоря, если ты не готов работать в лесозаготовительной промышленности, тебя либо изобьют, либо прогонят из города». Курт добавил: «Если бы я не влюбился в Кортни, то стал бы бисексуалом». (Интервью брали у них дома, и Кортни, услышав эту фразу, в шутку крикнула ему: «Педик!»)

Курт рассказал Азерраду, что в старших классах «гордился тем, что почти гей»: «У меня был друг-гей, который попробовал флиртовать со мной. Я спокойно ответил ему, что не гей, но все равно буду с ним дружить. Я практически нашел свою идентичность». Музыкальный критик-феминистка Энн Пауэрс вспоминает, как впечатлилась «тем, что Курт предстает перед миром, проявляя себя квиром, хотя сам предпочитает женщин. В 2018 году у нас есть термин «гендерквир», он означает, что ваше поведение на публике не соответствует вашей сексуальной ориентации. Именно таким Курт был в начале девяностых, когда термина для описания еще не существовало».

Nirvana была хедлайнером благотворительного концерта для кампании «No on 9»; на разогреве у них выступили такие коллективы, как Poison Idea и Helmet. Ведущим вечера был Джелло Биафра, вокалист Dead Kennedys, одной из групп, которые Курт часто называл хорошим примером радикально-политических панковских коллективов. К 1992 году Биафра стал артистом словесного жанра и обрадовался возможности принять участие в концерте. Он вспоминает:

– Это реально была честь для меня, учитывая, какими известными были все эти группы, а я все еще обитал намного ниже стеклянного потолка, занимаясь всякими андеграундными вещами. Меня приятно удивило, насколько откровенными и политически активными оказались многие ключевые гранж-группы. Это было совсем не похоже на членорок семидесятых.

Биафра добавляет: «То, что Nirvana вообще согласилась выступить на концерте, посвященном такой неоднозначной теме, как «No on 9», уже было очень круто». Между выступлениями он ходил среди зрителей и слышал фразы типа «Я-то думал, это просто концерт Nirvana. Даже не знал, что это все ради пид*расов». Биафра считает, что «концерт помог открыть кому-то глаза, перевернуть взгляды некоторых людей».

Nirvana исполнила довольно длинный сет и практически не говорила о политике до самого конца шоу. Сыграв Blew, Курт и Крист рассказали о вчерашней конфронтации с Акслом Роузом.

Курт: Знаете, вчера мы с женой сидели в палатке перед церемонией MTV, мимо прошел Аксл Роуз, и мы крикнули ему: «Аксл, хочешь стать крестным нашего ребенка?», – а он остановился, повернулся и показал на мою жену пальцем.

Крист: Вместе с охранником.

Курт: Ага, с ним было около двадцати охранников.

Крист: А ты держал на руках маленького трехнедельного младенца.

Курт: У меня на руках маленький беспомощный ребенок, а он говорит моей жене: «Заткнись, сучка, не предлагай мне сегодня всякой херни», потому что «сегодня», очевидно, было высшей точкой его карьеры – вот мудак!

Крист: (цитируя печально известную песню Роуза One in a Million) «Ниггеры» и «педики» – он так и сказал.

Курт: А потом он посмотрел на меня и говорит: «Заткни рот своей бабе, или я тебя на улицу вышвырну». Меня трясло, я ответил: «И что ты сделаешь? Побьешь меня?» Он говорит: «Заткни ей рот. Ты позоришь всех, ты позоришь свою жену, ты позоришь своего папашу, ты позоришь меня». Я весь трясся.

Крист: Все так и было. Вы первые, кто об этом слышит. А

потом я столкнулся с Даффом Маккаганом, и этот парень полез драться, а с ним было три охранника, которым тоже хотелось со мной потолкаться.

В этот момент какой-то парень-подросток запрыгнул на сцену и попытался привлечь внимание Курта. Курт показал охранникам, чтобы те его не трогали, и даже разрешил явно обдолбанному фанату говорить в микрофон.

Фанат: Эй, чувак, я не хочу заступаться за Аксла, или еще что-то такое, но не хочу заступаться и за Курта.

Крист: Слушай, тут придется выбирать сторону. Ты либо за «номер девять», либо против. Выбирай сторону, чувак.

Фанат: Я против «номера девять», но я говорю про Аксла.

Крист: Ты говоришь про мудака.

Фанат: Чувак, слушай, пусть музыка будет музыкой. Пусть все высказывают всё, что хотят, чувак, будь то хард-рок или Nirvana.

Я видел, как Курт внимательно выслушал парнишку, а потом прошел к микрофону, положил ему руку на плечо и обратился к нему как старший брат.

– Но нельзя любить рок-звезду, которой, очевидно, нравится бить женщин, контролировать женщин и затыкать женщинам рот, которая, очевидно, является расистом и гомофобом. У него есть право высказываться – но и у нас тоже.

Парень робко кивнул и пожал Курту руку, и зрители взревели. Все выглядело так, словно Курту удалось заставить его передумать на глазах у тысяч людей. По-моему, это был один из самых крутых рок-н-ролльных моментов из всех, что я видел лично. Затем группа сыграла Rape Me, песню, которую MTV не разрешил им исполнить вчера, а после нее – All Apologies, тоже на тот момент нигде не выходившую. Я не был в Рединге, так что впервые услышал ее текст, в том числе и строчку «Что я еще могу сказать? Все – геи».

Биафра вспоминает: «Тогда многие считали, что Курт очень хрупкий. Он действительно захочет приехать и сыграть? Но тем вечером казалось, что он искренне наслаждается жизнью, выкладывается и делает те же самые первобытные вещи, что и тогда, когда Nirvana была в своей лучшей форме».

После выступления Nirvana я познакомил его с Куртом. Биафра вспоминает:

– Он прошел через всякую херню в таблоидной прессе, и это было видно по его лицу. Он выглядел измотанным и нервным, словно ожидая, что вот-вот случится что-нибудь еще. Мне было его жалко, но я все равно не смог сдержаться и пошутил, что мне очень обидно, что он не назвал ребенка в мою честь. Он подумал,

что я это серьезно, так что я быстро объяснился, и мы еще немного поболтали.

Курт был рад такой позитивной встрече с одним из своих героев, а когда я стал восторгаться их выступлением, довольно улыбнулся мне. В кои-то веки он не критиковал только что отыгранный концерт.

В электронном письме десятилетиями позже Накагава назвал концерт Nirvana главным переломным моментом кампании. «Евангелическая правая группа за рекордное время собрала достаточно подписей, чтобы выставить на голосование вопрос, который для многих звучал, по сути, примерно как «Это вообще полноценные люди?» Спонсировать кампанию против этой инициативы никто не брался. Нужно было изменить положение дел, и этому помог концерт Nirvana. Nirvana сделала кампанию привлекательной. Количество волонтеров резко возросло, равно как и уверенность спонсоров, и многие в сообществе испытали облегчение. Они чувствовали себя не такими одинокими и испуганными. Концерт сделал нас крутыми, а крутость – это не просто пара солнечных очков. Крутость – это современность, культурная важность, влиятельность, включенность». В ноябре «Законопроект Орегона № 9» был баллотирован с преимуществом в тринадцать голосов.

Публичная приверженность Курта делу борьбы за права геев оказала влияние и на многие другие части гей-сообщества. Вскоре после благотворительного концерта группа Pansy Division выпустила песню под названием Smells Like Queer Spirit и на обложке написала о Nirvana следующее: «Ни одна суперзвездная американская группа раньше не решалась так открыто заявить о своей поддержке геев».

Марко Коллинз, программный директор ведущей сиэтлской альтернативной рок-станции KNDD (известной еще как «Конец»), получил эту работу вскоре после выхода Nevermind и к тому времени еще не совершил каминг-аута.

– Я скрывал свою ориентацию. Курт был самой большой рок-звездой в мире. Зная, что он поддерживает геев, я ощущал себя комфортнее.

Через несколько месяцев Курт по-прежнему эксплуатировал историю с Акслом Роузом, рассказав Патрику Чингу из сингапурского журнала Big O: «Не хочу прозвучать претенциозно, но для меня это настоящий крестовый поход. Я думаю, что Guns N' Roses продвигают неправильные ценности, например, сексизм. Против чего они бунтуют? Бунт – это борьба против людей вроде Guns N' Roses».

На следующий день после концерта «No on 9» Nirvana

выступила еще на одном благотворительном концерте – на этот раз в Сиэтле, в поддержку антицензурной группы Washington State Music Coalition, которую создало местное отделение ACLU, и других групп для борьбы с законопроектом под названием «Закон об эротической музыке». В нем предлагалось запретить детям до восемнадцати лет покупать альбомы или ходить на выступления исполнителей, тексты которых правительство считало неприемлемыми, что, по сути, делало немало концертов – особенно панк-роковых – недоступными для подростков-старшеклассников.

Губернатор штата Вашингтон Бут Гарднер недавно похвастался, что Вашингтон – это «родина Nirvana», так что я позвонил в его приемную, представившись одним из менеджеров группы. Губернатор принял мой звонок, но сказал, что подпишет законопроект (судя по всему, для того, чтобы умаслить культурных консерваторов). Впрочем, потом он добавил, что группе беспокоиться не о чем, потому что суды просто не позволят применить этот закон на практике. Меня огорчило его отсутствие политической смелости, но Гарднер оказался прав: верховный судья штата Вашингтон вскоре объявил закон неконституционным. Насытив СМИ своими интервью, Курт отказывался от большинства предложений, но вот ЛГБТ-журналу The Advocate он сказал «да». Интервьюер Кевин Оллмен позже писал о Курте: «Он был умным, веселым, саркастичным человеком, которого совершенно не впечатлял статус всемирно известной рок-звезды. На самом деле он был в небольшом ужасе – и потому, что превратился в корпоративный товар, и потому, что его обожали тупоголовые фанаты того самого сорта, которых он терпеть не мог. Он отождествлял себя скорее с изгоями и жертвами травли. Курт и Кортни спросили, кого я больше люблю – Beatles или Rolling Stones. Они сами назвали себя поклонниками Beatles».

Курт снова изложил свою теорию о подрыве реакционерской культуры изнутри, сказав, что пусть MTV и является корпоративным людоедом, «он тоже сыграл свою роль в повышении сознательности». И добавил: «Мне кажется, что среди рок-звезд распространяется новая, позитивная сознательность, например, Rock the Vote (кампания по регистрации избирателей, которую проводил MTV)… Если бы Джелло Биафра стал мировой звездой, это было бы очень круто. Но он не сотрудничает с мейджор-лейблом и не пишет достаточно коммерческую музыку, чтобы ее можно было использовать как инструмент».

Курт рассказал Оллмену, что в старших классах его называли «педиком» и что они с Кристом в юности написали краской из

баллончика «ГОМОСЕКС – ЭТО КРУТО» на стене банка. «Какое-то время я думал, что я гей, потому что ни одна девушка в старших классах школы не казалась мне привлекательной. У них были просто ужасные прически и идиотские взгляды… но сексуально меня все равно больше привлекают женщины. Я определенно гей по духу, и, возможно, мог бы быть бисексуалом. Но я женат, и я люблю Кортни больше, чем когда-либо любил другого человека».

Когда эта статья готовилась к публикации, один нью-йоркский колумнист опубликовал слух, что Курт и Кортни собираются совершить каминг-аут в интервью, что было неправдой. Оллмен, испугавшись, что они подумают, что это он приписал им эти слова, тут же позвонил, чтобы извиниться; Курт просто засмеялся и ответил: «Не беспокойся, такое постоянно происходит».

Год спустя в письме редактору Курт писал: «Из всех откровений и, э-э-э… нытья, которым я занимался в девяносто третьем, спокойнее всего я себя чувствовал, беседуя с The Advocate. Что я могу сказать? Спасибо редакторам. Я всегда буду на стороне голубых».

Как и в случае со всеми остальными аспектами артистической деятельности, Курт выражал политические ценности через рок-н-ролл по-особенному. Были группы вроде REM или Pearl Jam, которые регулярно выступали на благотворительных концертах, но редко затрагивали политические темы в творчестве. Были коллективы вроде Rage Against the Machine, чей дебютный альбом вышел через год после Nevermind; они включали в свою графику и тексты левацкие, и анархистские образы. Курт сумел пройти по срединному пути: органично вписал свои ценности в музыку Nirvana, при этом не занимаясь явными проповедями. Он не считал подобный активизм приложением к своему искусству, но – неотъемлемой его частью. В одном из дневников он писал: «Есть небольшой процент людей, которые РОЖДЕНЫ со способностью чувствовать несправедливость. У них есть склонность к борьбе с несправедливостью и поиску ответов. Эти ребята – обычно гиперактивные, неуправляемые сорванцы, которых невозможно остановить».

Именно таков был контекст миссии по расширению представлений о рок-н-ролльной маскулинности, которую Курт возложил на себя. The Beatles сделали сексуальными длинные волосы, Дэвид Боуи – андрогинность, а Курт воплощал собой идею, что крутой парень может рычать громким голосом, но при этом быть сострадательным и чувствительным.

Вскоре после того, как Кортни съехалась с Куртом, она с

гордостью рассказывала мне: «Знаете, Курт сделает рок женственным». Он понял, что внезапно получил доступ к аудитории, которой нравится еще и хеви-метал, и поп-музыка и немалая часть которой никак не связана с ценностями, столь важными для него. На рок-фестивалях Курт и Крист иногда злились из-за того, что некоторые фанаты, аплодирующие их песням, выглядят точь-в-точь как ребята, которые били их в старших классах. Другие же просто следовали новейшей моде. (В 2017 году Иванка Трамп сказала, что прошла через «панковскую фазу» и «обожала» Nirvana. Курт бы наверняка содрогнулся.)

Энн Пауэрс отмечает: «Как по мне, Курт Кобейн стал апофеозом определенного направления в инди-роке, которое скорректировало излишества классического рока; на одном уровне оно было немного пуританским и негативным, но на другом боролось против идеи, что женщины – просто объекты потребления, а удовольствие обязательно связано с их эксплуатацией. По его работам очевидно, что эти идеи оказали глубокое воздействие на его мировоззрение – он считал, что женщины равны мужчинам как великие творцы, не только в мире в целом, но и в рок-н-ролле в частности. Его личные отношения тоже отражали это. Он встречался с женщинами-музыкантами. На обложке Sassy Курт и Кортни были одеты в свитера друг друга. Курт и Кортни представили миру работающее артистическое партнерство.

После смерти Курта Джессика Адамс из британского журнала Select писала: «Курт был очень добр ко мне, когда я брала интервью у Nirvana в Сиэтле. Где бы ты сейчас ни был, Курт, знай, что тебя любят и что ты важен, особенно для женщин, за которых ты всегда заступался».

Учитывая, что Nirvana выпустила только три студийных альбома, а еще склонность Курта к нелинейным, импрессионистским текстам, удивительно, насколько во многих его песнях можно найти феминистский подтекст. Курт объяснил смысл текста In Bloom в интервью, которое дал для DGC в первые месяцы после выхода Nevermind: «Я не люблю реднеков, я не люблю «настоящих мужиков», я не люблю людей, склонных к насилию». Одному итальянскому журналисту он рассказал о Territorial Pissings, отчасти вдохновленной чувствами Курта, которые он испытывал, видя, как обращаются с индейцами в окрестностях Абердина, где он рос. «Здесь есть ссылки на людей, живущих в североамериканских резервациях; людей, которых разгромили разъяренные американцы». А еще, по словам Курта, это о сексизме: «В то же время песня о том, как важно ценить женщин. Я на их стороне, потому что ненавижу насилие, которое

им приходится терпеть, ежедневную несправедливость, с которой они живут лишь потому, что принадлежат не тому полу».

После репортажей о том, что настоящий насильник спел жертве Polly, Курт стал более открыто объяснять смыслы своих песен и сочинил Rape Me. Исполняя ее на хеллоуиновском концерте в Сиэтле, он объяснил зрителям, что это песня о «волосатых, потных мужиках-реднеках, которые насилуют».

Курт все еще испытывал трудности с поиском баланса между исполнительством и проповедничеством. Он сказал Филу Сатклиффу из британского журнала Q, что его неприятно поразила сцена на концерте в Нью-Йорке, когда «девушку подняли над головами зрителей, и мужчины в зале стали свистеть и кричать ей. Это меня очень расстроило, но что я должен был сделать? Бросить гитару и орать на них, что это плохо? Это ничем не поможет. Fugazi так постоянно делают, и это только всех бесит».

Однако в конце 1992 года Nirvana отправилась в короткое турне по Латинской Америке. Курт был разъярен, когда зрители в Буэнос-Айресе освистали их разогревающую группу Calamity Jane, феминистский панк-коллектив из Портленда, который дружил с Кортни. Монтгомери вспоминает, что Курт «воспринял это как личное оскорбление, зрители показались ему толпой мужиков-женоненавистников». Курту удалось придумать единственный способ отомстить им за это – отказаться играть Smells Like Teen Spirit.

Он три раза сыграл первые аккорды знаменитой песни, но так и не спел ее. После концерта он сказал местному журналисту: «Зрители не заслужили, чтобы мы ее играли».

В отличие от некоторых анархистов из панковского мира, Курт без проблем умел отделять утопические идеалы от реального выбора на голосовании. Он презирал многие политические решения администрации Рейгана и Буша и не раз говорил мне: «Республиканцы – зло».

В 1992 году состоялись президентские выборы. Курт с энтузиазмом относился к бывшему (и будущему) губернатору Калифорнии Джерри Брауну, который превзошел ожидания, победив Билла Клинтона на нескольких праймериз Демократической партии. Услышав выступление Брауна в радиоэфире, Курт и Кортни позвонили мне и возбужденно рассказали, что пожертвовали максимально возможную сумму в 100 долларов на кампанию Брауна, завершившуюся в результате неудачей. На выборах Курт проголосовал за Клинтона, но, насколько мне известно, публично сказал об этом лишь один раз – аргентинскому журналисту, который спросил его, не

задумывался ли он, чтобы проголосовать за независимого кандидата Росса Перо. Курт ответил: «Он плохой. Он богатый. Я не доверяю ему как президенту. Не хочу тратить свой голос зря. Лучше уж помогу сделать так, чтобы Буш не остался президентом».

Однажды вечером в 1992 году я спорил с консервативным ведущим ток-шоу Деннисом Прагером об отделении церкви от государства. Мне нравилась моя должность как члена совета ACLU, но я никогда не рассказывал об этом музыкантам, с которыми работал, или даже коллегам в моем офисе, потому что не хотел, чтобы они чувствовали себя обязанными соглашаться со мной или посещать какие-нибудь собрания, а уж конкретно это мероприятие вообще было для особых нердов. Я изумился, увидев Курта и Кортни в числе примерно сотни зрителей, собравшихся в «Хиллель-Центре» Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. По-моему, никто из слушателей даже не представлял, кто именно сидит рядом.

В какой-то момент Прагер задал гипотетический вопрос:

– Если вы идете ночью по темной улице и видите группу людей, которые движутся в вашу сторону – вы почувствуете себя в большей или меньшей безопасности, зная, что это религиозная группа?

Я ненадолго задумался над ответом, и в возникшей паузе Кортни громко сказала с места:

– Если бы я шла делать аборт, то почувствовала бы себя намного в меньшей безопасности, зная, что это толпа христиан, выступающих против прерывания беременности.

Ни у Прагера, ни у слушателей не хватило смелости ей возразить.

После этого мы пошли ужинать в Canter’s Deli, любимую забегаловку Курта неподалеку от их квартиры. Мне казалось, что я не очень хорошо выступил в дебатах с Прагером, весьма искушенным в демагогии. Курт заверил меня с сияющей улыбкой: «Нет, было круто. Мы отлично развлеклись!» Вышло трогательное изменение ролей. Обычно это я ему говорил, что все хорошо.

Еще Курт был сторонником прогрессивной медиагруппы FAIR, которая указывала на консервативный уклон в масс-медиа, а также всегда поддерживал политические интересы Криста. Родители басиста были хорватами, и Боб Гуччоне из Spin заказал ему статью о войне на Балканах. Крист пожертвовал гонорар в 3000 долларов благотворительному фонду, который помогал жертвам изнасилования на войне, а Nirvana выступила на благотворительном концерте, посвященном той же самой теме, в сан-францисском «Кау-Пэлэсе». Когда на MTV Курта спросили,

почему он не собирается говорить на эту тему со сцены, он ответил: «Мне кажется, долгие речи здесь бесполезны. По-моему, самого факта, что мы там выступим, и литературы, к которой получат доступ люди, будет вполне достаточно». Дейв поддерживал все эти начинания, а в интервью добавил к имиджу Nirvana еще и образ поборника рабочего класса, сказав, что его мама несколько десятилетий проработала школьной учительницей.

Курт подробнее рассказал о своей концепции активизма в интервью The Advocate: «Я был беспомощен в 12 лет, когда избрали Рейгана, и не мог ничего с этим поделать. Но сейчас наше поколение растет, ему лет по двадцать пять, и оно не станет ни с чем мириться… Я бы, конечно, предпочел Джерри Брауна… но, определенно, доволен тем, что избрали Клинтона… Челси, похоже, довольно милая девчонка, носит Birkenstock». Он добавил: «Эми Картер тоже классная, насколько я знаю. Мне говорили, что ее видели на концертах Butthole Surfers!»

В то же время та часть Курта, которая отвечала за создание его произведений, никогда не забывала о том музыкальном следе, который он хотел оставить с Nirvana.

Глава двенадцатая
Incesticide

Через несколько месяцев после выхода Nevermind мы узнали, что Sub Pop планирует выпустить компиляцию старого неизданного материала Nirvana под саркастическим названием Cash Cow («Дойная корова»). По просьбе Курта, мы уговорили Geffen заключить договор с Sub Pop, по которому они отменили издание альбома и передали лицензию на этот старый материал Geffen, чтобы Курт сделал компиляцию лично. Сначала он окрестил этот альбом Throwaways («На один раз»), но потом придумал название Incesticide, и под ним он вышел на DGC незадолго до Рождества 1992 года.

В прошлом году Боб Дилан издал свой первый «официальный бутлег», показав, что подборку раннего материала можно представить как серьезное артистическое заявление и что для этого есть рынок. Курт, конечно, никогда не признавался в этом публично, но я знал, что отчасти он смотрел на свой «канон» сквозь ту же самую призму даже на раннем этапе карьеры. Incesticide должен был стать великолепным подарком для панковской части аудитории Nirvana, которые хотели слышать «сырой» саунд с Bleach, и эту миссию он исполнил с блеском. В 2013 году историк Nirvana Ник Солсби посвятил альбому целую книгу – Dark Slivers: Seeing Nirvana in the Shards of Incesticide.

Альбом включал в себя несколько треков, уже выпущенных на миньоне Hormoaning, который вышел только в Австралии и Японии. Поскольку многие записи были сделаны за несколько лет до Nevermind, на альбоме засветились целых четыре барабанщика: не только Дейв Грол, но и Чад Ченнинг, Дейл Кровер и Дэн Питерс.

Как писала Дженн Пелли в 2018 году в посвященной альбому элегии на три тысячи слов в Pitchfork, «Incesticide воплощает собой свободное пространство панка – отчасти аутсайдерское визуальное искусство, отчасти панковский фанзин, возбуждающе сырое… Nirvana словно тайком сунула фанатам пиратскую кассету… Записи у Джона Пила, каверы, демоверсии… голос, как у умирающего дикого животного, беззастенчивый феминизм и – да, козомахательный членорок под названием Aero Zeppelin». (Обсуждая идею этой песни в пресс-релизе, посвященном альбому, Курт сказал: «Господи Иисусе! Давайте просто накидаем в кучу хеви-металлических риффов и дадим треку странное название, отдав дань уважения паре наших любимых

мастурбационных рок-групп семидесятых».)

Для этого релиза Курт опять-таки очень плотно работал с обложкой. «Прихожу как-то однажды на работу, а Курт показывает мне рисунок», – вспоминает Фишер, описывая сюрреалистичную, пугающую картину Курта со скелетообразными существами из его воображения. Для задней обложки он дал фотографию одной из резиновых уточек, коллекцию которых собрал за прошлый год.

Курт попросил Керслейка снять клип на Sliver. То было стилизованное исполнение песни на репетиционной базе, где Курт с дикими глазами атаковал камеру, добавляя интенсивности цепляющему припеву. Кадры чередовались с фотографиями милой малышки Фрэнсис – еще один признак «нормальности» этой части его жизни. Еще он настоял, чтобы Керслейк снял крупным планом панковскую библию Maximum Rocknroll, – это стало жестом уважения к инди-субкультуре. К 2018 году клип набрал более тридцати трех миллионов просмотров на YouTube – неплохо для «одноразовой» вещи.

На других альбомах Nirvana никаких примечаний в буклете не было, и я даже не представлял, что Курт пишет их для Incesticide, пока он не прислал мне эти строки по факсу незадолго до даты сдачи оформления. Он использовал их, чтобы обратиться напрямую к фанатам, минуя посредника-интервьюера.

В примечаниях Курт рассказал, насколько ему важно было общаться с артистами, которыми он восхищался, в том числе The Raincoats, Shonen Knife и Sonic Youth («я попал к ним под крыло, и мне показали, что такое на самом деле достоинство»). Еще он назвал благотворительные концерты «Rock for Choice» и «No on 9» моментами, «ради которых стоит жить», после чего написал: «Это все, конечно, замечательно, но и вполовину не так прекрасно, как завести ребенка с человеком, который является потрясающим примером достоинства, этики и честности. Моя жена борется с несправедливостью, и ее имидж попал под такую жестокую атаку потому, что она решила функционировать не так, как хотят от нее люди из корпораций». Курт ответил и критикам из Олимпии: «Я нисколько не стыжусь того, что коммерчески эксплуатирую совершенно выдохшуюся молодежную рок-культуру, потому что на данном этапе музыкальной истории панк-рок (хотя, конечно, кто-то до сих пор считает его священным) для меня мертв».

Впрочем, самым запоминающимся моментом стала линия, которую Курт прочертил для рок-аудитории. «А теперь у меня просьба к нашим фанатам. Если кто-то из вас ненавидит гомосексуалистов, людей другого цвета кожи или женщин, пожалуйста, окажите нам одну-единственную услугу: оставьте

нас, на хрен, в покое! Не приходите на наши концерты и не покупайте наши пластинки».

Закончил он фразой: «Если бы не эти люди, мир бы сосал яйца», – за которой шел список, который начинался с имен Дэнни Голдберг, Джон Силва, Гари Герш, Розмари Кэрролл» и включавший в себя также Джанет Биллиг, Антона Брукса, Крейга Монтгомери, Марка Кейтса, Джона Розенфельдера, Эда Розенблатта, Дэвида Геффена, Эми Финнерти, Джонатана Поунмена, Брюса Пэвитта и Нильса Бернштейна с Sub Pop, Эверетта Тру, Боба Гуччоне-младшего (редактора Spin), Лорен Спенсер, написавшую историю с обложки для Spin, Расселла Уорби (европейского букинг-агента) и турменеджера Nirvana Алекса Маклауда. Дженн Пелли из Pitchfork пишет: «Примечания из буклета – это самый пронзительный документ из тех, что показывают, насколько сильно Nirvana проникла в популярную культуру.

Через три месяца после публикации статьи в Vanity Fair Линн Хиршберг по-прежнему оставалась занозой в боку Курта и Кортни. Розмари ответила на враждебное письмо адвоката Хиршберг Ричарда Бернштейна 19 ноября:

Курт Кобейн и Кортни Лав недвусмысленно отрицают то, что звонили Линн Хиршберг с угрозами или запугиваниями. Они не звонили миссис Хиршберг в гостиницу в Калифорнии вечером 27 октября 1992 года, как утверждаете вы. Они даже не знали, что она в Калифорнии… единственный контакт между кем-либо из них и миссис Хиршберг заключался в том, что Кортни оставила два сообщения на автоответчике миссис Хиршберг вскоре после публикации статьи. В этих сообщениях, оставленных несколько месяцев назад, не содержалось ни запугивания, ни угроз миссис Хиршберг, – в них лишь требовали объяснений по поводу клеветнического и диффамационного содержания статьи; эту тему мы с вами подробно обсуждали в моем письме от 2 сентября 1992 года.

Мои клиенты попросили меня добиться, чтобы вы порекомендовали миссис Хиршберг оставить их в покое. Они находят ее одержимость их семьей пугающей, и их весьма раздражает, что она по-прежнему пытается незаметно проникнуть в их карьеры.

Я часто пытался поставить себя на место Хиршберг. Учитывая ее культурную предвзятость, я предполагал, что Хиршберг сумела убедить саму себя, что поступает правильно и праведно, описав Курта и Кортни именно такими, но зашла в этом непростительно далеко. Она обесчеловечила их и, ссылаясь на неназванные источники, написала такие вещи, которые могли стоить Курту и

Кортни родительских прав. И, похоже, одной статьи ей оказалось мало – ходили слухи, что она говорила гадости о Курте и Кортни другим журналистам.

В январе 2018 года Хиршберг работала редактором в журнале W, и Кортни прислала мне изумленную SMS: кто-то из этого журнала пригласил Фрэнсис на «обед со знаменитостью», который устраивала Хиршберг. Должно быть, это был молодой сотрудник журнала, ничего не знавший об истории семьи, и, конечно же, Фрэнсис попросила своего пиарщика отправить ответ в духе «Никакие приглашения от Линн не будут приняты». Кортни напомнила мне, что, когда Фрэнсис в школьном возрасте поехала в актерский лагерь в горах Катскилл, какие-то задиры дразнили ее «крэковым ребенком» – статью все еще хорошо помнили.

В начале 1993 года началась новая драма, из-за которой Курт и Кортни опять почувствовали себя в осаде. Бритт Коллинз и Виктория Кларк, две британские журналистки из журнала Lime Lizard, продали проект книги о Nirvana в Hyperion, книгоиздательский отдел Disney. Рабочим названием книги было Nirvana: Kitty Pettin', Baby Kissin', Corporate Rock Whores; эти слова были написаны на одной из ранних футболок Nirvana. Поначалу группа решила подпустить их к себе. Кларк дали пропуск за кулисы на несколько европейских концертов, и она брала небольшие интервью у Курта, но некоторые вопросы о Кортни вызвали у Курта явный дискомфорт. Вместо книги о Nirvana у нее получалась книга о Курте и Кортни, так что Кларк попросили уехать.

Вскоре после этого писательницы взяли интервью у Линн Хиршберг и поехали в Сиэтл для дальнейшего сбора информации. До Кортни дошли слухи, какие именно вопросы они задают – в основном насчет грязи и употребления наркотиков, и мы поняли, что это будет еще одно убийство репутации. «Они даже позвонили Джуди, тетке Курта!» – возмущенно рассказывала мне Кортни. В таких делах Курт всегда полностью вставал на сторону Кортни. Любое оскорбление его жены было оскорблением его лично.

Джанет ясно давала понять всем интересующимся, что Nirvana не сотрудничает с авторами книги, а большинство друзей Курта отказались с ними общаться, но тревога Курта и Кортни достигла масштабов, казавшихся мне совершенно невероятными. Курт, конечно, писал, что даже у параноиков бывают настоящие враги, но верно и обратное: если тебя преследуют, это еще не значит, что ты не параноик. То был один из немногих случаев, когда Курта подвели его обычно безупречные инстинкты в общении со СМИ.

Дошло даже до того, что Курт и Кортни по очереди оставляли гневные, угрожающие сообщения на автоответчике Кларк, что лишь привлекло внимание к неавторизованной книге. На одной пленке слышится голос Курта, явно сильно обдолбанного: «Вы, мелкие сучки-кровососки… если в вашей книге будет хоть что-то, что сделает больно моей жене, я, б**дь, сделаю больно вам. Мне плевать, если это запишут на пленку. Мое терпение подходит к концу. Я еще никогда в жизни не был настолько, б**дь, серьезен… Наверное, я могу даже выкинуть несколько штук баксов, чтобы вас грохнули. Но сначала попробую законные способы».

Писательницы с удовольствием ставили эти записи любым журналистам, готовым их слушать; некоторые из них обратились ко мне за комментариями. Я солгал New York Times, сказав, что сообщения – «либо злая шутка, которую кто-то сыграл с этими женщинами, либо они сами сделали фальшивку, чтобы привлечь внимание к неавторизованной биографии». Тот же подход я попробовал и со Стивом Хохманом из Los Angeles Times, но он печально ответил мне:

– Я общался и с Куртом, и с Кортни, и я узнаю их голоса. Хохман был моим другом, хорошим человеком и добросовестным репортером, но я собрался с духом и твердо ответил:

– Я их менеджер, и я отрицаю, что это они, и ты обязан напечатать, что я это отрицаю.

Хохман раздраженно вздохнул, но все-таки привел в статье мою ложь. Я никогда не жалел, что пытался их таким способом прикрыть. Я не давал присяги и не нес ответственности за действия правительства, но – выполнял свою работу, защищая своих клиентов. В то же время я беспокоился, что Курт и Кортни потеряли контроль над собой и могут себе навредить.

Кортни прослышала, что Кларк рассказывает людям, как переспала с Дейвом Гролом. На одном из сайтов, где можно прослушать записи на автоответчиках, оставленные Куртом и Кортни, есть сообщение, приписанное Дейву, однако Кортни сейчас говорит, что его оставил Курт, притворившись Дейвом. «Привет, Виктория, это Дейв Грол из Nirvana. До меня тут слухи дошли, что ты рассказала куче народа, что я с тобой спал… Это неприятно и просто отвратительно, так что просто хочу тебя предупредить: если ты не объяснишь всем, что говорила полнейшую неправду, я подам на тебя в суд».

На каком-то этапе Курт и Кортни даже раздумывали, не выкупить ли рекламную полосу в сиэтлской газете The Rocket, чтобы сообщить, что книга не одобрена группой, но мы с Джанет убедили их, что эффект окажется прямо противоположным. Я

прочитал Курту и Кортни целую лекцию, смысл которой заключался в том, что они должны оставить юридические войны Розмари, не говорить о них с прессой, «и, пожалуйста, перестаньте оставлять сообщения на автоответчиках». Через несколько дней Курт позвонил мне и наябедничал на Кортни после того, как она ответила на звонок репортера из Entertainment Weekly и снова повторила, как ее бесят Коллинз и Кларк. «Я говорил ей, чтобы она бросила трубку», – настаивал он. В журнале опубликовали расшифровки записей, а также телефонного разговора между репортером и Кортни.

Вскоре после этого Курт и Кортни пошли на концерт какой-то группы в голливудский клуб «Раджис», и там за столиком уже сидели Коллинз и Кларк. В 2011 году в блоге (в той же записи она сказала, что уже «простила» Кортни) Кларк изложила свою версию того, что произошло далее: «Я почувствовала сильный удар по голове, по моему лицу полилась какая-то жидкость, и я упала на пол, а потом Кортни схватила меня за волосы. Она потащила меня по полу, а Курт стоял и смотрел… Я кричала, звала на помощь, и в конце концов меня выручил вышибала».

Меня там не было, а Кортни говорит, что на самом деле первой в драку полезла Кларк. Мне показалось, что Кларк воспользовалась этим «инцидентом» как еще одним поводом привлечь к себе внимание. Она подала заявление в уголовный суд и наняла одного из юристов Аксла Роуза. В феврале после предварительных слушаний судья отказал в рассмотрении дела.

В своем блоге Кларк, которая много лет встречалась с Шейном Макгоуэном из The Pogues, писала, что сейчас смотрит на происходившее тогда иначе.

Недавно нам с Шейном прислали рукопись новой биографии Pogues. Она вышла очень нелестной для нас обоих. Прочитав ее, я несколько дней ходила расстроенная и сердитая. Сама мысль о том, что кто-то просматривает твою жизнь под микроскопом и пишет о тебе, может причинять боль. Я задумалась: как себя чувствовали Курт и Кортни, зная, что мы с Бритт писали что-то, что может навредить их ребенку или им самим? Разозлилась бы я на их месте настолько, что стала угрожать авторам? Вполне возможно!

Хотя я и не испытывал особых симпатий к этим горе-писательницам, когда это все происходило, меня беспокоила избыточная реакция на них Курта и Кортни – она была совсем непродуктивной. А затем, за пару недель до выхода Incesticide, Курт прислал по факсу дополнительные примечания для буклета, в которых расписывал злодеяния Линн Хиршберг, Бритт Коллинз и Виктории Кларк в частности и прессы в целом. Слава богу,

первая партия дисков была уже отпечатана, лежала на складах и готовилась к отправлению в магазины, так что менять что-либо было поздно, но Курт потребовал, чтобы эти примечания были включены в буклет во всех следующих допечатках. Эта ядовитая тирада лишь подрывала то, что Курт написал до этого. Он стриг всю прессу под одну гребенку – словно абсолютно все, кто пишет о музыке, заслуживают такой же ненависти, как Хиршберг.

Джанет обратилась ко мне, чтобы я не позволил этим примечаниям увидеть свет.

– Вы были «укротителем» Курта, – вспоминает она. – Вы были старше и знали больше о реальном мире, чем все мы.

Меня тоже беспокоило, что эта обличительная речь Курта сильно испортит его имидж, после чего его будет очень трудно восстановить, и позже он об этом пожалеет. Но я был настолько деморализован тем, что телефонные разговоры не возымели никакого действия, что решил написать ему письмо. За исключением бюджетных служебных записок и открыток, сопровождавших рождественские подарки, то был единственный раз, когда я излагал Курту свои мысли на бумаге. Письмо датировано 23 ноября 1992 года.

Дорогой Курт!

В целом нападки на прессу совсем не помогают музыкантам, а в твоем случае это будет особенно разрушительно, потому что и Nirvana, и Hole поддерживают большинство журналистов, несмотря на то, что некоторые презренные недобросовестные деятели принесли тебе немало боли. В понятие «пресса» входят и все журналисты и редакторы, которые не повторяли обвинений из Vanity Fair, которые хвалят и уважают твою музыку. Зачем вызывать враждебность всех этих ни в чем не повинных людей таким обобщением? Ребята из Newsweek, Los Angeles Times, Spin, The Rocket и так далее, которые были твоими союзниками, станут куда меньше тебе симпатизировать в будущем. Даже тем, кому не нравится Линн Хиршберг или ее версия истории, будет очень некомфортно, если ты продолжишь нападать на нее.

Твои гневные выпады прямо противоречат всем попыткам представить тебя как здравомыслящего, ответственного человека. Если, боже упаси, у нас возникнут какие-то новые проблемы с законом, цитаты из нее будут выглядеть странно. Кроме того, «источники-инсайдеры», которыми пользовалась Хиршберг для своей статьи, никуда не делись и, вполне возможно, после этого захотят повторить свои комментарии, уже под запись. Подобный подход привлекает внимание к версии реальности, которую продвигают твои враги, а не к позитивным аспектам

твоей жизни и карьеры (как, например, в статье с обложки Spin).

Сейчас, когда Розмари очень эффективными письмами призывает Линн Хиршберг оставить тебя в покое и заняться своей жизнью, это даст Хиршберг повод снова обзвонить СМИ и выставить все так, словно это ты одержим ею. Не давай ей такого оружия!

Виктории и Бритт тоже будет только выгодно, если ты публично их упомянешь. Чем больше внимания ты им уделишь, тем лучше продастся их книга. Кортни изначально подала очень хорошую идею: предложить кому-нибудь, кому ты доверяешь, написать авторизованную биографию, желательно достаточно известному журналисту (например, Дэнни Шугерману, Эверетту Тру, Майклу Азерраду и т. п.), и она быстро затмит неавторизованную, написанную любителями.

Жалобы успешных людей всегда выглядят в прессе плохо. Несмотря на всю боль и проблемы, которые ты перенес в этом году, пресса все равно считает тебя везунчиком.

MTV дал опровержение слов Курта Лодера, а ты предпринял огромные усилия, чтобы завоевать их благосклонность, выступив на церемонии вручения наград, – и эти усилия увенчались полнейшим успехом: канал не только полностью поддерживает Nirvana, но и очень позитивно относится к Hole. Ты, конечно, никогда не сможешь полностью контролировать все, что они говорят, но они союзники. Зачем вскрывать старую рану и разрушать все, чего тебе удалось достичь?

Нужно было принять во внимание еще один фактор. Розмари и Силва работали над переподписанием контракта с Geffen, который должен был через несколько недель принести группе 4,5 миллиона долларов и повышение авторских отчислений из нескольких источников.

Новый контракт с Geffen еще не подписан, а у компании выдался особенно плохой год. Это не самый лучший момент, чтобы требовать изменений в буклете, которые будут стоить им денег, времени и, возможно, весьма неловкого положения. Даже если ты все-таки решишь опубликовать новые примечания, лучше всего сначала дождаться аванса. Юридически компания никак не обязана повышать твои авторские отчисления или выдавать авансы, не предусмотренные текущим контрактом.

Я твердо верю, что с помощью вашей музыки, умного подхода к работе с прессой (например, примечаний в буклете в том виде, в каком они есть сейчас, статьи в LA Times и Spin), хороших клипов, важных благотворительных концертов вроде «Rock for Choice», а

еще если вы будете порядочными людьми, хорошими друзьями и любящими родителями, вы легко спихнете на обочину людей вроде Линн, Виктории и Бритт.

Иногда – например, когда вы выпустили заявление после публикации в Vanity Fair, или когда Розмари недавно написала письмо юристу Хиршберг, – жесткая конфронтационная поза необходима. Но в целом, когда со стороны кажется, что ты избыточно на кого-то реагируешь, ты не ослабляешь этих людей, а лишь придаешь им новых сил. Вместо того чтобы утопить их, ты поднимаешь их выше над поверхностью. Вместо того чтобы выглядеть сильным, ты выглядишь слабым. По любой мерке ты намного важнее, чем любой из них. Все складывается в твою пользу. Пожалуйста, не причиняй себе совершенно необязательного вреда.

Впрочем, сказав все это, я повторю, что ты мой босс. Если ты настаиваешь, Gold Mountain отправит в печать твои поправки. Думаю, ты должен знать, что я люблю тебя и Кортни и буду поддерживать тебя всеми возможными способами, и все работники Gold Mountain – тоже. Но я не был бы хорошим другом или хорошим менеджером, если бы не изложил тебе свои мысли.

Я не показывал это письмо больше никому. Оно только между нами. Пожалуйста, скажи мне, что думаешь по этому поводу.

С любовью, Дэнни.

Лихорадка наконец спала. На следующий день Курт и Кортни пригласили меня домой, и Курт согласился отозвать гневные правки, а потом позвонил Майклу Азерраду и предложил ему написать книгу о Nirvana. Вскоре после этого Розмари удалось достать черновик рукописи Коллинз и Кларк, и она отправила в Hyperion подробный меморандум, где перечислила все выдержки, которые сочла клеветническими. Они разорвали договор, и за книгу больше не взялось ни одно издательство.

Осталось свести еще один счет. В середине января 1993 года Кортни подала в суд на «Сидарс-Синай», заявив, что госпиталь нарушил ее права, что привело к серьезным финансовым потерям и стрессу. Розмари опубликовала официальное заявление: «Госпиталь и его сотрудники отреагировали на клеветническую статью о моей клиентке, вышедшую в национальном журнале. Ответчики проигнорировали медицинские реалии ситуации истицы и фальсифицировали часть ее медицинской карты, чтобы она больше соответствовала образу, изображенному в статье. Затем они нарушили ее права и вторглись в частную жизнь, разгласив через прессу ее медицинскую карту, включая фальсифицированные и ложные ее части». Иск был подан за

«неправомерное разглашение медицинской информации, вторжение в частную жизнь, распространение ложной информации и халатность, повлекшую за собой эмоциональный стресс». Вскоре после подачи иска госпиталь разрешил дело с Кортни во внесудебном порядке.

Невозможно размышлять об этих драмах, не понимая роли, которую сыграли наркотики. Наркоманы могут творить безумную фигню, а умные, талантливые успешные наркоманы творят еще более безумную фигню. Примерно в тот же период Кортни долго исходила ядом по поводу бостонской певицы Мэри Лу Лорд, у которой был краткий роман с Куртом до того, как он завязал с ней отношения. (Лорд также была близкой подругой Слима Муна из Олимпии.)

Угрожать другим людям – непростительный поступок, и каждый должен нести ответственность за свои действия, даже под кайфом, но для меня поведение Курта и Кортни всегда являлось побочным следствием наркомании. Им обоим нужно было перестать принимать опиаты. (Курт, как и многие наркоманы, все время настаивал, что завязал, и в трезвом состоянии был весьма убедителен. Почти всегда я считал, что он говорит искренне.)

И все-таки невозможно было не обращать внимания на то, как хорошо Курт функционировал бóльшую часть времени. Терстон вспоминает разговор с ним в тот период:

– Он говорил: «Я отойду на шаг от всего этого безумия и попробую вернуться туда, где я был счастливее всего». То есть во времена до выхода Nevermind, чтобы выступать перед такими же аудиториями, для которых они играли с Sonic Youth. Вместе с тем я видел, как он уходит с большой сцены, где играл перед восторженной публикой, и выглядит весьма довольным собой – «мне здесь хорошо».

Тем не менее Курт понимал, что даже самый большой успех в рок-н-ролле долго не длится. Цикл жизни Nevermind закончился, и, чтобы и дальше «здесь было хорошо», Nirvana должна была выпустить альбом с новым материалом.

Глава тринадцатая
In Utero

Курт стал думать о следующем после Nevermind альбоме практически сразу после его выхода. Он, по выражению Криста, был «планировщиком», и над некоторыми песнями, которые попали на In Utero, Курт работал не один год. Dumb, Pennyroyal Tea и All Apologies исполнялись на концертах Nirvana еще на британских гастролях в конце 1991 года. Однако для альбома нужно было больше материала. В январе 1993 года в Рио-де-Жанейро, когда у группы был выходной, Монтгомери записал новые демоверсии, в числе которых была Heart-Shaped Box. Hole тоже воспользовались студийным временем, чтобы записать демоверсии песен, попавших на альбом Live Through This.

Вернувшись в Штаты, Курт и Кортни съехали с квартиры в Голливуде и купили дом в Сиэтле, где им было уютнее. Впрочем, они часто приезжали в Лос-Анджелес, обычно останавливаясь в отеле «Четыре сезона». Пару раз Курт приглашал Каза поболтать с ним, пока Кортни занималась зарядкой в их номере.

– Курт спускался вниз, и мы заказывали поесть или попить, – вспоминает Каз. – Мы сидели в баре, а он ставил мне демоверсии песен, которые в результате попали на In Utero, они были просто потрясающими.

Курт считал Каза настоящим ценителем рок-композиций, и его радовала такая эмоциональная поддержка, а еще ему нравилось общаться с другим отцом. Сыну Каза тогда было семь лет.

– Я советовал ему проводить как можно больше времени с Фрэнсис до того, как она пойдет в школу. До школы они все «папа, папа». А потом их интересуют только друзья.

Курт всегда старался не звучать слишком претенциозно, поэтому в интервью с Азеррадом преуменьшал значение текстов с In Utero: «Они то саркастические, то заботливые. Такие вот песни получаются. Все они – о вещах, которые выводят меня из себя, о конфликте между добром и злом. Некоторые люди делают зло другим без причины, и я хочу их за это избить. Но я могу лишь орать в микрофон».

Хотя песни были написаны в разное время, Курт соединил их общей концепцией о связи между рождением, болезнью, смертью и перерождением. На альбом попала Rape Me, а на многие другие песни с In Utero повлияла твердая уверенность Курта, что немалая часть негатива, нацеленного на Кортни, вызвана

женоненавистничеством. Pennyroyal Tea написана от лица женщины, которая хочет сделать аборт. Монтгомери вспоминает: «Некоторые люди обвиняли Кортни в том, что в ее творчестве заметно влияние Курта, но мне кажется, что влияние в обратном направлении намного заметнее».

С тематической точки зрения это верно, но к сочинению песен Курт относился очень серьезно и считал это главным элементом своей артистической личности. Кортни выступила с сольным концертом в «Кафе-Ларго» через несколько месяцев после рождения Фрэнсис, в том числе отлично исполнив в акустике Pennyroyal Tea. На следующий день Курт позвонил мне в необычном для себя волнении.

Кортни спросила, можно ли ей записать эту песню для следующего альбома Hole, и он хотел убедиться, что я не поддержу ее идею.

– Это для альбома Nirvana. Я ни за что не отдам эту песню!

Композиция Frances Farmer Will Have Her Revenge on Seattle была вдохновлена биографическим романом Уильяма Арнольда о Фармер, киноактрисе, которую в сороковых годах на пять лет отправили в сумасшедший дом в штате Вашингтон, где над ней издевались. Фильм «Фрэнсис» с Джессикой Лэнг в главной роли был основан на этой книге. Курт пересказывал печальную историю жизни главной героини в большинстве интервью, которые давал после выхода In Utero.

Несколько песен были написаны уже после рождения Фрэнсис Бин Кобейн. Энн Пауэрс указывает, что очень немногие авторы песен ранее писали «о страхе быть родителем. Джон Леннон сделал это в своем последнем альбоме, но Курт затронул те эмоции, до которых не добрался Леннон. Heart-Shaped Box – это песня о границах того, что мужчина может понять о женщине, альбом в целом – очень откровенное рассуждение о том, каково это – стать отцом, видеть, как твоя любимая вынашивает и рожает ребенка, а его обложка изображает меняющееся тело». Еще у Heart-Shaped Box одна из самых запоминающихся мелодий, написанных Куртом.

Scentless Apprentice – это одна из немногих песен, авторами которой по-прежнему значатся все трое музыкантов Nirvana, потому что она появилась во время джем-сейшена Курта, Криста и Дейва. Текст вдохновлен «Парфюмером», историческим романом ужасов Патрика Зюскинда, который Курт перечитывал много раз.

Перед записью In Utero Курт решил еще раз удостовериться в своем финансовом положении. Когда артист становится успешным, возникает немало проблем с планированием «цикла»,

связанного с новым альбомом, потому что расписания многих фестивалей и больших залов составляются заранее. Курт обожал играть по клубам, когда Nirvana ездила в микроавтобусе, но вот рок-звездная версия гастролей нравилась ему куда меньше. Какова бы ни была причина – чувство изоляции в больших залах, желание больше бывать дома с Фрэнсис, проблемы с наркотиками или стремление больше сочинять и рисовать, – Курт хотел в следующем году гастролировать меньше, но при этом иметь гарантии, что никогда больше не будет сидеть без денег. Судебные тяжбы и другие расходы, последовавшие после статьи в Vanity Fair, нанесли чувствительный удар по финансам, и, несмотря даже на чек в полтора миллиона долларов, полученный от лейбла в конце прошлого года, Курт в 1993 году очень беспокоился о деньгах.

Вскоре после возвращения из Латинской Америки Курт спросил меня, сколько у него останется денег «после налогов и комиссий», как он периодически повторял. Ему нужен был сценарий самого худшего развития событий. Как будут выглядеть его счета, если следующий альбом Nirvana выйдет не очень успешным, а на гастролях он проведет всего пару месяцев, не играя на стадионах и фестивалях? Все будет нормально?

Я заверил его, что, даже если он вообще не даст ни одного концерта, все будет нормально, но потом он уговорил меня провести более конкретные подсчеты на бумаге, чтобы они с Кортни смогли по-настоящему их усвоить. 19 февраля 1993 года я написал служебную записку под названием «Прогнозы по доходам Nirvana на следующий год».

Он попросил меня быть консервативным, так что по моим подсчетам после налогов и комиссий вышло 2 190 000 долларов. Лишь около 500 000, менее четверти всей суммы, должны были принести гастроли, если придерживаться рекомендаций Курта (сорок концертов за год, без арен и стадионов). Настойчивое желание Курта получать львиную долю авторских отчислений наконец принесло свои плоды. Если у них с Кортни не возникнет никаких неожиданных расходов, он сможет делать что захочет и все равно жить с комфортом.

В теории это должно было снизить давление, но Курт и без этого находил кучу способов свести себя с ума, так что период спокойствия после служебной записки долго не продлился.

Как и большинство людей, работавших с ним, я видел, что иногда он был дружелюбным и легким в общении, а иногда окружал себя плотным непреодолимым силовым полем, отталкивая меня. В следующие несколько месяцев, как и в прошедшие два года, Курт перемежал моменты депрессии и

великолепной творческой работы. Хотя некоторые рок-критики продолжали утверждать, что Nirvana выдохлась, та часть Курта, которая изначально вдохновила столь многих фанатов, по-прежнему функционировала на высшем уровне. Как говорил Крист, когда речь заходила о творчестве, Курт никогда не ленился.

Единственный раз, когда он пожаловался мне на Geffen Records, случился, когда их международный отдел тянул время, переводя какое-то европейское видео на американский стандарт, чтобы Курт смог его посмотреть и сделать какие-то пометки для длинного домашнего видео. Несколько раз, приходя к Курту домой, я видел, как он с усердием над ним работает. Он сделал монтаж с группой, разбивающей инструменты. Он нашел момент из телеинтервью, где Криста спросили, провоцирует ли Nirvana свою аудиторию, и басист ответил: «Нет, это они нас провоцируют». А когда Курта спросили о влиянии Nirvana, он ответил: «Если мы и повлияли на какие-то группы, то, надеюсь, в первую очередь они взяли от нас искренность, с которой мы играем».

Он нашел клип, где Герш говорит: «Это не просто успешный альбом, это какой-то феномен», и другой, где я во время дебатов с одним республиканцем на CNN сказал: «Развлечения помогают людям чувствовать себя не такими одинокими, и это хорошо». Не могу представить, что хоть одного фаната Nirvana по-настоящему интересовали эти моменты. Курт просто хотел, чтобы все мы ощутили себя причастными к истории взлета Nirvana в его изложении. После смерти Курта Крист и Дейв завершили фильм вместе с режиссером Кевином Керслейком. Он вышел под названием Nirvana: Live! Tonight! Sold Out!! и, насколько могу судить, соответствует первоначальным замыслам Курта.

Еще он разработал дизайн леворукой гитары, в которой соединялись элементы двух моделей Fender, Jaguar и Mustang. Он отправил в компанию макет, сделанный из совмещенных полароидных фотографий обеих моделей, и на его основе Fender выпустил модель Jag-Stang. В последнем европейском турне Nirvana Курт на нескольких концертах сыграл на прототипе этой гитары.

Майкл Азеррад работал над Come as You Are, книге о Nirvana, о которой мы говорили, и Курт дал ему несколько интервью – пожалуй, едва ли не самых подробных за всю карьеру. Ближе к сроку сдачи Курт составил список из пятидесяти альбомов, вдохновивших Nirvana, но Азеррад рассказал мне: «Кортни убедила его, что это уже лишнее. Выглядит как позерство».

Впрочем, в основном Курт был сосредоточен на новом

альбоме Nirvana. Он хотел сделать на нем другое звучание, чтобы обозначить возвращение, хотя бы символическое, к панковским корням группы. Поскольку огромный успех Nevermind сделал саунд альбома «мейнстримовым», снова обращаться к Бутчу Вигу или Энди Уоллесу не планировалось.

Курту давно нравился Стив Альбини, признававший только инди-лейблы пурист, который отругал Sonic Youth, когда те подписали контракт с DGC. Альбини играл в группе Big Black, которую Курт любил слушать, когда был подростком. Он никогда не называл себя «продюсером», предпочитая термин «рекордист». Он отказывался от авторских отчислений за альбомы, над которыми работал, но получил гонорар 100 000 долларов за работу над In Utero.

Я отнесся к выбору Альбини цинично, считая это просто пиар-ходом, но Джанет настаивает, что Курту нравились многие альбомы, записанные им. Кортни подтверждает: «Курт просто обожал альбом Пи Джей Харви Rid of Me, который как раз недавно записал Альбини».

В интервью Филу Сатклиффу из журнала Q Курт объяснил, что ему понравилось, как Альбини передал звучание Nirvana. «Я всегда хотел записать альбом с очень интимной атмосферой, который звучит так, словно ты стоишь рядом с группой в их репетиционной комнате. Мы использовали кучу микрофонов. Я думал, что если поместить возле малого барабана три или четыре микрофона, можно будет получить его настоящий звук. Я предлагал это Бутчу Вигу и Джеку Эндино, но они отказывались так делать». Он считал, что Альбини воплотил эту идею на альбомах Pixies Surfer Rosa и Breeders Pod, которые Курту очень нравились.

In Utero был записан на студии Pachyderm в Кэннон-Фолз, штат Миннесота, неподалеку от Миннеаполиса; в феврале там очень холодно. Крист вспоминает:

– Альбини очень своенравный, у него свои взгляды. Мы приехали в миннесотскую глушь, студия располагалась в доме, который построен в стиле, ну, не знаю, «Фрэнк Ллойд Райт встретился с Майком Брейди[4]».

Несмотря на сельскую обстановку, в студии, по словам Криста, стоял «такой же пульт, на каком AC/DC записали Back in Black. Большая такая, аккуратная штука».

Когда они были готовы к записи, на стенах, полу и потолке закрепили не менее трех десятков микрофонов, чтобы «поймать» то самое звучание, которое хотел Курт. Крист рассказывает:

– Альбини вообще не представлял, кто мы и как работаем. Мы постоянно репетировали. Многие группы приводят девчонок,

бухают и еще что-нибудь такое. А мы только играли. В общем, Альбини стоит возле студийного магнитофона, сложив руки, типа: «Хорошо, давайте». А мы такие: «Ну хорошо, включай запись». Мы сыграли песню Serve the Servants, переглянулись и сказали: «Ага, хорошо, Стив, оставляй. Играем следующую песню». Мы все песни отщелкали с первого-второго дубля. По-моему, мы его впечатлили.

Вокал Курта записывался отдельно, но за один день, сеанс записи длился примерно шесть часов. Всего на работу ушло около десяти дней. По настоянию Альбини в студии не было никого ни с лейбла, ни из Gold Mountain. Альбини рассказал Джиллиан Гаар, журналистке, которая писала о Nirvana с самого начала их карьеры: «Я не хочу завязывать отношений ни с кем из этих людей, всех этих администраторов, работников лейблов. По большей части они все мрази. Не хочу иметь с ними ничего общего».

Терстон вспоминает, что после того, как Альбини свел альбом, Крист и Дейв позвали меня на студию. Они сыграли несколько песен с In Utero, и мы даже немного поджемовали втроем, ожидая, когда придет Курт. Он так и не пришел. Потом они поставили мне пару композиций. Некоторые из них даже на альбом не попали, например, Moist Vagina. Помню, я сказал им: «Это должна быть ваша первая песня, потому что она сумасшедшая. Если вы, ребята, собираетесь начинать реально безумно, то начинайте безумно. Это очень крутая песня». Курт ее на альбом не взял, но выпустил на обратной стороне сингла All Apologies. (Позже Sonic Youth записали кавер-версию этой песни для обратной стороны своего сингла Sunday, вышедшего в 1998 году.)

Курт показал кассеты с миксами мне, Джанет, Силве, Гершу и еще нескольким людям. Несмотря на энтузиазм, с которым Терстон относился к более жесткой стороне Nirvana, Курт по-прежнему думал о массовом зрителе и сказал, что первым синглом будет Heart-Shaped Box. Монтгомери говорит, что группа решила выпустить это еще тогда, когда впервые записала ее демоверсию, несколько месяцев тому назад.

Мне песни сразу понравились, но очень раздражало, что было плохо слышно голос Курта – важнейшую составляющую образа Nirvana. Пока я раздумывал, как ему это передать, позвонила Кортни и сказала, что Курт беспокоится, что альбом никому не понравился. Я поделился своими мыслями, и она ответила: «Скажите Курту!» Она спросила, ставил ли я новый альбом Кэти; я засмеялся и признался, что в машине дочь сказала мне: «Не хочу слушать новую Nirvana, хочу старую Nirvana!» Кортни снова

повторила: «Скажите Курту!»

Я не собирался передавать ему мнение трехлетней девочки, но позвонил и заверил Курта, что песни великолепны, но вот сведение какое-то странное, и мне не понравилось, что плохо слышно его голос. Герш, похоже, сказал Курту примерно то же самое. Курт сказал мне, что Альбини сводил очень торопливо, делая по одной песне в час. (Обычно в то время, особенно если у группы не было проблем с бюджетом, в среднем сводили по одной-две песни в день.) Азеррад саркастически замечает: «Похоже, Курту очень нравились идеи малобюджетной философии, но не воплощение их на практике».

Кортни, которая знала, что для Курта то, как отнесется к альбому панк-сообщество, не менее важно, чем иметь радиохиты, попросила поговорить с ним еще и Терстона. Гитарист Sonic Youth подбодрил его: «У всех здесь свои интересы. Ребята, вы сейчас очень круты. Записали отличную пластинку. Просто оставайтесь сильными».

– Это был наш последний разговор, – печально вспоминает Терстон.

Примерно в то же время мне позвонил Дэвид Геффен и сказал, что Nirvana в прошлом году стала самой успешной группой лейбла, после чего добавил: «Как-то даже неловко говорить, что я до сих пор не встречался с Куртом лично». Курт беспокоился, что его ждет какое-то давление со стороны лейбла, но мне показалось, словно у Дэвида был друг, который хотел узнать, каков Курт на самом деле.

Я был уверен, что Дэвид Геффен ни за что не станет лично критиковать новый альбом. В 1983 году, когда Нил Янг после Trans, коммерчески неуспешного электронного альбома, записал рокабилли-пластинку, Геффен подал на Янга в суд за то, что он записывает альбомы, «нерепрезентативные» для стиля, который принес ему успех. После неприятных статей в прессе и напоминания, что контракт Янга дает ему творческий контроль, иск был отозван. Дэвид извинился, и Янг записал еще два альбома для Geffen Records.

Прошло десять лет. Дэвид был миллиардером и одним из самых уважаемых людей в индустрии развлечений. Ему меньше всего хотелось вступать в публичный спор с известным артистом, чтобы напомнить людям об одной из своих редких ошибок.

Я отвез Курта в дом Дэвида на пляже в Малибу, где мы пообедали и провели вместе очень приятный час; за это время Дэвид очаровал Курта откровенными рассказами о собственных взлетах и падениях за годы карьеры. О новом альбоме Nirvana не прозвучало ни слова. Когда мы уходили, Курт спросил Дэвида,

слышал ли он, что кое-кто на лейбле считает, что альбом нужно изменить, и Дэвид категорично ответил:

– Не обращай внимания ни на что из того, что говорят остальные, просто записывай альбом, каким ты хочешь его видеть.

Несмотря на мои предыдущие заверения, что Курту не о чем беспокоиться, он испытал явное облегчение и во время поездки обратно в Голливуд весело сказал мне: «Он оказался совсем не таким, как я ожидал».

Вскоре после этого Курт решил пересвести Heart-Shaped Box и All Apologies, которые собирался выпустить вторым синглом. Я спросил, почему он не хочет пересвести весь альбом, и он ответил, что многие проблемы с уровнем голоса можно решить во время мастеринга. Я понял, что Курт пытается найти компромисс: не хочет полностью сжигать мосты с Альбини, но в то же время хочет, чтобы у него были хиты.

Пока Курт размышлял, Альбини дал интервью Грегу Коту из Chicago Tribune, которое вышло под заголовком «Рекорд-лейбл не слишком доволен новым материалом Nirvana». В статье от его имени говорилось, что «Геффен и менеджеры группы ненавидят альбом», а еще он заявил, что источник с лейбла сказал ему, что такой альбом «нельзя выпускать». Я не был рядом, когда Герш разговаривал с Куртом, а Герш после смерти Курта принял решение практически не говорить о Nirvana публично, но я не могу себе представить, чтобы он сказал что-нибудь вроде «нельзя выпускать» или тем более что «ненавидит» альбом. И уж конечно, ни Силва, ни Джанет, ни я не говорили Курту даже близко ничего подобного и не считали так. Силва, который редко общался с прессой, дал дипломатичную, но колкую цитату: «Если группа говорит, что альбом готов, значит, он готов. Но на данный момент у нас нет альбома Nirvana для релиза».

Несмотря на выходку Альбини, ситуация на самом деле не была сложной. Курт имел полный контроль над альбомом – не только в юридическом, но и в эмоциональном смысле. Право голоса было только у него, и он пришел к рациональному выводу. Джону Сэведжу он сказал так: «Стив очень хороший инженер звукозаписи, но, с моей точки зрения, сводит он ужасно. На всех записанных Альбини альбомах, которые я слышал, голос был слишком тихим». Песни были отличными. Записали их так, как хотел Курт. Сведение разочаровало всех, кому нравилось слышать, как Курт поет. Проблему решить было просто.

Мне в то время казалось, что Альбини просто цинично выдумал историю, демонизирующую Geffen, чтобы выставить себя пуристом, сражающимся с филистимлянами из шоу-бизнеса.

Однако Джанет сказала, что Курт, скорее всего, сам сказал Альбини, что на него давит лейбл, «потому что не хотел подставлять себя под удар. Если он мог свалить это на Кортни, на лейбл или на нас, он бы так и поступил». Кортни подтверждает: «Курт очень не любил конфронтаций».

Очевидным кандидатом для работы по пересведению был Скотт Литт, продюсер последних четырех альбомов REM, которые стали для них самыми успешными. Хотя эти пластинки вывели его в элиту звукозаписывающего бизнеса, Литт, которому тогда было под сорок, до этого целое десятилетие работал звукоинженером и звукорежиссером для самых разных исполнителей, а еще он был мягким и говорил тихо, без всякого рокерского самомнения. Когда Герш и Курт обсуждали кандидатов в продюсеры Nevermind, Литт был в их списке, но он тогда готовился к свадьбе и взял самоотвод – и жалеет об этом решении до сих пор. Когда я позвонил ему и спросил, не хочет ли он пересвести пару песен с In Utero, он с большим удовольствием согласился.

Ремиксы были сделаны на студии Bad Animals в Сиэтле, которой владели Энн и Нэнси Уилсон из Heart. Литт вспоминает, что когда Курт, Крист и Дейв впервые с ним встретились, «они все трое считали, что сведение было слишком поспешным, и им очень не понравилось, что Альбини отказался что-либо переделывать». Послушав песни, Литт сразу понял, что «это просто динамит. Отличные записи».

Хотя Литт слышал истории о наркотиках, тогда Курт показался ему нормальным. Он уж точно был сосредоточен. «Курт так хорошо ориентировался в студии. Он был перфекционистом и точно знал, чего хотел. У него не было проблем с принятием решений». Курт дал Литту несколько часов на работу по пересведению All Apologies, и, когда Курт вернулся в студию, ему очень понравилось услышанное, и он даже предложил записать бэк-вокал в куплете. «Он спел один дубль, бум-бум-бум, и готово», – вспоминает Литт, изумляясь даже четверть века спустя.

Курт был в эйфории, когда потом позвонил мне. Он не только был доволен новым сведением – ему еще пришелся по душе сам процесс. «Скотт такой классный парень! Неудивительно, что REM нравится с ним работать!» На следующий день Литт пересвел Heart-Shaped Box, и Курт получил свои два сингла.

Пиар-маневры с целью сохранить уважение панк-сообщества и при этом выпустить альбом, который полностью соответствовал бы желаниям Курта, сильно усложнились после того, как Джефф Джайлз написал, воспользовавшись версией Альбини, статью об альбоме в Newsweek, куда более известном на национальном

уровне изданий, чем Chicago Tribune. Обычно невозмутимый Эдди Розенблатт был разъярен предположением, что его компания отказывает в поддержке одной из своих групп. Момент вышел еще чувствительнее, потому что Герш как раз решил покинуть Geffen и стать президентом Capitol Records, так что Розенблатт хотел дать четко понять всему музыкальному бизнесу, что лейбл по-прежнему безоговорочно поддерживает творческие стремления Nirvana.

Курт оскорбился: как вообще кто-то мог подумать, что он станет работать над вещами, которые не сможет полностью контролировать? Это песни Nirvana, а не Альбини. Что не менее важно, он не хотел воевать со своим лейблом как раз перед выпуском альбома. Группа выкупила рекламную страницу в Billboard, где еще раз повторила, что новый альбом контролирует она и только она. Кроме того, по настоянию Курта мы с Джанет помогли ему составить письмо в Newsweek, которое вышло в номере за 17 мая.

> *Редактору:*
>
> *Джефф Джайлз написал статью о нашей группе Nirvana, которая не основана на наших взглядах или информации, полученной от наших представителей. Он собрал цитаты «из неназванных источников и от инсайдеров музыкальной индустрии»… Он обширно цитирует Альбини, но при этом ни разу не обратился к компании, занимающейся нашим менеджментом, чтобы поговорить с нами. Заявив, что Альбини не собирается говорить о «ссоре с Nirvana», Джайлз цитирует его пространные речи о Geffen Records (нашем лейбле) в том же самом абзаце. Насколько сбалансированным можно назвать репортаж, когда сами «виновники ссоры» не могут ответить?*
>
> *Самый большой вред в статье нанесен тем, что Джайлз высмеял наши отношения с лейблом, основываясь на совершенно ошибочной информации. Geffen Records полностью поддерживали нас в нашей работе над этим альбомом.*
>
> *Надеемся, что в будущем информация, предоставленная нами, будет восприниматься буквально, а слухи – так, как должны приниматься слухи.*
>
> *Курт Кобейн, Дейв Грол, Крист Новоселич*

Несмотря на это, некоторые журналисты – ценители панк-культуры со всего мира – повторили выдуманную Альбини

историю, что лейбл и менеджмент якобы не дали группе исполнить свои истинные замыслы. Миф оказался живучим, и некоторые рок-критики повторяли его, даже когда альбом переиздали двадцать лет спустя.

В интервью, которое Курт дал журналу Q, он решил, что раз уж ситуация стала публичной, стоит рискнуть и высказать о панк-рекордисте все, что он думает. «На самом деле Стив Альбини – большой параноик, а я еще никогда не работал с таким количеством людей, которых уважаю. У меня было много сотрудников, которые делают свою работу, и на этом этапе я не могу забывать, что это моя работа. Именно так я зарабатываю себе на жизнь. Все работники DGC поддерживают нас и всегда с нами искренни. Мы можем опровергнуть миф о том, что они не хотят выпускать альбом, опубликовав копии наших контрактов с DGC, потому что, согласно им, у нас стопроцентная творческая свобода и контроль».

Вспоминая то напряженное время, Литт до сих пор впечатляется, на каком же высоком уровне функционировал Курт, несмотря на то сколько давления ему пришлось вынести.

– По-моему, в рок-н-ролле никогда не было ничего, подобного Nirvana, за исключением, может быть, The Beatles. REM были классной, успешной группой, они мне очень нравятся, но та суматоха, которая началась, когда Nirvana появилась на сцене и потом, во время ожидания их следующего альбома, а еще вокруг Курта и Кортни, лихорадочность фанатов – это совершенно другой уровень. Как с таким жить? В The Beatles ребят хотя бы было четверо.

Был период, сразу после записи, когда Курт хотел назвать альбом I Hate Myself and I Want to Die. Я был не единственным, кто надеялся, что Курт передумает. Крист сказал Курту, что подобное название будет использовано против группы, если хоть один поклонник Nirvana покончит с собой. В 1990 году на британскую группу Judas Priest подали в суд родители мальчика, который застрелился. В иске говорилось, что он так поступил из-за «подсознательных посланий» в их музыке. Курт переименовал альбом в In Utero, по строчке из стихотворения, которое Кортни написала во время беременности.

После утверждения названия альбома Курт занялся дизайном обложки. В целом его больше вдохновляло абстрактное или импрессионистское искусство, но он хотел, чтобы эта обложка отражала его интерес к рождению и смерти. Фишер сделал дизайн передней стороны, основываясь на идеях Курта, который настоял, чтобы у фигуры – прозрачного анатомического манекена – были крылья. На задней обложке разместили коллаж из картин

Курта, включая несколько изображений зародышей. Особенно внимательно Курт проследил за тем, чтобы на вкладыше с фотографиями был его снимок в футболке Flipper.

Когда вышел Nevermind, мы опасались, что не всем понравится, что на обложке виден пенис младенца, но, несмотря на несколько жалоб покупателей, ни одна торговая сеть не отказалась продавать его. Однако оформление In Utero немедленно вызвало сопротивление Walmart, гигантской сети розничных магазинов, которые в то время были крупнейшими точками реализации популярных альбомов. Они сообщили отделу продаж Geffen, что с такой обложкой альбом продавать не будут, и спросили меня, не предложит ли группа какую-нибудь альтернативу.

Мне позиция Walmart казалась абсурдной. На обложке не было ничего жестокого, эротического или богохульного. В любом учебнике медицины есть похожие изображения частей тела. Nirvana хвалили критики по всему миру, она выиграла крупнейшие музыкальные награды. Я предполагал, что сопротивление имеет политические корни и связано с движением против абортов, для которого зародыши являются предметом поклонения.

Лопаясь от негодования по поводу свободы слова и выбора, я рассказал Курту о проблеме и с гордостью сообщил, что буду более чем рад послать лейбл ко всем чертям. В конце концов, недавний альбом NWA не продавался в Walmart, что не помешало ему стать одним из самых популярных альбомов года. К моему удивлению, Курт со мной не согласился. Он, объяснил, что, когда рос, Walmart был единственным местом, где он мог достать пластинки, так что он хочет, чтобы ребята, такие же, как он, могли купить новый альбом Nirvana. В общем, я должен был узнать у Geffen, что нужно изменить на обложке, чтобы In Utero все-таки попал в магазины.

В общем, для поставок в Walmart (а также Kmart, еще одну крупную торговую сеть, которая отказалась продавать альбом с оригинальной обложкой) Geffen с одобрения группы упростил заднюю часть вкладки и убрал зародышей. Еще одним «пунктиком» для массовых ритейлеров стало название Rape Me на обложке. Курт в шутку предложил переименовать песню в Sexually Assault Me (сексуальное насилие), но, чтобы не переделывать всю графику, нужно было заменить одно четырехбуквенное слово другим, так что он придумал бессмысленное название Waif Me.

Позже я узнал, что «творческий контроль» Nirvana не распространялся на те регионы мира, где контракты игнорируют.

В статье 2018 года для Discogs Бен Блэкуэлл рассказал, что купил изданную в Саудовской Аравии кассету In Utero, на обложке которой «полностью закрасили мускулатуру женского тела, словно изобразив чадру, которую носят некоторые мусульманки… лицо, руки, ступни и крылья остались открытыми, но вот все, что между ними, закрасили черным». Еще Блэкуэлл нашел кассету Nevermind из той же страны, на которой местный лейбл нарисовал поверх детского пениса пеленку. Подозреваю, Курта бы скорее позабавили, чем расстроили такие релизы, и он бы обрадовался, что даже в Саудовской Аравии подростки слушают его музыку.

Тогда я об этом ничего не знал, но примерно в начале весны Курт снова начал принимать героин. Я мотался между Нью-Йорком и Лос-Анджелесом, так что говорил с ним в основном по телефону. Мои воспоминания об этом периоде довольно смутные, но некоторые события были очень хорошо задокументированы. 2 мая 1993 года Кортни вызвала в Сиэтле парамедиков из-за передозировки у Курта. К тому времени, как они добрались до больницы, она уже дала ему лекарства и стабилизировала его состояние, так что госпитализации не потребовалось. Через месяц, 4 июня, супруги устроили настолько громкую ссору, что сосед вызвал полицию, и из-за того, что в Сиэтле в то время действовала норма, что при жалобе на домашнее насилие кто-то должен быть обязательно задержан, Курта отвезли в полицейский участок. Обвинения были тут же сняты; ни Курт, ни Кортни не придавали происшествию особого значения. В следующие несколько недель Кортни сказала, что снова ходит на собрания «Анонимных наркоманов», но Курт по-прежнему резко отрицательно относился к идее какой-либо групповой терапии.

Впрочем, ему удавалось достаточно хорошо контролировать свою пагубную привычку, и ее замечали лишь немногие. Гастроли In Utero принимали хорошо, особенно выступление в «Роузленд-Балруме» в Нью-Йорке, хотя позже появились сообщения, что до концерта он был под кайфом. Несмотря на внутреннюю борьбу, Курт по-прежнему стремился развивать группу. В этом цикле к Nirvana присоединился гитарист Пэт Смир, а на некоторых концертах с ними выступала еще и виолончелистка Лори Голдстон. На концерте в «Роузленд» Курт провел эксперимент, устроив в середине выступления двадцатиминутный акустический сет, и его достаточно хорошо приняли – в каком-то смысле это стало предвестником шоу Unplugged, состоявшегося через несколько месяцев. Джим Мерлис, публицист Geffen, который примерно в то время начал работать с группой, вспоминает:

– После концерта он был в хорошем настроении и много говорил о выставленной на продажу гитаре, на которой якобы играл сам Лед Белли.

Учитывая общий уровень напряженности всего, что происходило в жизни Курта, не стоило удивляться, что вокруг клипа на песню Heart-Shaped Box тоже развернулась драма с судебным иском, но я до сих пор поражаюсь, какой же стресс тогда пришлось вынести Курту.

В прошлом десятилетии, когда MTV стал главным способом достижения популярности для многих музыкантов, взаимоотношения артистов, лейблов и режиссеров клипов постоянно менялись. Некоторым режиссерам, например Бобу Джиральди, который снял Beat It Майкла Джексона, и Дэвиду Финчеру, снявшему Express Yourself Мадонны, удалось благодаря известности, полученной на MTV, сделать карьеру в полнометражном кино, и к ним относились как к полноценным авторам. А вот для других режиссеров работа была не такой приятной, больше похожей на съемку рекламного ролика, чем фильма, только клиентами выступали музыканты с их собственными творческими идеями, которые рассматривали клипы как самовыражение и дополнительный инструмент для продажи дисков.

Все, кто работал с Nirvana в начале девяностых, оказались освещены отблесками ее славы, и окружающие воспринимали нас так, словно мы вдруг стали умнее и привлекательнее, чем на самом деле. Кевин Керслейк, снявший три клипа на песни с Nevermind и на Sliver, не был исключением.

Я считаю, что, как и в предыдущих клипах, образы и идеи для Heart-Shaped Box принадлежат Курту, но меня не было, когда они с Керслейком обсуждали клип, и, что очевидно, я совершенно необъективен. Робин Слоан поехала в Сиэтл, чтобы обсудить с Куртом маркетинговые планы. Она вспоминает: «У Курта уже была подробная раскадровка. Он очень красиво нарисовал поле с маками». Вскоре после этого Курт и Кортни спросили меня и Розмари, сможет ли Кэти, которой тогда было три года, сыграть роль девочки-блондинки в одежде ку-клукс-клана. (Мы отказали.)

Керслейк запросил, по выражению Слоан, «возмутительный» бюджет – почти 500 000 долларов. Я напомнил Курту, что половина бюджета клипа будет вычтена из отчислений, которые полагаются группе. Курт решил, что им просто пытаются воспользоваться, и отказался от услуг Керслейка, вместо этого попросив Слоан обратиться к Антону Корбайну, голландскому фотографу. Он снимал Nirvana и делал клипы для Echo and the Bunnymen, которые нравились Курту. Корбайн снял клип Heart-

Shaped Box, уложившись в почти вдвое меньший бюджет по сравнению с тем, что был запрошен Керслейком.

Слоан предложила сделать в клипе стилизацию под фильмы пятидесятых годов, выполненные в «Техниколоре», и Курту очень понравилась эта идея. Настоящий «Техниколор» сделать было невозможно, но Корбайну удалось найти лабораторию, которая делала практически такие же яркие, роскошные цвета. Режиссер вспоминает: «Курт Кобейн был очень приятным человеком. Он сделал рисунки для всего клипа, да еще и такие подробные. Я еще никогда не видел настолько подробных раскадровок». Heart-Shaped Box много недель оставался самым ротируемым клипом на MTV и получил две награды на следующей Video Music Awards.

Керслейк, судя по всему, оформил авторские права на видеоряд, так что подал на группу в суд. Курт был просто убит этим иском – он считал его совершенно несправедливым и оскорбляющим его как артиста. Дело в конце концов было закрыто после смерти Курта, об условиях соглашения не сообщалось.

Несмотря на все отвлекающие факторы, In Utero уже был готов к выходу, и внимание снова переместилось к музыке. Антон Брукс размышлял:

– Я считаю, что этот альбом лучше, чем Nevermind. На нем более сильные тексты. Оформление потрясающее. Он вывел группу на следующий уровень стратосферы. Слушаешь Pennyroyal Tea, и у тебя дыхание перехватывает.

Литт вспоминает:

– Помню, я услышал Heart-Shaped Box по радио KROQ, когда был с племянницей на чьем-то дне рождения, и люди просто с ума посходили. Они ждали новой песни Nirvana и дождались, и она была такой хорошей.

Возможно, в качестве жеста доброй воли к Дейву после изменения структуры авторских отчислений, Курт выбрал Marigold, песню, которую сочинил и спел Дейв, на обратную сторону сингла Heart-Shaped Box. Песня Heart-Shaped Box достигла именно того коммерческого успеха, который задумывал Курт: в США она вышла на четвертое место в чартах синглов, а в Великобритании – на пятое.

Джим Мерлис присоединился к рекламному отделу Geffen Records вскоре после разразившейся драмы с Альбини. Курту он сразу понравился, отчасти потому, что ранее Мерлис играл в инди-группе, которая летом 1990 года добралась до Сиэтла. Они оба спали на полу у друга Курта Чарльза Питерсона, легендарного местного фотографа, подробно задокументировавшего рок-культуру Сиэтла. Курт попросил,

чтобы Мерлис сопровождал его на пресс-конференции для европейских журналистов, и все прошло настолько хорошо, что Мерлис стал отвечать за общение с американской прессой после выхода In Utero.

Курт был дружелюбен и открыт с Мерлисом, но к тому времени Курт и Кортни куда настороженнее относились к журналистам, чем до Хиршберг. Джанет настояла, чтобы Мерлис «присылал Курту и Кортни по факсу копии нескольких статей каждого журналиста, который хотел с ними пообщаться – даже Джона Парелеса из New York Times, который работал там уже десять лет и никогда не публиковал никаких слухов». Еще Курт хотел, чтобы Мерлис присутствовал на всех его интервью и записывал их на диктофон в качестве меры предосторожности против ложных цитат.

Даже в этот «осажденный» период Курт общался с прессой с прежней утонченностью. Когда Парелес прилетел в Сиэтл, публициста весьма впечатлило, что «интервью брали в Спейс-Нидле, самом туристическом месте из возможных». Потом Курт и Дейв вместе с Парелесом и Мерлисом катались на американских горках.

Курт долго раздумывал, говорить ли с Дэвидом Фриком, музыкальным редактором Rolling Stone, но потом сам позвонил журналисту и дал ему заманчивое обещание: «Я расскажу вам такое, что еще никому не рассказывал». Интервью устроили в Чикаго, где Nirvana дала два концерта на гастролях в поддержку In Utero.

– Первый концерт стал лучшим из всех их выступлений, что я видел, – рассказывает Мерлис, – потом был выходной, а второй концерт вышел одним из худших.

Именно на тот день было запланировано интервью с Фриком, и Мерлис беспокоился, что после плохого концерта Курт захочет его отложить. Однако когда публицист прошел за сцену, Курт был в отличном настроении и держал на руках Фрэнсис. «Все эти рассказы о том, что он тогда постоянно находился в депрессии, не всегда были верны. Он играл с дочкой и улыбался».

Когда Мерлис спросил его, собирается ли он давать интервью Rolling Stone, Курт посмотрел на него как на сумасшедшего и спросил: «Где Дэвид Фрик? Приведи его. С чего мне отказываться?» Интервью провели в гостиничном номере Мерлиса, и, согласно новой политике, он принес свой диктофон. Курт притворно изумленным тоном сказал публицисту: «Джим, это же Дэвид Фрик! Нам не нужно это записывать». Мерлис одобрительно посмеивается, вспоминая произошедшее.

– Это была постановочная сцена. Фрик об этом знал, но ему

тоже понравилось. Они разговаривали шесть часов. Я даже заснул.

Мерлис восхищается: «Курт сам рисовал свой портрет в прессе». Но Курт по-прежнему оставался невероятно чувствительным.

– Почти все рецензии на In Utero были фантастическими. Я отправлял Курту и Кортни по факсу все вырезки, которые нам присылали, но одна рецензия, из Boston Herald, оказалась негативной. Одна из ста.

Джанет позвонила и пожаловалась Мерлису: «Ты что, отправил им негативный отзыв? Они только о нем и говорят!»

Курт дал интервью своему любимому французскому журналисту Юри Ленкетту, который приехал в Сиэтл вместе с победителем конкурса от журнала Best, призом для которого служила встреча с группой. Интервью брали в сиэтлском ресторане, где Курт съел чизбургер, «истекавший жиром и окруженный картошкой фри». Журналист спросил Курта, не вредно ли это для желудка, и Курт ответил, что живот его больше не беспокоит.

Альбом In Utero вышел 21 сентября 1993 года, через два года после Nevermind. В США в первую неделю было продано 180 000 копий, и он вышел на первое место в чарте продаж Billboard – и это еще без Walmart и Kmart. (Поскольку на изготовление обложек требовалось время, «отцензурированная» версия альбома попала в крупные сетевые магазины лишь через пару месяцев.) In Utero не добился такого же огромного успеха, как Nevermind, но все же разошелся тиражом более чем в пять миллионов в США и таким же тиражом по всему миру. В 2011 году газета The Guardian устроила на своем сайте опрос, в котором просила фанатов выбрать любимый альбом Nirvana, и In Utero занял первое место, набрав 43 процента голосов. Это и мой любимый альбом группы.

По продажам In Utero в следующем месяце совершенно затмил альбом Pearl Jam Vs., который за свою первую неделю разошелся тиражом в девятьсот тысяч. Через два года после того, как Nevermind изменил мир рок-н-ролла, главный журнал истеблишмента, Time, с большим опозданием решил выпустить историю с обложки о «новой» волне популярного рок-н-ролла с влиянием панка. Курт не хотел давать интервью, и я смутно припоминаю, что тоже советовал ему этого не делать. Меньше всего мне хотелось, чтобы он чувствовал, словно его силой запихнули во что-то мейнстримовое, что ему совершенно не нравится, да и с практической точки зрения статья на обложке Time далеко не всегда шла во благо рок-музыкантам.

Однако позже я узнал, что Курт все же сомневался, не зря ли дал отказ. Кортни прослышала, что Эдди Веддер сначала согласился дать интервью, а потом, когда Time уже пустил в производство обложку с Pearl Jam, отказался – вот уж действительно, и рыбку съел, и косточкой не подавился. На обложке была концертная фотография Веддера с подписью: «Вся ярость[5]: разгневанные молодые рокеры вроде Pearl Jam дают голос страстям и страхам поколения». Через двадцать пять лет Кортни со вздохом рассказала мне:

– Курт был взбешен. Он целый день говорил только об этом, называя Эдди позером. Келли Кертис (менеджер Pearl Jam) разыграла эту партию лучше, чем мы.

Книга Майкла Азеррада Come as You Are вышла на той же неделе, что и In Utero. Я считал ее замечательным документом, рассказывавшим о происхождении группы и альбома Nevermind, и, что еще важнее, Кортни и Курт были ею довольны. Журналист жил в Нью-Йорке, и, когда Курт приехал в город, чтобы дать интервью MTV в поддержку нового альбома, Азеррад, знавший, что Курт любит живопись, предложил ему сходить в Музей современного искусства. Курт взял с собой Эми Финнерти и настоял, что за билеты будет платить он.

– По-моему, он там раньше не бывал, – вспоминает Азеррад. – Тогда как раз шла большая выставка Роберта Римана, который рисовал крупные белые холсты. Курту они не нравились.

Однако его глаза зажглись, когда они поднялись на этажи с классическими работами.

– Особенно ему понравилось рассматривать вблизи картины Ван Гога, – с теплотой рассказывал Азеррад. – Если я не добьюсь в жизни больше ничего, я, по крайней мере, помог Курту Кобейну увидеть «Звездную ночь».

В ту поездку в Нью-Йорк Курту наконец удалось исполнить Rape Me на телевидении – он настоял, чтобы эту песню ему разрешили сыграть вместе с Heart-Shaped Box на последнем выступлении группы на Saturday Night Live, в первые выходные после выхода альбома.

Одним из инструментов продвижения артиста служил «электронный пресс-кит» с интервью и другими видеокадрами, которые можно было рассылать по телеканалам всего мира вместо индивидуальных интервью. Nirvana записала такой пресс-кит с комиком Бобкэтом Голдтуэйтом в школе «Фэрфакс-Хай» в Голливуде. Курт познакомился с Голдтуэйтом еще во время работы над Bleach на университетской радиостанции в Анн-Арборе.

– Он сказал, что он мой поклонник, – позже вспоминал

Голдтуэйт. – Это примерно то же самое, что Джими Хендрикс сказал бы, что ему нравится Бадди Хэккетт.

Они сняли шуточное видео, в котором Голдтуэйт притворяется, что помогает Кристу, Курт и Дейву при родах.

Перед началом гастролей In Utero был уволен звукоинженер Крейг Монтгомери. О решении сообщил тур-менеджер Алекс Маклауд, а причину Монтгомери так никто и не объяснил. Я не могу вспомнить, в чем было дело, Кортни тоже не смогла; о Монтгомери она сказала лишь: «Он был достойным человеком». Некоторые люди из окружения группы рассказали Монтгомери, что Курт был очень недоволен звуком на Saturday Night Live. Это совершенно нелогично, учитывая, что звуком в эфире так или иначе рулят люди с NBC, но в рок-н-ролле решения не всегда объясняются логикой.

Монтгомери нашел работу у Джулианы Хэтфилд, а потом Кортни позвала его работать с Hole, готовясь к изданию Live Through This. Когда он приехал к ней в гости в Сиэтл, чтобы обсудить планы, она позвонила Курту, который был в Нью-Йорке на интервью, и позвала Монтгомери к телефону. Разговор вышел коротким, но дружелюбным; то был последний раз, когда Монтгомери общался с Куртом.

Курт попросил Голдтуэйта выступить на разогреве у Nirvana на нескольких концертах в американской части тура и каждый вечер стоял за сценой и хохотал над выступлениями Голдтуэйта. Первый концерт прошел в Чикаго, и комик пошутил об отце Майкла Джордана, которого недавно застрелили. Зрители освистали его, но Курту шутка показалась очень смешной. Однажды Голдтуэйт предложил снять клип на All Apologies на тему убийства Джона Кеннеди, в котором Курт сыграет роль Ли Харви Освальда, но даже Курт понимал, что такая идея не взлетит.

В октябре 1993 года Hole записала в Атланте альбом Live Through This, свой первый релиз для DGC. Курт пропустил первые дни записи, потому что был занят рекламой альбома In Utero, но успел приехать и провести несколько дней с Hole до завершения записи. В качестве продюсера Курт порекомендовал Скотта Литта; тот свел альбом на студии Ocean Way Recording в Лос-Анджелесе. Литт вспоминает: – Курт и Кортни хорошо ладили. Им всегда было весело. Я никогда не видел, чтобы они спорили, но все же чувствовалось, как давит на них окружающий мир, – от этого было никуда не деться. Я не мог понять, как ему вообще удается оставаться в трезвом уме.

В это же время Курт попросил Скотта пересвести Pennyroyal Tea на случай, если нужно будет выпустить к альбому еще и

третий сингл.

Лейбл надеялся на дополнительный промоушен – например, радиоинтервью или живые эфиры от Nirvana, – и работой над всем этим занялся Марк Кейтс. Он знал, что Курт переживает сильный стресс, так что попробовал обратиться к другим музыкантам, но наткнулся на стену.

– Дейв говорил: «Я просто барабанщик», а Крист говорил: «Спроси Курта».

В тот момент Курт хотел отстраниться от прессы и настоял на том, чтобы некоторое время не давать никаких интервью и не участвовать ни в каких шоу на радио. Я его понимал. Любой способ хоть немного снизить давление казался хорошей идеей.

Кейтса также попросили попробовать добиться от группы еще одного клипа, чтобы у MTV было что поставить в ротацию после того, как цикл жизни Heart-Shaped Box закончится. Он вспоминает:

– Курт тогда был неразговорчивым и напряженным. Мне не очень нравилась мысль, что сейчас придется идти к нему и уговаривать сделать что-то, чего ему не хочется. Он знал, зачем я пришел. Я знал, что он мне скажет. Он знал, что я знал, но понимал, что я должен соблюсти формальности. Все прошло очень мирно.

Но ответ, как и ожидал Кейтс, был отрицательным. Курт знал, что следующим синглом будет All Apologies, но просто не мог представить, что́ можно снять после такого сложного клипа, как Heart-Shaped Box. Позже Курт раздумывал над идеями для клипов на Rape Me и Pennyroyal Tea, но больше Nirvana не выпустила ни одного видео.

На последнем этапе американского тура, последовавшего за выходом In Utero, Курт попросил выступить на разогреве Meat Puppets. Группа собралась в Финиксе, штат Аризона, издала свои первые альбомы на лейбле SST, и Курт еще в юности видел их выступление на разогреве у Black Flag. Барабанщик Meat Puppets Деррик Бостром вспоминает:

– Дейв Грол подарил мне розу в качестве жеста «добро пожаловать на гастроли». Кортни и Фрэнсис ездили вместе с группой, и единственный признак стресса, который я заметил, – еда была очень пресной из-за проблем Курта с желудком. Концерты Nirvana всегда были возбуждающими – не просто потому, что они были большими, мы играли на разогреве и у других крутых групп, а потому, что была в них какая-то магия, чувство, что группа идет на риск.

Первым на этом этапе гастролей стал концерт на Хеллоуин 1993 года в Акронском университете; все шесть тысяч билетов в

зале были проданы. Курт вышел на сцену в фиолетовом костюме динозавра Барни – детский сериал тогда был на пике популярности. У него в руках была бутылка виски Jack Daniel's, и периодически он лил напиток в гигантскую пасть динозавра. Пэт Смир оделся Слэшем из Guns N' Roses и, следуя давней рок-пародийной традиции Nirvana, «Слэш» и «Барни» в какой-то момент устроили гитарную дуэль. Дейв оделся мумией, а Крист нанес на лицо белый грим и написал на лбу PC («политически корректный») – это была отсылка к недавнему скандалу с блэкфейсом у актера Теда Денсона, тогда встречавшегося с Вупи Голдберг.

Бостром вспоминает:

– Все было радостно и весело. Костюмы, шутки, общение с аудиторией. Оглядываясь назад, я удивляюсь, как настолько крутой группе удавалось устраивать такие большие концерты, при этом сохраняя атмосферу маленького любительского клуба и хорошо проводя время.

В прошедший год Курт помогал музыкантам, которыми восхищался, не только приглашая их на разогрев к Nirvana, но и другими способами – несмотря на погруженность в работу над In Utero.

Глава четырнадцатая
Курт и машина

Когда Курт и Кортни еще жили в Голливуде, они часто наведывались к нам домой, в район Хэнкок-Парк, в пяти минутах езды от их квартиры. Курту нравилось играть с Кэти; к лету 1992 года она уже была очень разговорчивой двухлетней девочкой и восхищалась им. Однажды вечером, когда мой новый босс, сопредседатель правления Atlantic Records Даг Моррис, был в городе, Курт и Кортни пришли к нам на ужин. После него Курт поднялся, пожал руку Дагу и совершенно серьезно сказал: «Я на самом деле не знаю, чем вы занимаетесь, но вы очень хороший человек, и я рад с вами познакомиться». Конечно же, Курт точно знал, чем он занимается.

Почему-то я считал, что могу положиться на Курта, чтобы он помог мне с новой работой, и в то же время я давал ему новое направление для помощи исполнителям, к которым он был неравнодушен. Едва перейдя в Atlantic, я спросил Курта, кто его любимый музыкант, еще подписавший контракт с мейджор-лейблом. Он тут же ответил: «Captain America», и именно поэтому мы подписали контракт с Eugenius. Изменив название по требованию Marvel Comics, группа лишилась немалой части известности, которую обеспечил Курт, но Юджин Келли все равно был весьма талантлив, и, что еще важнее, я хотел показать Курту, что готов ему помочь. Стив Гринберг, молодой A&R-щик из Atlantic, дружил с Келли, и мы быстро подписали с ними контракт.

Так или иначе, чаще всего казалось, что Курт делает для меня больше, чем я для него. Джулиана Хэтфилд была самой успешной артисткой на лейбле под названием Mammoth Records, который с моей подачи был перекуплен Atlantic. Ее песня My Sister получила неплохую ротацию на альтернативных рок-радиостанциях и MTV, а еще она написала песню под названием Nirvana – о том, как важна для нее группа.

Альбом Джулианы был спродюсирован Скоттом Литтом вскоре после того, как он пересвел синглы с In Utero. Когда Nirvana играла в Нью-Йорке, Литт провел ее за кулисы, но Курт был сильно вымотан и даже толком с ней не поздоровался. На следующий день она получила от него факс, в котором он сказал, что ему очень понравился ее новый альбом, и извинился за вчерашнее поведение. «Я был совершенно дезориентирован из-за всей этой обычной фигни со встречами после концертов. Нам

очень повезло, что мы знакомы с Дэнни Голдбергом. Он самый честный человек в шоу-бизнесе и, пока он с нами, мы можем быть уверены, что находимся в хороших руках. Желаю тебе всего наилучшего… С любовью, Курт». Я не знал об этом письме, пока после смерти Курта Джулиана не прислала мне копию. До сих пор держу эту копию в рамке.

У меня смешанные чувства по поводу продюсерской работы Курта на альбоме The Melvins Houdini, которая стала самым значительным взаимодействием Курта с Atlantic. Я хотел подписать с ними контракт с тех самых пор, как пришел на лейбл: она оказала на Курта огромное влияние, и я считал, что для него будет важно спродюсировать их первый альбом для нас. Конечно, я также понимал, что его имя на пластинке гарантированно привлечет внимание прессы. Houdini оказался единственным альбомом, на котором Курт официально значится продюсером, а Atlantic – единственным мейджор-лейблом, на котором выходили альбомы The Melvins.

Я передал проект Элу Смиту, молодому сотруднику отдела поиска артистов и репертуара из Atlantic и поклоннику The Melvins. Смит вспоминает, что его, как и Курта, да и Криста в молодости, впечатлила харизма их вокалиста Базза Осборна.

– Я видел, как они выступили на разогреве у GWAR. Базз весь концерт играл одну ноту. Он стоял спиной к зрителям. Они были такими дерзкими, так хорошо знали, кто они, и у них было уникальное звучание. Я знал, что хочу с ними работать.

Запись проходила в Сан-Франциско, и это стало важнейшим временем в карьере Смита.

– Курт тогда был, наверное, самой крутой рок-звездой на планете. Я возил его в арендованной машине из гостиницы в маленькую студию в районе Мишн и обратно. Я считал Курта, блин, гением, Джоном Ленноном нашего поколения. Он сделал больше за очень краткий период времени, чем большинство людей – за всю карьеру.

Поначалу Курт почти ничего не говорил Смиту. Когда Nirvana записывала альбом, в студии не было никого из A&R-щиков, Курту вообще не нравилось, что кто-то смотрит через плечо. Однажды на студию приехал журналист из пиар-департамента Atlantic якобы для того, чтобы написать статью о The Melvins. Вместо этого он начал задавать вопросы о Курте и Кортни, и им обоим стало очень некомфортно. Эл тут же позвонил мне, объяснил ситуацию, и я разрешил ему выставить журналиста за дверь. Увидев, как Эл заступился за него, Курт заметно потеплел к молодому администратору и даже дал ему свой личный номер телефона.

Однажды Смит спросил Курта, каково это, когда тебя так обожают. Тот ответил: «Эл, меня интересует только музыка. Все остальное мне не очень нравится. Слава – это не так уж и весело». Потом он предложил сходить поесть такос. На улице они прошли мимо «парня, который явно пытался выглядеть как Курт. Длинные светлые волосы, рваные джинсы, кеды Converse, полосатый свитер. Он даже не подозревал, что мимо него идет настоящий Курт Кобейн. Тот просто посмотрел на меня и сказал: «Видишь?»

По словам Смита, The Melvins были опытными ветеранами, записавшими немало альбомов, так что Курт практически не вмешивался в их работу, но иногда отводил Базза в уголок, и они там тихо бренчали на гитарах.

– Курт был настоящим гением припевов, и его главным вкладом был совет сосредоточиться на них. Мы прослушивали записанные дубли в машине, возвращаясь обратно в гостиницу.

В первые несколько дней атмосфера была замечательной.

– Курт и Базз очень нравились друг другу. Базз был одним из немногих, кто знал Курта еще до того, как он прославился. Базз совершенно спокойно относился к его рок-звездности. Еще Курту очень нравился Дейл Кровер (барабанщик Melvins).

Ободренный первыми сводками, я надеялся, что Курт напишет для альбома песню, и посоветовал Баззу попросить его об этом. Через пару дней Курт позвонил мне и сказал: «Базз попросил меня написать песню для The Melvins. Я не буду этого делать. Все хорошие песни я оставлю для Nirvana». Я почувствовал себя ужасно. Судя по голосу Курта, проект вызывал у него стресс, а я лишь усугубил этот стресс.

Запись длилась три недели. Смит вспоминает:

– Я понимал, что Курт самый умный парень в этой комнате, и хотел, чтобы это как-то отразилось на записи. Вскоре он решил, что я давлю на него.

Однажды Курт позвонил мне и недовольно рассказал, что Смит заставляет его больше участвовать в аранжировках. Я накричал на молодого A&R-щика, сказав, чтобы он поумерил пыл. Он был неопытен и считал, что в подобной ситуации его работа – «сделать» что-нибудь, чтобы альбом звучал лучше. Я не мог вынести даже мысли, что кто-то, кто связан со мной, может расстроить Курта. А еще я знал, что если вы хотите повлиять на Курта, нужно как можно меньше активных действий. Единственный способ по-настоящему увлечь его – сделать так, чтобы он почувствовал себя уверенно, а в подобной ситуации критика не продуктивна. Смит отошел в сторону, и через пару дней, когда подвозил Курта в гостиницу, застал его «в хорошем настроении, потому что вчера он написал песню для следующего

альбома Nirvana. Он был очень взволнован».

Однажды вечером после записи Курт, Кортни, Дейл Кровер с девушкой и Смит пошли на концерт Пи Джей Харви в «Слимс». Их имена были в списке гостей, но у входа собралась огромная очередь. Кортни настаивала, чтобы они сразу пошли вперед. Курт хотел постоять в очереди вместе со всеми, но вскоре их узнали, и потом из клуба кто-то выбежал и поспешно провел их внутрь. Смит вспоминает:

– Динамика отношений Курта и Кортни была замечательной. Говорила практически всегда она. Она напоминала ленту Twitter. Он отвечал взглядами, и она всегда понимала, что он имеет в виду.

Хорошее настроение долго не продлилось, потому что Курт снова начал принимать героин. Смит вспоминает:

– Курт был полностью в себе лишь первые десять дней. У него были хорошие дни и плохие – чаще плохие. Иногда он в студии увлеченно работал, а иногда – спал на диване, пока The Melvins записывались. Я никогда раньше не имел дела с героином, поэтому не знал, как это выглядит. Иногда он был мрачным, забивался в угол и спал. Мы никогда не могли предсказать, каким будет Курт сегодня.

Когда группа записала примерно полдюжины песен, Курт уехал со студии. Он был слишком утомлен, и The Melvins закончили альбом без него. В интервью журналу Kerrang! через много лет после смерти Курта Базз вспоминал:

«Houdini стал первым альбомом, который мы записали для Atlantic Records, и самым продаваемым из всех, хотя, конечно, на деньги с него я все равно не смог купить себе «Роллс-Ройс» или еще что-нибудь такое. Нас вынесло наверх на волне популярности Nirvana, и я уверен, что если бы не они, нами бы вообще никакой мейджор не заинтересовался. Мы хотели записать альбом, который не отпугнет наших фанатов… мы отлично знали, что платинового диска у нас не будет никогда. Мы провели несколько сеансов записи с Куртом Кобейном, но в конце концов он настолько потерял контроль над собой, что мы, по сути, уволили его, и наши дороги разошлись».

У Кортни другое мнение: «Курт был очень рад возможности спродюсировать альбом, но Базз был очень мрачным».

Многие знакомые Курта знали, что не могут контролировать его, но они хотя бы пытались заставить его помочь самому себе. Бадди Арнольд все пытался записать Курта на программу «Двенадцать шагов», но, как бы хорошо Курт ни относился к старому джазмену, на это он так и не согласился.

Существуют и другие духовные пути, кроме «высшей силы» из

программы «Двенадцать шагов», так что на Рождество я подарил Курту и Кортни статуэтки индийских божеств Ганеши и Дурги. Я обнаружил, что связь с подобными образами невероятно помогала мне за все эти годы, и надеялся, что, может быть, в глубине души Курт тоже найдет для себя эту связь. Впрочем, без прыжка веры (и/или благословения) это были просто статуэтки.

Курт никогда не проявлял неуважения к моему увлечению восточной духовностью, вдохновленной хиппи, или к буддистским мантрам Кортни и Эрика, или даже к «высшей силе», о которой говорят в программе «Двенадцать шагов», но, похоже, решил, что никакие из этих глобальных идей не применимы к нему. Одно дело – сочувствовать другим, и совсем другое – верить, что хоть кто-нибудь, хоть какая-нибудь сила во вселенной понимает тебя.

В следующие несколько месяцев Курт часто упоминал в интервью альбом The Melvins, который вышел 21 сентября 1993 года, в один день с In Utero. Курт пришел на вечеринку, посвященную выходу альбома, которую Atlantic устроил в рамках «Нового музыкального семинара» в Нью-Йорке. Смит вспоминает:

– Atlantic устроил акустический концерт в гостинице с участием нескольких групп, в том числе The Melvins, The Lemonheads и Surgery. Там были Дейв Грол, Ким Дил из The Pixies и Кортни. Курт пришел после концерта Nirvana в «Колизеуме», одетый в тот же самый красно-черный полосатый свитер, что и на записи.

Кортни добавляет: «Он гордился альбомом The Melvins».

Когда я пишу эти строки, карьера The Melvins длится уже тридцать пятый год. В каком-то смысле Houdini стал просто «запятой» в долгой карьере, в которой важнее всего была артистическая искренность, но, по словам Смита, «я и сегодня встречаю фанатов The Melvins, и большинство из них считает Houdini одним из пиков группы». В начале 2018 года сервис Spotify предлагал слушателям двадцать шесть студийных альбомов группы, охватывающих период с 1989 по 2017 год. Самый популярный их трек с большим отрывом – Honey Bucket с Houdini (3,8 миллиона прослушиваний), а пять из шести самых прослушиваемых треков The Melvins – с альбома, который продюсировал Курт.

Еще один артист, который очень нравился Курту, – Дэниэл Джонстон, певец и автор песен, боровшийся с душевным недугом. На одной из футболок, которые Курт надевал, зная, что ему придется фотографироваться, была изображена обложка инди-кассеты Джонстона Hi, How Are You. Ив Бовуа, A&R-щик с Atlantic, обычно работавший с джазовыми артистами, был просто одержим

Джонстоном. По просьбе Курта я одобрил подписание контракта. Atlantic Records выпустил Fun осенью 1994 года, уже после смерти Курта, когда Джонстон снова лежал в психиатрической больнице. То был его единственный релиз в большой компании; после того как я ушел, Atlantic отказался от него, и Джонстон продолжил выпускать инди-альбомы.

Еще Курт попросил меня, чтобы Atlantic приобрел половину инди-лейбла Matador Records, который выпускал, среди прочего, альбомы Pavement и Лиз Фэр. Matador был одним из инди-лейблов, куда Курт отправлял письма и кассеты до того, как Nirvana взяли на Sub Pop.

Моя работа в Atlantic Records пришлась на период, когда все мейджор-лейблы устроили безнадежные поиски «следующей Nirvana». Я знал, что другой такой группы не будет, но в то же время мне ничто не мешало зарабатывать деньги для своей компании с помощью исполнителей, которые обращались к рок-аудитории, уже услышавшей Nevermind. Несмотря на то что Курту не нравились Stone Temple Pilots и некоторые другие музыканты, с которыми я подписал контракт, он никогда не говорил о них ничего плохого ни мне лично, ни на публике.

На личном уровне, впрочем, Курта интересовала только музыка, которую он считал искусством. В примечаниях для буклета Incesticide он упомянул британскую арт-роковую группу The Raincoats, а весной 1993 года написал сопроводительный текст для компиляции Raincoats, вышедшей в Великобритании. Начал он с того, что еще раз повторил, что для него значит эта группа: «Я на самом деле особенно ничего не знаю о The Raincoats, кроме того, что они записали музыку, которая так сильно на меня повлияла, что каждый раз, слыша ее, я вспоминаю то время в жизни, когда я был (скажем так) невероятно несчастен, одинок и утомлен. Если бы не эта роскошь – возможность поставить заезженную пластинку с первым альбомом Raincoats, – у меня было бы очень немного моментов покоя».

Закончил Курт фразой: «Они играют свою музыку для себя», и, прочитав ее, я подумал, что Курт писал ее не без меланхолии, размышляя о дороге, по которой не пошел сам. С самого начала музыкальной карьеры Курт решил, что его путь требует связи с большой аудиторией. Но в то же время его давно занимала подобная интимность в музыке. Он отдал дань уважения своим панковским корням, выпустив Incesticide и записав In Utero с Альбини, а потом его практически сразу увлек звук акустических инструментов, и он придумал, как выразить себя по-новому, при этом добавив новую грань к карьере Nirvana.

Глава пятнадцатая
Unplugged

Курт все еще считал важным иметь хорошие отношения с MTV, так что в декабре 1993 года позвонил Эми Финнерти и попросил ее прислать Курта Лодера на концерт в Сент-Поле, чтобы развеять негатив, оставшийся у Курта и Кортни после того, как тот пересказал в эфире статью из Vanity Fair. Лодер сказал, что провел с Куртом всего несколько минут, и все это время он говорил только про Леда Белли.

С 1989 года MTV проводил unplugged-концерты, на которых рок-музыканты исполняли свои песни на акустических инструментах. Некоторые из этих концертов позже выходили в качестве альбомов, в частности, Unplugged Эрика Клэптона, который в 1992 году выиграл «Грэмми» в номинации «Альбом года».

Альбом Nirvana: MTV Unplugged in New York стал большим хитом, потому что вышел после смерти Курта. Однако записали его меньше чем через два месяца после выхода In Utero, и поначалу Курт относился к нему как к способу по-прежнему присутствовать на MTV, не выпуская нового клипа, и одновременно поэкспериментировать с новым направлением в творчестве.

Финнерти вспоминает:

– Он поселился в «Парамаунт-отеле» неподалеку от студии MTV и попросил меня приехать к нему. Он беспокоился, что ничего не получится. Дейв играл слишком жестко.

Проблему решили, когда Дейв согласился играть на барабанах только щетками, а Курт назначил дополнительную репетицию, чтобы довести до ума некоторые аранжировки с более мягким перкуссивным звуком.

Я с тяжелым сердцем сказал Курту, что не смогу приехать на съемки в Нью-Йорк 18 ноября 1993 года. Хотя меня только что сделали президентом Atlantic Records, штаб-квартира которого располагалась в Нью-Йорке, я по-прежнему бывал там наездами из Лос-Анджелеса, потому что Розмари была на восьмом месяце беременности. Я никак не мог уехать от нее на три тысячи миль в такой момент. Наш сын Макс родился через двенадцать дней.

Джанет вспоминает: «До концерта Курт чувствовал себя не то чтобы очень хорошо». (Она так более тактично сформулировала «он был под кайфом».) На саундчеке Джанет в основном общалась с людьми с MTV, пока Курт не настоял, чтобы она села и

внимательно послушала прогон.

– Вот тогда я поняла, что это будет что-то совсем иное, чем то, что он делал раньше, – вспоминает она.

Курт попросил Скотта Литта сводить звук на съемках Unplugged; запись шла вживую в передвижной студии. Литт вспоминал, что Алекс Колетти с MTV предложил исполнить акустические версии хитов с Nevermind, то есть поступить так, как большинство других артистов, выступавших в этой программе. В предыдущих случаях Курт соглашался «кормить зверя» MTV, не настаивая на полном соответствии своему творческому видению. Он согласился сыграть Lithium вместо Rape Me на VMA, но это было шоу MTV. А вот акустический концерт – уже выступление Nirvana. Курт считал это искусством, а не рекламой, а говорить ему, что делать с его искусством, не мог никто. Он полагал, что, за исключением Come as You Are, хиты Nirvana с Nevermind не подходят для акустических аранжировок, да и переделывать Heart-Shaped Box он тоже не желал.

MTV не стали настаивать ни в этом случае, ни когда Джанет отвергла идею канала пригласить специальных гостей, известных зрителям, например, Эдди Веддера или Тори Эймос. Джанет даже не рассказала об этом Курту, понимая, насколько это в принципе противоречит его замыслу. Вместо этого Курт пригласил выступить Криса и Курта Кирквудов из Meat Puppets. Джанет вспоминает: «Он вписал их за день или два до выступления. На MTV ничего не поняли, но согласились». Курт спел три песни Meat Puppets, которые до этого никогда не исполнял публично, и подарил им такую жизнь, о которой не помышляла даже такая ценительница инди-рока, как Джанет. «Откуда он знал, что они прозвучат как шедевры?»

В документальном фильме о съемках Unplugged с Nirvana, выпущенном MTV много лет спустя, пара руководителей канала все равно ворчала из-за отсутствия хитов и знаменитых гостей. Это типичная разница во взглядах между медиакомпанией, которая сосредоточена на текущих чувствах массовой аудитории, и артистом-визионером, который творит для будущего. Подобно Дэвиду Боуи, отказавшемуся от персонажа Зигги Стардаста, или Джону Леннону, спевшему «Мечте конец» после ухода из The Beatles, или Дилану на различных развилках карьеры, Курт в тот момент занимался деконструкцией персонажа, сделавшего его знаменитым, чтобы поддержать жизнь в своем внутреннем артисте.

Курт сказал Колетти, что хочет, чтобы на сцене стояли лилии сорта «Старгейзер» и свечи. «Как на похоронах?» – спросил продюсер. «Да, как на похоронах». Курт умер всего через пять

месяцев, и многие журналисты отметили этот факт и то, что пять или шесть песен, попавших в эфир, были о смерти, но на тот момент декорации и сет-лист выглядели вполне соответствующими мрачной эстетике, которую предпочитал Курт.

Перед съемками он ужасно нервничал. Всем предыдущим записям предшествовали месяцы интенсивных репетиций, а тут Курт выставлял на обозрение миллионов людей новую главу в музыке Nirvana, имея на репетиции всего три дня.

Финнерти описывает, что было перед шоу:

– Я знала, в каком хрупком состоянии он находится, так что оставалась с ним наверху. Потом Курт ушел в туалет и не выходил.

Она поняла, что он укололся и отключился.

– Было очень страшно. Разные люди спрашивали меня: «Найдется что-нибудь, чтобы его взбодрить? Ему не станет плохо?» Не знаю, понимали ли они, насколько близки мы были к срыву шоу. Мы не знали, придет ли он в себя.

Еще через несколько минут Курт вышел из туалета и спустился вниз с Финнерти. «Он хотел убедиться, что некоторые его друзья, в частности Джанет, будут сидеть в первом ряду». Потом он попросил Финнерти сводить его в фойе, чтобы поближе увидеть зрителей. Они прошли вдоль очереди, выстроившейся в ожидании рассадки. «Люди кидались на него, и ему это было очень нужно. Он хотел обняться с фанатами».

Даже в своем измотанном состоянии Курт не забывал о молодой союзнице. Возвращаясь за кулисы, Курт отвел в сторонку президента MTV Джуди Макграт. Компания только что повысила Финнерти в должности и увеличила зарплату, и Курт сказал Макграт: «Хотел поблагодарить вас за то, что вы повысили Эми».

Курт надел футболку с логотипом феминистской панк-группы Frightwig, которую видно из-под его расстегнутого зеленого кардигана. Когда начался концерт (с Come As You Are), Курт был на высоте. «Можно было услышать, как муха пролетит – такого от концерта Nirvana точно никто не ожидал», – вспоминает Финнерти. Поскольку выступления для программы Unplugged записывались заранее, многие музыканты исполняли некоторые песни по второму или даже третьему разу, чтобы исправить ошибки или поменять что-то в аранжировках, но Nirvana выступила вживую, без дополнительных дублей. Когда дело дошло до кавер-версии на The Man Who Sold the World Дэвида Боуи, Курт сказал зрителям: «Я уверен, что запорю эту песню», но, конечно, ничего он не запорол.

Курт завершил концерт песней Леда Белли Where Did You Sleep Last Night? Несколькими годами ранее Курт и Крист

сыграли на кавер-версии этой песни, которую исполнял их друг Марк Ланеган, вокалист сиэтлской группы The Screaming Trees. Звукоинженер был застигнут врасплох, потому что Nirvana не играла песню ни на одной репетиции, но все равно записал великолепное исполнение Курта. Как написал Эндрю Уоллес Чемингс в The Atlantic.

Это едва ли не самое лучшее рок-исполнение всех времен. Весь вечер Кобейн, хоть и не мог по-настоящему скрыть своей тревоги – он ругался на музыкантов, корчил гримасы и хватался за наполовину выкуренные сигареты, – все равно сохранял контроль над ситуацией. До самого конца, когда на мгновение его потерял. В последней строке, «I would shiver the whole night through», Кобейн делает скачок на октаву и настолько сильно напрягает голос, что он срывается. Он выкрикивает слово «shiver» так громко, что группа перестает играть – словно на свадьбе в телевизионном ситкоме завязалась драка. Потом он сипит «whole» и делает что-то очень странное, что трудно описать: открывает свои пронзительные голубые глаза так внезапно, что кажется, что кто-то другой (или даже что-то другое) выглядывает из-под осветленной длинной челки со странной ясностью. А потом он заканчивает песню.

Когда Нил Янг впервые посмотрел концерт, он описал последнюю ноту Кобейна как «неземную, словно у волка-оборотня, невероятную». Один из руководителей MTV спросил, сыграет ли группа на бис, но Курт отказал.

Сразу после концерта, когда Джанет сказала ему, что все было потрясающе, Курт настаивал: «Мы хреново сыграли. Я дерьмовый гитарист». Он спросил Финнерти, почему зрители были такими тихими, потом начал сокрушаться: «Наверное, никому не понравилось». Джанет и Финнерти убеждали его, что он не прав. Тишина была из-за интимной обстановки. Люди сидели в слезах.

На следующий день, позвонив мне, Курт, похоже, уже осознал, что шоу удалось, и очень радовался. «Не могу дождаться, когда ты его увидишь. Думаю, оно на самом деле изменит взгляд многих людей на нашу группу». Я подумал, что это так типично для Курта – считать, что ему все еще нужно что-то доказывать.

Программа Unplugged сработала сразу на нескольких уровнях. Она показала качество его авторских работ (восемь из четырнадцати песен сочинил Курт) и вокала. Еще он опять-таки воспользовался этой платформой, чтобы привлечь внимание к менее популярным артистам, которых любил. Кроме

сравнительно неизвестных песен Meat Puppets, он включил в сетлист еще и композицию, которую любил очень давно – Jesus Don't Want Me for a Sunbeam Юджина Келли, записанную The Vaselines. Литт считает высшей точкой шоу песню Боуи:

– Она всегда трогает меня, причем каким-то странным образом. От того, как они ее сыграли, у меня мурашки по коже. Именно тогда я понял, что у нас выйдет нечто особенное.

Мне же лично больше всего нравится Pennyroyal Tea, которую Курт исполнил один под акустическую гитару. Передача пошла в эфир MTV 16 декабря, а за неделю до этого клип с акустического исполнения All Apologies попал в ротацию канала. В качестве дополнительной компенсации за то, что группа не сняла еще один клип, а также чтобы напомнить фанатам об агрессивной стороне Nirvana, Курт согласился дать еще один концерт для MTV. 13 декабря они записали в Сиэтле концертную программу, которую исполняли в турне In Utero. Хотя альбом Unplugged вышел лишь через семь месяцев после смерти Курта, он сразу понял, что именно такой должна быть концепция следующего релиза Nirvana. Курт задумался, не перезаписать ли всю программу в студии, – не из-за творческих проблем, а для того, чтобы сэкономить деньги. Литт вспоминает:

– Узнав, что MTV получает отчисления за альбомы Unplugged, он сказал мне: «Давай просто пойдем в студию и сделаем это еще раз. Теперь, когда мы знаем, что все работает, это будет просто».

Конечно же, никакой перезаписи так и не случилось.

Вскоре после съемок Unplugged Курт спросил меня, стоит ли записываться в турне Lollapalooza следующим летом. Я всегда считал, что Nirvana должна избегать этого турне – не потому, что не уважал его культурное влияние, а потому, что группа тогда окажется внутри чьего-то чужого музыкального видения, а это, как я считал, противоречит уникальному статусу Nirvana. Еще меня беспокоило то, что, хотя Lollapalooza предложила группе 6 миллионов долларов – больше, чем они заработали бы на собственных гастролях, – неустойки за отмену концертов в турне Lollapalooza были куда больше, чем на гастролях Nirvana. Учитывая, сколько концертов Курт отменил за последние два года, это могло стать серьезным ударом по финансам. Он, похоже, с облегчением услышал, что я против, и спросил: «А можешь сказать это Кортни?»

После того как Hole записала Live Through This, несколько руководителей DGC приехали в Сиэтл, чтобы обсудить с Кортни рекламную кампанию. С ними был и Мерлис, который вспоминает:

– В последний раз я увидел Курта на этой встрече. Он держал

на руках Фрэнсис и удивленно спросил меня: «А ты что здесь делаешь?» Он был очень дружелюбным. Мы с ним спустились в подвал, и Фрэнсис тут же начала стучать на барабанах. Все было так прекрасно. Если предположить, что в любых отношениях должен быть какой-то последний момент, то этот момент вышел очень хорошим.

В рождественскую неделю Курт и Кортни еще раз попытались заняться здоровьем и поехали на спа-курорт «Кэньон-Ранч» в Тусоне.

В феврале 1994 года Nirvana отправилась в европейское турне, и Кортни пропустила его первый месяц. Она занималась рекламой альбома Hole, так что приехала вместе с Фрэнсис ближе к концу. Французский промоутер Жерар Друо напомнил мне, что Курт просто исчез, когда группа уже вот-вот должна была выйти на сцену на аншлаговом концерте в парижском театре «Зенит», где выступала хедлайнерами.

– Он поругался с Кортни в лимузине и вышел из машины, – вспоминает Друо. – Во Франции тогда не было сотовых телефонов. И наконец, когда я уже всерьез забеспокоился, что придется выйти и сказать шести тысячам зрителей, что Nirvana не сыграет, Курт приехал в обычном парижском такси, вышел на сцену и отыграл хороший концерт.

Последнее французское выступление было в Тулоне, близ Марселя.

– Мы продали около четырех тысяч билетов, – рассказывает Друо, – а для французской провинции это большая цифра. Я стоял на балконе и смотрел весь концерт, шоу вышло просто потрясающим.

После этого группа поехала в Италию, и The Melvins сыграли у них на разогреве на семи европейских концертах. То были последние выступления в истории Nirvana.

Глава шестнадцатая
Падение

4 марта 1994 года Кортни позвонила мне и сказала, что Курт принял большую дозу рогипнола в Риме и сейчас находится в больнице без сознания, балансируя между жизнью и смертью. Она плакала, и мы вместе помолились за него по телефону. Я перепугался, но не верил (или не хотел верить), что он умрет. Вести об этом происшествии попали в новости, и в следующие часы мне позвонили несколько обеспокоенных друзей. Периодически я получал сводки от Джанет, которая поддерживала тесный контакт с Кортни. Наконец пришла новость, что он в сознании. Курт все же выжил.

Поскольку через месяц он умер, передозировка в Риме оказалась тесно переплетена с историей о жизни Курта и его самоубийстве, но тогда я вздохнул с облегчением. С ним все хорошо! По наивности я поверил, что это свидание со смертью как-нибудь разбудит в нем понимание, что нужно что-то менять. Пока я рассказывал самому себе эту сказку, позвонил Дэвид Геффен и начал разговор с мрачного: «Что ж, некоторым людям просто невозможно помочь, что ни делай». Я стал рассказывать ему то же самое, что и всем остальным, – что Кортни там, и с ним будет все хорошо, но Дэвид перебил меня таким тоном, словно спрашивал, не сошел ли я с ума:

– Дэнни, он умер. Кортни только что позвонила мне и сказала, что он умер.

Я задрожал от ужаса, но затем засомневался. Я сказал ему, что, конечно, вполне возможно, что Курт действительно умер, а мне еще не сообщили, но, возможно, это просто чья-то злая шутка. Мне казалось маловероятным, что Кортни могла позвонить ему, не сообщив эту якобы новость ни Джанет, ни Розмари, ни мне, хотя, учитывая безумие ситуации и зная, какую важную роль Геффен играл для Кортни, возможно было все. Геффен, понятное дело, был очень раздражен из-за неизвестности и самого предположения, что кто-то решил с ним пошутить на такую серьезную тему, и попросил меня тут же позвонить ему, как только я что-нибудь узнаю.

Понадобилось двадцать мучительных минут, прежде чем Джанет дозвонилась до Кортни и подтвердила, что Курт все еще жив; я тут же позвонил Геффену и подтвердил, что с ним разговаривала какая-то самозванка. Я так и не узнал, что это была за сволочь и зачем это было сделано. Но вокруг знаменитых

людей, бывает, и такое происходит.

Когда я наконец через несколько дней поговорил по телефону с Куртом, он был весел, но слаб. Когда они через две недели вернулись в Сиэтл, Кортни (тогда я об этом не знал) вызвала полицию, потому что Курт заперся у них в комнате с огнестрельным оружием, и она очень боялась, что он причинит себе вред. Полицейские конфисковали четыре ствола и несколько коробок с патронами.

Через несколько дней после этого, 24 марта, Кортни упросила меня приехать в Сиэтл и устроить интервенцию вместе с еще несколькими людьми. Она сказала, что в таком плохом состоянии, как сейчас, она Курта не видела еще никогда, и впервые с тех пор, как родилась Фрэнсис, он не улыбался даже в присутствии дочери. В последнюю пару лет я пережил вместе с Кортни немало трудных дней.

Я видел ее в отчаянии, разъяренной, под кайфом, но страх в ее голосе я услышал впервые.

На следующее утро я встретился в аэропорту имени Кеннеди с Джанет и наркологом по имени Дэвид Берр, которого она спешно нашла, и мы втроем сели в самолет до Сиэтла. Берр был добродушным, бородатым мужчиной лет сорока. Он не пытался быть крутым или впечатлить нас именами людей, с которыми ему доводилось работать, как тот товарищ пару лет назад, но я сомневался, что любому незнакомому человеку удастся хоть как-то достучаться до Курта. Тем не менее я понимал, что его присутствие придаст грядущей конфронтации серьезности – именно поэтому, скорее всего, Кортни попросила Джанет кого-нибудь найти.

Примерно в полдень мы пришли в большой дом Курта и Кортни по адресу: 171 Лейк-Вашингтон-бульвар. Примерно в то же время приехали еще и несколько человек из Лос-Анджелеса. Курт сидел на полу в большой гостиной со своим давним другом Диланом Карлсоном, гитаристом и певцом инди-рок группы Earth. Карлсон и Курт какое-то время жили в одной комнате в Олимпии. У них обоих были остекленевшие глаза, и оба источали мерзкую наркоманскую гордость, словно два единственных члена какого-то эксклюзивного клуба.

Курт тут же занял оборону, что меня не удивило. Никому не нравится, когда на него начинает давить сразу целая группа людей, заявившихся домой без предупреждения. В некоторых рассказах об этом дне описывается обычная интервенция – словно каждый по очереди говорил с ним и предупреждал, что не будет с ним больше общаться, если тот продолжит принимать наркотики. Но на самом деле все было не так. Я помню, что мы все просто

умоляли его прекратить для его же собственного блага. Тем не менее Курту все происходящее виделось непрошеным вторжением, и я понимаю, почему Кортни позже сказала, что жалеет об этой идее: «Курту казалось, что против него объединились все».

Мои слова ему были просты. Я вижу, что ты несчастен. Что бы тебя ни беспокоило, ты не сможешь с этим по-настоящему справиться, пока не откажешься от наркотиков. Курт начал рассказывать мне, что чувствует себя как в ловушке, потому что его узнают везде, куда бы он ни пошел, а Дилан сочувственно кивал. Я был раздражен таким сомнительным поводом принимать наркотики и даже немного оскорблен тем, что он дал мне настолько избитый ответ, но понимал, что он чувствует себя в осаде, так что глубоко вдохнул и попытался принять это за чистую монету. Я напомнил ему, что он знаменит уже больше двух лет, и у него почти никогда не было проблем с тем, чтобы слиться с толпой, стоило ему буквально чуть-чуть изменить внешность. Какая связь между славой и отказом от героина?

После этого Курт поменял тактику и с негодованием спросил меня:

– Зачем ты вообще со мной об этом говоришь? Говори с Кортни!

Мне показалось, что на этот раз он, по крайней мере, говорит искренне. Я заверил его, что ей я сказал то же самое, и она ответила, что готова лечь на реабилитацию.

Я чувствовал себя совершенно беспомощным. Всего несколько месяцев назад он любящим тоном сказал журналисту, что я ему словно «второй отец». Теперь же он едва меня слушал. В какой-то момент Джанет поднялась наверх, в туалет, и начала выбрасывать таблетки в унитаз. Курт понял, что́ она делает, и побежал вслед за ней, крича, что она не имеет права так поступать с его личной собственностью, и требуя от меня поддержки. Я пришел в туалет вслед за ними; Джанет была в ужасе. Мне было жаль их обоих. Курт считал происходящее вторжением в частную жизнь, но Джанет явно просто пыталась хоть как-то исправить ситуацию. После Рима она очень опасалась новой передозировки лекарствами. А еще это было драматичным способом показать Курту, насколько она за него беспокоится. Я сказал Курту, что понимаю, почему его расстроило наше незваное появление, но попросил его, пожалуйста, понять, что мы все ужасно боимся, что он может навредить себе.

Когда мы спустились вниз, в разговор решил вступить нарколог Берр; он сказал пару фраз о своей борьбе с пагубной привычкой, а потом попытался воззвать к Курту как к отцу. То,

что какой-то незнакомец взялся читать ему лекцию, разъярило Курта, и он горько сказал: «Вы ничего обо мне не знаете». До крайности возмущенный, Курт сказал, что ему нужна не реабилитация, а психотерапевт. А потом добавил, что не может доверять мотивам никого из собравшихся, так что будет искать специалиста через «Желтые страницы». И на самом деле он схватил большую книгу, которую в те времена раздавали абонентам телефонные компании, и начал лихорадочно листать ее, словно это был хороший способ найти психотерапевта.

Тщетно пытаясь придерживаться выбранного курса, я сказал, что любой психотерапевт, которого он найдет, сможет ему помочь только после того, как он перестанет принимать наркотики. Я не представлял, что вызвало у Курта в его последние недели такое отчаяние. Может быть, депрессии, которые давно витали над ним, наконец по-настоящему нанесли свой удар. Может быть, что-то случилось дома. Может быть, это было связано с карьерой. (Некоторые музыкальные идеи Курта, как он считал, не подходили для Nirvana, и в предыдущие месяцы он пару раз спрашивал меня, сможет ли сделать карьеру вне группы. Я ответил, что определенно сможет, но он вовсе не обязан выбирать или одно, или другое. Например, Нил Янг выпускал сольные альбомы и периодически возвращался в Crosby, Stills and Nash, когда ему этого хотелось.)

Я еще раз повторил, что какие бы у него ни были проблемы с группой, или, если уж на то пошло, с Кортни, или с демонами в голове, с которыми я незнаком, неважно, что он хочет сделать как артист или как человек, он так или иначе сможет думать яснее и принимать более хорошие решения, если пройдет детоксикацию. Я не знал, что еще мог сказать.

Курт не хотел меня слушать. Он стал настаивать, что Уильям Берроуз принимал наркотики много десятилетий, и это не мешало ему жить, и он не понимает, почему у него не может получиться точно так же. По какой-то причине это разозлило меня больше, чем все остальные его слова, и по моему тону это было заметно. Я сказал ему, что хочу вернуться домой, к моим детям. Я приехал только потому, что беспокоюсь за него, но сейчас я опаздываю на самолет. Я еще раз попросил его очистить организм, чтобы принимать более хорошие решения. Наконец, я сказал, что и после этого буду поддерживать его любым возможным способом, что бы он ни решил, но сейчас мне пора в аэропорт.

Когда я через несколько часов вернулся в Лос-Анджелес, мне было очень неприятно из-за того, что я разговаривал с ним таким раздраженным тоном, так что я тут же позвонил Курту и

извинился за то, что, может быть, говорил с ним слишком нравоучительно. Я сказал, что уважаю и люблю его, и просто очень расстроился, потому что беспокоюсь за него. Он был мрачен и, скорее всего, под кайфом, но даже в таком состоянии ответил мягким, добрым тоном: «Я знаю».

Пока я говорил с ним, в комнату вошла Кэти и сказала, что тоже хочет ему кое-что сказать. Я надеялся, что хотя бы ее голос его порадует, и дал ей трубку. Она говорила с Куртом минуту или две, негодующе сообщив ему, что Фрэнсис ущипнула ее, когда они в последний раз играли вместе. Выслушав ответ, она сказала:

– Курт, ты какой-то сердитый. Не будь сердитым! Потом она сказала, что любит его, и вернула трубку мне. Я тоже сказал, что люблю его. Мы с Куртом попрощались; отчаяния в голосе у него нисколько не поубавилось. То был наш последний разговор.

Через пару дней Курт и Кортни приехали в Лос-Анджелес и легли на реабилитацию, и я надеялся, что теперь она им поможет. Было немало историй о том, как наркоманам приходилось ложиться в клинику несколько раз, прежде чем у них наконец-то что-то менялось. Я думал, что для него как раз настал такой момент.

Прошло две недели. В пятницу, 8 апреля, я был в Нью-Йорке на встрече с генеральным менеджером Atlantic Вэлом Аццоли и Стиви Никс по поводу нового альбома, который она планирует для лейбла, и тут мой ассистент сказал, что на линии Розмари и что дело срочное. Она звонила из своей машины по пути к реабилитационной клинике, где лежала Кортни, куда ехала, чтобы сообщить ей, что произошло. Я сказал, что даже не представляю, о чем она, и Розмари ответила:

– О боже мой. Конечно, ты ведь тоже еще не знаешь. Курт покончил с собой.

Я никогда окончательно не забуду той печали и горя, которые испытал в этот момент.

Боль вскоре сменилась шоком и необходимостью «функционировать». Я улетел обратно в Лос-Анджелес, и на следующий день мы с Розмари, Кэти и четырехмесячным Максом полетели в Сиэтл, где нас встретила на лимузине женщина-водитель. Она быстро поняла, что мы приехали на похороны Курта.

– Вы знаете, я возила его несколько месяцев назад. Он был таким милым. Я рассказала ему, что мой четырнадцатилетний сын его большой поклонник, он спросил, где мы живем, и, когда понял, что это по пути к его дому, то предложил остановиться там и поболтать. Курт пожал моему сыну руку, посмотрел ему в глаза и сказал: «Знаешь, твоя мама – отличный водитель».

Под конец рассказа она уже всхлипывала, и мы вместе с ней. Собравшись с духом, она закончила:

– Моего сына так расстраивают люди, которые сейчас критикуют Курта. Он говорит, что они просто не понимают, через что Курту пришлось пройти.

На Джанет возложили поиск места для похоронной церемонии. Поскольку Курт покончил с собой, большинство церквей отказались проводить ее. «Я сидела в отеле «Четыре сезона» и обзванивала всех подряд из «Желтых страниц». В конце концов (менеджер Soundgarden) Сьюзен Силвер предложила обратиться к унитарианцам.

Позже мы все собрались в доме Кортни. В разных комнатах сидели буквально десятки людей; несколько человек были в одной из спален вместе с Кортни и матерью Курта Венди. Приехала Кэт Бьелланд из Babes in Toyland. Кортни часто враждовала с ней в прессе, но они все равно много друг для друга значили.

В какой-то момент Кортни сказала нам, что нашла предсмертную записку. Я не знал, держит она ее у себя какое-то время или только что ее нашла. В следующие годы эту записку опубликовали десятки раз, подвергая самым разным толкованиям, но когда она тогда читала ее вслух, сердце кровью обливалось. Она начала: «Бодде: постораюсь говорить словами простого парня, видавшего жизнь, хоть и предпочел бы сейчас остаться кастрированным инфантильным нытиком…» В этот момент она вставила:

– Долбаный Курт даже не умеет правильно писать «Будда».

Венди ахнула и сказала нам, что Бодда – это имя воображаемого друга, которого Курт выдумал, когда был маленьким. Мы все замолчали в изумлении.

Позже тем вечером Кортни отвела меня в сторону и сказала, плача:

– Мы с Куртом хотели быть такими же, как Дэнни и Розмари, но проблема была… в том, что мы оба хотели быть Розмари.

Она спросила, произнесу ли я речь на отпевании, и я начал искать в доме Библию. Я недавно побывал на похоронах, где раввин читал из Книги Екклезиаста («Всему свое время… время рождаться, и время умирать»), и это меня очень тронуло. Кортни хотела, чтобы после окончания службы поставили какую-нибудь песню, и я предложил In My Life Джона Леннона.

В унитаристской церкви Истины, с которой удалось договориться Джанет, речи произносили многие, кто знал Курта, когда он рос, а потом настала моя очередь. Я не фиксировал свои ремарки на бумаге, и, насколько мне известно, никакой записи не

существует, так что мои воспоминания довольно смутны. Я помню, что цитировал стих из Екклезиаста и сказал, что Курт был особенной душой, которая несла на землю свет, – как раз на это и ругался в своей книге Эверетт Тру. Но я считал так тогда и считаю до сих пор.

Мне не хотелось, чтобы люди, которые познакомились с ним только в последние несколько лет, почувствовали себя отстраненными. Эдди Розенблатт сказал, что с Geffen должны приехать только те, кто знал Курта лично, так что в церкви вместе с нами были помимо его самого Гари Герш, Марк Кейтс, Джон Розенфельдер, Рэй Фаррелл и Робин Слоан. Я думал о них, о Силве и о других работниках Gold Mountain. Я рассказывал, каково было работать с ним после того, как он приехал в Лос-Анджелес, как он хотел сохранить свою артистическую честность и в то же время донести свою музыку до множества людей. Я думал о Розмари, так что рассказал историю о том, как мы вдвоем убеждали Курта, когда он пытался решить, выступать на MTV Video Music Awards или нет. А еще я думал о жене Курта. В Rolling Stone напечатали единственную точно сохранившуюся цитату из моей речи: «Я считаю, что он покинул бы этот мир намного раньше, если бы не познакомился с Кортни».

Дальше, когда заиграла песня Леннона, я уже почти ничего толком не помню. Увидев Эдди Розенблатта, я обнял его и зарыдал ему в плечо. Через пару минут ко мне подошел какой-то человек, пожал мне руку и представился отцом Курта, Доном Кобейном. Позже я рассказал Кристу, что никогда раньше не встречался со старшим Кобейном, и тот ответил: «Ага. Курту было очень трудно его простить, – а затем добавил с тоской: – А вот я очень отходчивый».

В прессе после смерти Курта поднялся невероятный шум. Новость попала в выпуски всех телевизионных новостей, а Джуди Макграт с MTV рассказала мне: «Я поручила своим сотрудникам найти абсолютно все записи, которые он сделал для нас, и поставить их подряд». В New York Times на первой странице вышел некролог, в заголовке которого Курта назвали «нерешительным поэтом гранж-рока». Он, конечно, не был особо нерешительным, не считал себя поэтом и редко произносил слово «гранж», но сама статья была исполнена достоинства, которое я посчитал вполне уместным.

Не все были согласны. На передаче CBS60 Minutes комментатор Энди Руни возмутился бурей эмоций по поводу самоубийства наркомана. Он спрашивал: «Подобные артисты вообще дают хоть что-то миру, у которого столько забирают?»

Через несколько дней колумнист New York Times Фрэнк Рич

рассказал о том, насколько взбесили его сыновей-подростков слова Руни, а также штамп мейнстримовой прессы о том, что Курт был голосом своего поколения. «Изображать мистера Кобейна… символической жертвой славы, или наркотиков, или рок-нигилизма – значит ничего о нем не понимать… его первобытные крики чистой боли, не подслащенные шоуменством или сентиментальностью… требовали более прямого и страстного ответа. Без подсказок от шумихи в прессе миллионы американцев установили эту тесную связь».

На следующий день в панк-роковом мире начал циркулировать сатирический факс, притворяющийся служебной запиской, которую я якобы отправлю Силве через год, радуясь всем тем деньгам, которые мы вроде как заработали, эксплуатируя смерть Курта. Даже если не говорить об отвратительных, несправедливых инсинуациях по поводу наших мотивов, сам по себе штамп «мертвый артист ценнее живого» неверен. Тогда, как и сейчас, рок-музыканты зарабатывали больше денег с гастролей, чем любым другим способом. Хотя после смерти исполнителя продажи его альбомов часто подскакивают, тот простой факт, что больше никаких альбомов и гастролей не будет, намного более негативен с финансовой точки зрения. Если вы имеете хоть какой-то опыт работы в музыкальном бизнесе, неважно, насколько вы при этом корыстны или глупы, вы ни за что не скажете, что мертвый артист ценнее живого. И, если говорить более по теме, мы были убиты горем из-за смерти Курта не меньше, чем кто-либо из штата Вашингтон. Сатирическое «письмо» заканчивалось весьма жестокой фразой, приписанной «мне»: «Теперь, когда Курт наконец-то перестал лезть к нам со своим творчеством, мы сделали карьеру, которую всегда хотели».

По причинам, которые я так и не понял, Кортни сначала подумала, что автором этого факса был Слим Мун. Она разнесла Муна в щепки на Velvet Rope, форуме AOL, который был зачаточной формой социальных сетей. «НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ, ЧТО ТЫ СОЧИНИЛ ЭТОТ ФАКС О РЕЧИ ДЭННИ НА ПОХОРОНАХ. Курт был в этой церкви, и все, что он услышал из уст Дэнни Голдберга, – любовь, искренность, сострадание и ЭМПАТИЮ, ту самую эмпатию, которая его убила, болезненную долбаную истинную красоту, которую он не смог пережить и которую ты вообще, на хрен, не понимаешь». Мун категорически отрицал свое авторство, и у нас с ним позже завязалось позитивное общение по электронной почте.

Когда я недавно разговаривал с Муном, он сказал, что ничего не знает о происхождении факса, но объяснил мне, что его и его инди-друзей оскорбила моя история о том, как мы с Розмари

говорили с Куртом о выступлении на церемонии MTV.

– Контингент из Олимпии считал, что сопоставление сожалений Курта о том, что он решил пойти на мейджор-лейбл, и хвастовства менеджмента по поводу того, как им удачно манипулировали, было оскорбительным, особенно когда некоторые люди считали, что он умер именно потому, что им манипулировали.

Кэрри Браунштейн написала в мемуарах, что одной из причин, по которым ее группа Sleater-Kinney подписалась на лейбл Муна Kill Rock Stars, а не на мейджор, стала смерть Курта. «Если упрощать до предела его историю, она выглядит так: парень подписал контракт с мейджор-лейблом, стал настолько знаменитым, что оторвался от своей аудитории, а потом покончил с собой… эта трагедия вошла в метафорический учебник, служа важным предостережением».

Я считал, что это как-то глупо – пользоваться смертью Курта как аргументом в самодовольных рассуждениях о якобы морально более правильном выборе. Моя собственная «история предупреждения» звучит так: не принимай героин. Не становись долбаным наркоманом. А если ты наркоман, то сделай все, чтобы остановиться. Впрочем, даже фактор наркомании необязательно плох. Разум и душа до сих пор окутаны тайной. За возможным исключением святых, люди просто не предназначены для того, чтобы узнать все о жизни и смерти.

Даже в то время я понимал, что и авторы факса, и те, кто смеялся над ним, тоже тяжело переживают смерть Курта. Они хотели накинуться хоть на кого-нибудь, придумать хоть какое-нибудь объяснение ужасной трагедии. Они любили его – по крайней мере, любили ту его часть, которая была им знакома, точно так же, как я и все остальные из Лос-Анджелеса любили ту его часть, которая была знакома нам. Я работал на Альберта Гроссмана, когда Дженис Джоплин умерла от передозировки, и, хотя он был моим боссом, в глубине души я спрашивал себя, мог ли Гроссман сделать что-нибудь, чтобы предотвратить ее смерть.

Эта мысль была совершенно иррациональной, и, оглядываясь назад, я понимаю, насколько был несправедлив, но я вполне понимаю желание обвинить кого угодно, кто связан с артистом, в том, что тот покончил с собой. Часть кармической расплаты за возможность поработать с Куртом заключалась в том, что на меня обрушилась ярость других людей, тоже любивших его.

Я неделями просматривал Velvet Rope в поисках комментариев о смерти Курта. Когда фанаты обвиняли меня или моих коллег, я отвечал, что мы потеряли человека, которого любили, и мы очень жалеем, что не смогли не дать ему покончить

с собой. Большинство, поняв, что мы на самом деле тоже люди и тоже оплакиваем его, извинялись.

Куда меньше доброжелательности я испытывал к тем немногим рок-журналистам, которые писали самодовольные статьи о том, что, если бы только те из нас, кто работал с Куртом, честнее рассказывали прессе о его проблемах с наркотиками, эта откровенность каким-то чудесным образом спасла бы ему жизнь. Во-первых, в наши обязанности входило в том числе сохранение конфиденциальности частной жизни. Во-вторых, я не знаком ни с одной хоть сколько-нибудь жизнеспособной теорией, которая доказывала бы, что широкое освещение чьей-либо зависимости в прессе помогает наркоману избавиться от нее.

Через пару недель после похорон Розмари рассказала мне о частном детективе, которого Кортни наняла, когда Курт завершил реабилитацию. В прошлом она никогда не делилась со мной подробностями своих профессиональных разговоров с Куртом и Кортни, потому что работа юриста требует сохранения тайны, но в данном случае сделала исключение из-за невероятного давления со стороны детектива, которого звали Том Грант.

Судя по всему, Кортни разделяла идею Курта, что единственный способ найти помощь и при этом не подвергнуться манипуляциям, – заглянуть в «Желтые страницы»; именно там она нашла Гранта. После того как Курт уехал из реабилитационного центра «Эксодус» в Марина-дель-Рей и Кортни не смогла его найти в течение пары дней, она сильно встревожилась и наняла детектива, чтобы тот попытался обнаружить его по записям использования кредитных карточек и с помощью прочих подобных хитростей. Розмари вспоминает: «Она попросила меня сотрудничать с ним и следовать его инструкциям».

Когда Кортни только наняла Гранта, детектив отправился в Сиэтл и провел некоторое время с Диланом Карлсоном, который, судя по всему, был последним, кто видел Курта живым. Дилан пошел с Куртом в магазин «Стэн Бейкер Спортс» и купил ему дробовик, потому что сам Курт не мог купить оружие из-за недавних ссор с Кортни, в которые пришлось вмешиваться полиции.

Заметив, какое невероятное внимание прессы привлекла смерть Курта, Грант решил продолжить «расследование» самостоятельно. Розмари спросила, не могу ли я поговорить с детективом и потом рассказать ей о своих впечатлениях. Я приехал в его маленький офис в сомнительном районе Голливуда, где места было только на него одного. Он изложил мне некоторые свои теории, которые позже вынес на публику в серии интервью и документальных фильмов. Грант сказал, что в

организме Курта нашли намного больше героина, чем необходимо, чтобы среднестатистический человек потерял сознание. Если Курт отключился, сказал детектив, значит, он не мог сам нажать на курок дробовика. Я напомнил ему, что Курт был рок-звездой и довольно долго имел доступ к высококачественному героину, так что его организм, скорее всего, был куда более стойким к этому веществу, чем у среднего человека.

Потом Грант спросил меня, действительно ли почерк на предсмертной записке принадлежит Курту. Я сказал, что видел ее только один раз, и меня трудно считать экспертом, но почерк был похож на другие его записи, сделанные от руки.

Еще через несколько минут мне стало ясно, что детектив совершенно уверен в том, что Курта убили. Я спросил, какой мотив мог иметь хоть кто-то, чтобы его убить. Грант улыбнулся с притворной мудростью и сказал: «Мертвый он ценнее, чем живой», повторив тот же самый миф, что и автор анонимного факса. Я объяснил ему, что верно обратное.

Я спросил Гранта, почему, если улики якобы ставят под такое большое сомнение версию самоубийства, полиция Сиэтла не ведет расследования. Разве у них недостаточно криминалистических инструментов и легальных полномочий? Разве у них нет стимула докопаться до истины в таком громком деле? Грант презрительным тоном ответил, что работал в департаменте шерифа Лос-Анджелеса и знает, насколько коррумпированной может быть полиция. Сначала я пытался видеть в нем хорошее, думал, что он просто искренне заблуждающийся искатель правды. Теперь же я понял, что он либо сумасшедший, либо шарлатан, либо и то и другое сразу.

Я не мог и до сих пор не могу представить, что Кортни могла быть замешана в убийстве мужа. Ничего из того, что Грант сказал тогда или в последующие годы, не изменило моей уверенности в том, что его теория неверна. Более того, сама идея, что Кортни, которая тогда лечилась от наркотической зависимости, каким-то образом могла подкупить полицию Сиэтла, просто смехотворна.

Вернувшись домой, я недвусмысленно сказал Розмари, что считаю Гранта жуликом, который просто ищет публичной славы и опьянен первым опытом работы над таким громким делом, и что его теории кажутся мне бессмыслицей. Она сказала ему, что не желает больше с ним общаться, и Грант в ответ попытался ее запугать, заявив, что, отказавшись от сотрудничества, она подвергает опасности свою карьеру.

Позже стало ясно, что Грант записывал на пленку разговоры с Розмари, не спросив разрешения, и в дальнейшем периодически

использовал цитаты из них, вырванные из контекста, пытаясь подкрепить ими свои утверждения. Даже через двадцать лет Грант все еще держал сайт, рекламирующий его теории, и за это время некоторые честно заблуждавшиеся писатели и режиссеры успели соблазниться теорией заговора с убийством. Кто-то из них даже пытался утверждать откровенно абсурдные вещи – что у Курта не было депрессии, что он не принимал наркотики и что у него больше не болел живот. Один конспиролог заявил, что Курта убили «сотрудники спецслужб».

Время от времени полиция Сиэтла публиковала дополнительные подробности дела, пытаясь отбиться от маленького культа конспирологов, цеплявшихся за теорию убийства, но даже до сих пор кое-кто из них верит, что Курт был убит.

Крист соглашается со мной, что все подобные теории абсурдны. Он считает, что его друг уже не был прежним после передозировки в Риме, и «у него что-то сломалось в мозге». В последних днях Курта он видит четкое планирование – вплоть до выбора мелкокалиберного ружья.

– Такое ружье покупают не для самозащиты, а чтобы стрелять по птицам. Он не хотел устраивать большого беспорядка.

Крист закончил той же фразой, которую ранее применил, описывая отношение Курта к искусству, но тон его был куда более горьким:

– Курт всегда все планировал.

Глава семнадцатая
После смерти

Скорее всего, если бы Курт не умер, в его следующем проекте участвовали бы другие музыканты, и он задействовал бы больше акустических инструментов. Он думал о совместной работе с одним из своих героев, Майклом Стайпом из REM. Стайп писал мне, что много лет не желал ничего говорить о Курте, не считая личных разговоров с Фрэнсис, но прислал мне ссылку на интервью, которое дал вскоре после смерти Курта и в котором сказал, что под конец жизни Курт говорил с ним о «направлении, в котором собирался двигаться». Стайп сказал журналисту: «Я знаю, как должен был звучать следующий альбом Nirvana. Очень тихий, акустический, с кучей струнных инструментов. Мы с ним собирались записать пробную версию альбома – демокассету. Все уже было готово. Он взял билет на самолет. Даже заказал машину, чтобы его довезли из аэропорта. А потом в последнюю минуту позвонил и сказал, что не сможет приехать».

Несмотря на мое фаталистическое отношение к самоубийству Курта, иногда эмоции все же заставляют меня задуматься, изменилось бы что-нибудь, если бы я проводил с ним больше времени в последние месяцы его жизни, говорил другим тоном на той интервенции, попросил пожить у нас несколько дней или был изобретательнее в поисках людей, которые могли бы ему помочь.

В 2016 году в Соединенных Штатах Америки было зарегистрировано 44 965 самоубийств. Более трех четвертей самоубийц были мужчинами, и половина из них застрелилась. Самоубийства – это глобальный феномен. В 2015 году покончили с собой более 800 000 человек.

Эрик Эрландсон стал собирать информацию о самоубийствах для своей книги Letters to Kurt отчасти из-за своего двойного горя: через несколько месяцев после самоубийства Курта басистка Hole Кристен Пфафф умерла от передозировки. Эрик перечислил некоторые факторы риска, повышающие вероятность самоубийства: недостаток чувства принадлежности, изоляция, притупление чувства боли.

Еще один фактор, который, как некоторые считают, повышает вероятность самоубийства, – генетическая предрасположенность. Курт часто говорил о том, что у него «ген самоубийцы». Он рассказывал, что его двоюродные дедушки Берл и Кеннет застрелились, а один из прадедов вроде как зарезался насмерть.

В электронном письме Эрик писал мне: «Я не большой

поклонник теории «гена само убийц». Депрессия – может быть, но я считаю, что если ты услышал, что кто-то покончил с собой, а у тебя какая-то душевная болезнь, у тебя появляется идея, что это неплохой вариант. В то, что душевные болезни могут передаваться из поколения в поколение, я вполне верю, но вот в ген, который противоречит инстинкту самосохранения, – нет. Как и многие страдавшие депрессией, Курт был готов найти любую отговорку, чтобы объяснить свои проблемы, лишь бы не брать на себя ответственность за то, чтобы выбраться из этого замкнутого круга».

Эрик – не единственный из близких знакомых Курта, кто злится на него за самоубийство. Крист негодует до сих пор.

– Он просто сдался! Как он мог так поступить со своей дочерью? Еще и заставил Дилана купить ему ружье. Как он мог так поступить с Диланом? Он мог сделать все, что ему было угодно. Он был на вершине мира, а потом уполз с нее и сделал это! Какого черта он так поступил? Он должен был держаться – хотя бы ради дочки.

Я уважаю эти эмоции, но у меня другая точка зрения. Каждый из нас морально обязан сделать все возможное для предотвращения самоубийства, но я по-прежнему возвращаюсь к идее, что у Курта была болезнь, которую никто не знал, как вылечить, и он умер от этой болезни в двадцать семь лет. Эта формулировка кажется единственно правильной для меня, но что было на самом деле, точно не знает никто.

Последними словами, которые Курт сказал Кортни, были: «Что бы ни случилось, помни: ты записала хороший альбом». Live Through This вышел 12 апреля, через неделю после смерти Курта. От совпадения у всех просто мозги плавились. Название альбом получил задолго до смерти Курта, оно было связано со множеством препятствий, которые Кортни пришлось преодолеть в начале жизни, но вот когда альбом вышел, это показалось зловещей отсылкой к самоубийству Курта.

Не могу представить, как Кортни справлялась с давлением на гастролях Hole после выхода альбома. Сейчас она вспоминает:

– Я публично оплакивала его перед десятью тысячами зрителей в день. Думаю, у меня на самом деле не было выбора – ну, шоу должно продолжаться, и так далее. У меня была группа и дочь.

Live Through This назвали лучшим альбомом 1994 года критики и Spin, и Rolling Stone, а Кортни признали лучшей рок-вокалисткой по опросу читателей в обоих журналах. Альбом Hole стал платиновым. Многие женщины стали музыкантами, будучи вдохновлены эффективной работой Кортни.

Курт повлиял не только на практически всех рок-музыкантов, появившихся после него: его персона вошла и в лексикон хип-хопа. Лил Уэйн рассказал MTV News в 2011 году, что в детстве любил Smells Like Teen Spirit. «Наверное, тогда я чувствовал себя бунтарем, и я могу ассоциировать себя с этим, мне близко то, о чем он говорил». Нью-йоркский рэпер A$AP Рокки вспоминал: «Когда я рос, я знал о Курте Кобейне, Nirvana и Smells Like Teen Spirit, а не только о той музыке, которую обычно слушают, когда растут в Гарлеме».

В 2011 году Кид Кади побывал дома у Курта и выпустил видео под названием Kid Cudy Pays His Respects to Kurt Cobain, в котором рэпер и его друзья обсуждают смерть и музыку Кобейна, а фоном играет Smells Like Teen Spirit. В 2018 году Кади и Канье Уэст взяли сэмпл из песни Курта Burn the Rain для Cudi Montage, последней песни с их совместного альбома Kids See Ghosts.

В хип-хоповых текстах самоубийство упоминается довольно часто. В Holy Grail Джея Зи и Джастина Тимберлейка есть строчка «Я знаю, что никто не виноват / Курт Кобейн сам с собой это сделал». Эминем в треке Cum On Everybody упоминает «голову Курта Кобейна, когда он себя застрелил».

Впрочем, наследие Курта заключается все-таки по большей части не в его смерти, а в его музыке. В 2017 году в May It Last, документальном фильме HBO о группе Avett Brothers, Сет Аветт говорит, что двумя его примерами для подражания были Док Уотсон и Курт Кобейн. В 2013 году Лана Дель Рей записала кавер-версию Heart-Shaped Box. Видео с этим исполнением на YouTube посмотрели более семи миллионов человек. В марте 2018 года на HBO появился трейлер второго сезона сериала «Мир Дикого Запада», музыкой к которому послужила инструментальная фортепианная аранжировка той же песни. Композитор сериала Рамин Джавади сказал: «Даже без текста, просто с мелодией… это невероятная вещь».

В 2018 году поэт Майкл Уоссон, автор антологии This American Ghost, выигравшей немало призов, рассказал о своем детстве онлайн-журналу Literary Hub: «Тогда, когда я был в сильном смятении, меня привлекла Nirvana. Я видел интуицию, наброски в дневниках, литературные противопоставления. Курт рисовал анатомические чертежи и черепах. Мне очень понравилась Drain You. В ней слышится, как один ребенок, не стесняясь, говорит с другим ребенком о благодарности, словно говорит: «Я так рад, что жил и встретил тебя».

Жизнь и смерть Курта стали темой нескольких фильмов. Я ненадолго появился в конце документального фильма Ника Брумфилда «Курт и Кортни» (1998), в котором Кортни

представлена в негативном свете. На званом ужине ACLU в 1997 году Кортни вручила Милошу Форману премию «Свобода слова» за режиссерскую работу в фильме «Народ против Ларри Флинта», где она исполнила одну из главных ролей. Брумфилд без приглашения выскочил на сцену и начал жаловаться на вполне понятный отказ Кортни дать интервью для его конспирологической ленты. Я потребовал от него покинуть сцену, и Брумфилд сделал это, зная, что момент его изгнания снимал оператор; его последователи, конечно же, назвали это цензурой.

Замечательный роман Ника Хорнби «Мой мальчик» повествует о британском подростке-изгое, который сумел найти свою идентичность и нескольких друзей после того, как стал поклонником Курта Кобейна, и который горько оплакивает его смерть. Продюсеры экранизации, похоже, не имели достаточно денег, чтобы лицензировать хотя бы одну песню Nirvana, но где-то над ней все равно витает дух Курта.

В 2005 году Гас Ван Сент снял фильм «Последние дни», к которому также написал сценарий; прототипом главного персонажа явно был Курт. Хотя образ «Блейка», созданный Майклом Питтом, внешне очень напоминал Курта, никакого другого сходства в фильме нет. Ван Сент объяснил мне, что фильм – это не документальная драма, а скорее «реакция на шумиху вокруг его смерти».

Блейк живет в большом доме в Сиэтле. Ван Сент рассказал мне, что то, что происходит в доме, основано на его собственном опыте раннего успеха, а не на опыте Курта: «У меня был большой викторианский дом в Портленде, и иногда туда приходили люди, а я от них прятался». В сюжете каким-то образом фигурирует детектив. Ким Гордон играет высокопоставленную сотрудницу лейбла, которая отчаянно пытается удержать Блейка от саморазрушения. В своих мемуарах Girl in a Band Гордон писала, что основывала свой образ бизнесвумен, искренне сочувствовавшей артисту, на Розмари. Несмотря на все эти поверхностные отголоски реальности, история имеет мало общего с тем, что в действительности происходило под конец жизни Курта.

Я не участвовал в работе над документальным фильмом Montage of Heck, который вышел на HBO в 2015 году, и испытываю к нему смешанные чувства. Этот субъективный портрет от режиссера Бретта Моргена, который не был знаком с Куртом, и его взгляд на жизнь Курта вышел намного более мрачным, чем мой. Я считаю, что это искреннее произведение искусства, и с уважением отношусь к тому, что его одобрили Фрэнсис и Кортни, но вот многих граней Курта, которые остались

в моей памяти, я там не увидел.

Помимо превосходных концертных документальных фильмов, которые были выпущены, мой любимый фильм, связанный с Куртом, – это фильм А. Дж. Шнака 2006 года Kurt Cobain: About a Son, который строится на аудиоинтервью Майкла Азеррада с Куртом.

Есть несколько сумасшедших поклонников, таких как парень из Австралии, который обычно оставлял сообщения на моей голосовой почте, говоря, что он был реинкарнацией Курта, но подавляющее большинство тех, кто чувствует глубокую связь с Куртом, являются страстными поклонниками, которых, я считаю, Курт бы оценил.

При жизни Курт ненавидел бутлеги – не столько потому, что они как-то сказывались на его финансах, сколько потому, что ему претила сама идея того, что его произведения выходят в свет без его личного одобрения. Но принимать решения из потустороннего мира он уже не может. Я уважаю суперфанов, которые выпустили, например, бутлег Outcesticide, подборку демоверсий, альтернативных и концертных записей и выступлений в прямых эфирах, которых больше нигде не найдешь. Но вот когда вышел Outcesticide 2, кто-то, занимавшийся оформлением обложек, написал: «Гений Курта Кобейна не должен лежать мертвым грузом в архивах лейбла». Этот человек заблуждается. Ни Крист, ни Дейв, ни Кортни, ни представители лейбла не заинтересованы в том, чтобы прятать музыку Курта. Вовсе наоборот. Дело в том, что никаких других великолепных или даже хороших песен Курта Кобейна просто нет. Он дал нам немало за весьма короткое время. У Джона Леннона было семнадцать лет доступа к студиям звукозаписи. У Принса – тридцать восемь. У Дэвида Боуи – сорок девять. А у Курта – всего пять.

В июле 2018 года, когда уже приближался срок сдачи этой книги, в ирландском Ньюбридже открывалась выставка личных вещей Курта. Джефф Голд из Recordmecca, главного сайта, торгующего рок-сувенирами, говорит: «Курт Кобейн был Джими Хендриксом или Бобом Диланом поколения X. Nirvana – самая коллекционируемая группа девяностых, и на сувениры с Куртом Кобейном огромный спрос». Вот хотя бы два примера: в 2017 году награда MTV Video Music Awards за клип Heart-Shaped Box ушла за 40 тысяч долларов, а в 2015 году кто-то купил свитер Курта, в котором он был на Unplugged, за 140 тысяч.

Конечно, большинству фанатов такие вещи не по карману, но огромное количество поклонников за последние двадцать пять лет показали свою преданность, оставляя комментарии на сайтах

NirvanaClub.com и LiveNirvana. com.

Пожалуй, мой любимый комментарий: «Я считаю, что Курт Кобейн – величайший из когда-либо живших людей. Благодаря ему я такой, какой есть. Он вдохновил меня делать то, что я хочу, а не то, чего хотят от меня другие люди. Я считаю, что он по-прежнему здесь, со всеми нами, что он не умер».

Другой фанат написал: «В молодости я сильно страдал. Я хотел отомстить, потому что меня всю жизнь травили, никогда не считали человеком – лишь объектом для шуток. У меня была депрессия, суицидальные мысли, я очень злился, и Курт был единственным человеком, который помогал мне почувствовать себя в безопасности, который никогда не причинял мне вреда, но всегда был рядом, чтобы выслушать мои проблемы – я ощущал это через его стихи. Он помогал мне почувствовать, что все в порядке, даже когда я был на грани сумасшествия».

На одном из форумов Reddit фанат рассказал, чему научился от Курта: «Пусть девушки сами к тебе приходят. Курт не был типичным альфа-самцом. Еще он был бедным, из распавшейся семьи. Не назовешь парнем мечты. Он был слишком феминистом, чтобы всерьез раздумывать над тем, как заставить девушек с собой переспать. Он был слишком занят своими хобби и попытками свести концы с концами, но все равно знакомился с женщинами, и он им нравился. Женское влечение к мужчинам сложное и не всегда оно основано только на физической привлекательности. Они ценят по-настоящему искренних парней, которым можно доверять больше, чем какого-нибудь парня, который выглядит хорошо только на бумаге».

Терстон вспоминает:

– Курт хотел быть Нилом Янгом. И в каком-то смысле он им стал. Но не смог прожить достаточно долго, чтобы и дальше им быть. Как же, блин, хреново.

Да, действительно, очень хреново, что Курт умер таким молодым, особенно для Кортни и Фрэнсис. Но вот то, как он жил, – не хреново. Самоубийство – это ужасно. Немалая часть драмы, вызванной употреблением наркотиков, – жуть полная. Печаль и гнев, которые многие люди в нем видели, были настоящими. Но такими же настоящими были его улыбки, его доброта и, прежде всего, его потрясающая музыка. Он был последним рок-музыкантом, одновременно ставшим поп-фигурой. Человек, который в 1991 году писал, что он «глуп и заразен», тогда был так же популярен, как Дрейк или Рианна четверть века спустя. Он так много дал миру за двадцать семь лет.

Через несколько недель после выхода Nevermind Курт сказал в интервью: «Люди считают жизнь чем-то священным, своим

единственным шансом, они думают, что нужно обязательно что-то сделать, оставить свой след. Как по мне, это просто пит-стоп перед загробной жизнью. Небольшая проверка на то, как хорошо ты умеешь справляться с реальностью».

Эверетт Тру рассказал мне, что его любимая из всех статей, которые он написал о группе, – предисловие к книге с фотографиями, которая вышла в Англии в 2001 году под названием Nirvana. В ней он писал: «Вот что я хочу сказать об исторических книгах. Я ненавижу их. Просто на хрен ненавижу. Я ненавижу все, что говорит нам, что нечто перестало существовать. Я не хочу это отпускать. Мне не нравится идея, что момент времени можно поймать, остановить, иными словами, превратить его в момент времени. Чем была Nirvana? Прославлением многого из того, что есть хорошего в нашей жизни».

Скольких бы Курт ни вдохновил и сколько бы ни отдал, я все равно считаю, что была в его личности значительная часть, которая осталась тайной даже для самых близких. Я так рад, что несколько раз краем глаза увидел ее, и не меньше рад, что его наследие по-прежнему вдохновляет стольких людей.

Несмотря даже на темную сторону Курта, я по-прежнему возвращаюсь к последнему припеву All Apologies, в котором Курт спел: «Под солнцем я чувствую себя кем-то / В конце концов, это и есть все, что мы есть», и к этим строчкам из его дневников: «Никакой Истинный Талант не может быть полностью органичным, но очевидно талантливые люди не только контролируют обучение, но и особый небольшой подарочек, который они получают при рождении и который подпитывается страстью. Встроенная, совершенно необъяснимая, ньюэйджевская, разрывающаяся, блин, от космической энергии любовь».

Примечание об источниках

Чтобы освежить память и заполнить белые пятна, я чаще всего обращался к книгам Майкла Азеррада Come as You Are: The Story of Nirvana и Our Band Could Be Your Life.

Ценными источниками также оказались Nirvana: The Biography Эверетта Тру, Heavier Than Heaven и Here We Are Now: The Lasting Impact of Kurt Cobain Чарльза Кросса, Dark Slivers: Seeing Nirvana in the Shards of Incesticide и Cobain on Cobain: Interviews and Encounters Ника Солсби и Nirvana: A Day by Day Eyewitness Chronicle Кэрри Борзилло.

Немало помогли и следующие книги: Nirvana: A Tour Diary Энди Боллена, Journals Курта Кобейна, Cobain от редакции Rolling Stone, Dead Kennedys: Fresh Fruit for Rotting Vegetables: The Early Years Алекса Огга, Get in the Van: On the Road with Black Flag Генри Роллинса, Girls to the Front: The True Story of the Riot Grrrl Revolution Сары Маркус, Hit So Hard Патти Шемель, Letters To Kurt Эрика Эрландсона, Love Rock Revolution: K Records and the Rise of Independent Music Марка Баумгартена, Of Grunge and Government: Let's Fix That Broken Democracy! Криста Новоселича и Spray Paint the Walls: The Story of Black Flag Стиви Чика.

Кроме того, ценными оказались публикации в следующих изданиях: The Advocate, Bay Area Music, Discogs, GQ, Los Angeles Times, Melody Maker, New Musical Express, The New Yorker, New York Times, Newsweek, Pitchfork, Rolling Stone и Spin, а также сайты LiveNirvana.com, NirvanaClub. com и MyBackPages.com.

Полезными были многочисленные клипы с YouTube и следующие фильмы: 1991: The Year Punk Broke (режиссер Дейв Марки), Kurt and Courtney (режиссер Ник Брумфилд), Soaked in Bleach (режиссер Бенджамин Стетлер), Hype! (режиссер Даг Прэй), «Последние дни» (режиссер Гас Ван Сант) и Kurt Cobain: About a Son (режиссер Эй Джей Шнак).

Благодарности

Спасибо моему редактору Дениз Освальд из Ecco Books, которая поверила в эту книгу и всячески помогала с ее написанием. Спасибо также Эмме Янаски и Трине Ханн в Ecco, корректору Адже Поллок и Анне Валентайн из британского издательства Trapeze.

Мой агент Лора Нолан из Aevitas с терпеливостью и мудростью вела меня под руку на каждом этапе процесса, и я глубоко ей благодарен. Спасибо также Челси Хеллер из Aevitas за работу с международными правами.

Кортни Лав появлялась и исчезала из моей жизни в последние двадцать пять лет, подобно луне в ее различных фазах. Ее поддержка и помощь при написании книги очень много для меня значат.

Розмари Кэрролл и я вместе пережили многие события, описанные в этой книге, и никакой моей благодарности не будет достаточно за то, что она щедро поделилась своими воспоминаниями. Наши дети Кэти и Макс были очень маленькими, когда Курт умер, но они выросли в мире, который он помог сотворить, и я ценю их эмоциональную поддержку.

Крист Новоселич, открытый и готовый снова освежить события в памяти, очень вдохновил меня, его помощь была бесценной.

Майкл Азеррад был одним из первых, к кому я обратился, задумав эту книгу, и он много раз помог мне; его дружеское участие в процессе работы для меня невероятно ценно.

Я хочу также поблагодарить всех людей, которые согласились поговорить со мной: Джелло Биафру, Дженни Бодди, Деррика Бострома, Антона Брукса, Гаса Ван Сента, Грега Веркмана, Бутча Вига, Джеффа Голда, Стива Гринберга, Жерара Друо, Марка Кейтса, Кенни Лагуну, Скотта Литта, Крейга Маркса, Бена Мерлиса, Джима Мерлиса, Криса Монлуса, Терстона Мура, Скота Накагаву, Эндрю Луга Олдхэма, Энн Пауэрс, Джанет Биллиг Рич, Джона Розенфельдера, Робин Слоан Сейберт, Эла Смита, Роберта Смита, Тима Соммера, Марка Спектора, Сьюзи Теннант, Эверетта Тру, Каза Уцуномию, Рэя Фаррелла, Эми Финнерти, Роберта Фишера, Лесли Фрам, Дирка-Яна Хаанраадтса и Эрика Эрландсона.

Спасибо за обратную связь на различных этапах работы Майклу Азерраду, Эрику Олтермену, Майклу Симмонсу и Эрику Эрландсону.

Спасибо Бенджамину Хейфецу за сбор информации и Синди

Виллано, Стюарту Купу, Тиму Соммеру и Адаму Стиклору за ценные советы.

Спасибо Джесси Бауэру и Шелби Макилрат, моим коллегам из Gold Village, за терпение, которое они проявляли ко мне в последний год, Стиву Эрлу за его острый ум и дружбу, моей бывшей ассистентке Робин Кляйн за то, что так тщательно организовывала мои записи, и Уоррену Гранту и Лори Итимуре, моим бизнес-менеджерам, за постоянную поддержку.

Как и в случае со всеми моими предыдущими книгами, Карен Гринберг читала все черновики, вдохновляла меня и помогала множеством способов, которые невозможно передать словами.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ,
ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

notes

Примечания

1

Каламбур, к сожалению, непереводим. «Broke» может означать и «без денег», и «совершил прорыв».

2

«Пустому ТВ» (непереводимый каламбур).

3

Оригинальная шутка непереводима из-за каламбура.

4

Фрэнк Ллойд Райт – американский архитектор, создатель течения «органическая архитектура». Майк Брейди – один из главных персонажей комедийного сериала «Семейка Брейди», архитектор по профессии.

5

Непереводимый каламбур: all the rage также означает «вся шумиха».